

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XLIII

№ 2
апрель-июнь 2017

ТАШКЕНТ
2017

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Апостолы Петр и Павел (фреска из монастыря Ватопед на Афоне, кон. XII века). Апостол Иоанн Богослов (картина Эль Греко, кон. XVI – нач. XVII веков, Прадо, Мадрид) (С. 6; С. 95).

Стр. 3: Храм святого равноапостольного князя Владимира в Каттакургане (С. 11).

Восток Свыше. 2017, № 2 (XLIII)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил КАЛИНИН. «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник
в бедах...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*
Dum spigo. 1950 лет преставления святых первоверховных
апостолов Петра и Павла (29 июня 67 года) 6

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ УЗБЕКИСТАНА

Александр ГАЛАК. Храм святого равноапостольного князя Владимира
в Каттакургане 11

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Татьяна СТЕКЛОВА. За скупой строкой архивного документа.
I. Из истории Хорогской церкви на Памире.
II. «Ташкентская епархия, хорошо и близко знавшая родного
архиепископа Луку...» 17

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Всеволод СТРАТОНОВ. Туркестан. Главы из воспоминаний
«По волнам жизни». Публикация, предисловие
и примечания *Татьяны Котюковой* 23

ПРОЗА

Борис ШИРЯЕВ. Соловецкие сказы. Публикация и вступительная
заметка *Михаила Талалая*, примечания и послесловие
священника *Вячеслава Умнягина* 46

Ольга НЕЧАЕВА. Больно не было 83

ПЕРЕВОДЫ

- «Слово на страдания святого великомученика Вонифатия»
преподобного Ефрема Сирина. Перевод с греческого,
предисловие и комментарии *Алексея Пернбаума* 85

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

- О воспитании детей. О таинстве исповеди 92
- Иерей Сергей КРУГЛОВ*. «Царство Божие – здесь». Избранные записи
в Фейсбуке последних лет 95

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

- Николетта ПРОЗОРОВА*. На улице Уездной 107
- Виктор МОИСЕЕНКО*. В семье и в школе. *Сырдарьинские этюды* 113

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

- Социальные страницы *Лилии КАЛАУС*
Еще раз об «оскорблении чувств» 129

Тема: Поэзия и Вера

- «Не от нас зависит». На вопросы ВС отвечает поэт *Ирина ЕРМАКОВА* ... 132
- Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*
От жития – к сонету 138

Авторы номера 141

Информация для авторов 142

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил КАЛИНИН

Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах, –
читал я слова псалма, –
хотя бы поколебалась земля

и тут дом затрясло
несильно – балла три, не больше
местные даже внимания не обращают на толчки, подобные этому

я не стал менять удобную позу
устроившись с Библией на диване

выдержал паузу, дождался, пока перестанет трясти
и продолжил читать о том, что не стоит бояться землетрясений
тому, кого Он взял за руку

потому что праведник не поколеблется
даже если кругом все колеблется

Календарные страницы *главного редактора*

Dum spiro

*1950 лет преставления святых первоверховных апостолов Петра и Павла
(29 июня 67 года)*

День был душным, море – каким-то свинцовым. Диктовать было тяжело; Прохор то и дело переспрашивал. Он бы и сам взялся за калам, если бы не глаза. К старости все далекое становится видимым, все ближнее заволакивается туманом.

Он вышел из пещеры. Небо было напряженным, пепельным. Сколько раз он вглядывался вот так в него, сколько раз надежда шевелилась в нем, как плод в утробе матери. Сколько раз ловил случайные новости с гавани... Вчитывался в редкие послания от асийских церквей... Не наступает ли конец мира, дорогие? Не пала ли Блудница Вавилонская, упившись вином блудодеяний своих?

Spem pretio non emo.

Глупая римская поговорка: за надежду денег не дают.

Он отдал за надежду всю свою жизнь. И будь у него их несколько, отдал бы их все.

Но он и так живет долго. Пережив их всех. Всех, с кем ходил тогда по Иудее. Посечен мечем в Иерусалиме брат Иаков, казнен в далекой Индии Фома, распят в Патрах Андрей...

И его тогда тоже должны были казнить. Тогда, в Риме, вместе с Петром и Павлом. Петр и Павел так и остались в Риме, мерзком Вавилоне. Пропитали кровью своей его землю. Души их предстоят пред небесным Алтарем. Он знает. Он – *видел*.

Присев и прислонясь к скале, он думает о них. Камень холодит спину; небо, море, все сливается.

Петр и Павел. Павел и Петр.

Они были очень разными.

Один был сыном простого рыбака. Другой – ученого фарисея.

Один родился и вырос в самой Иудее – в Вифсаиде Галилейской. Другой – в рассеянии, в Тарсе Киликийском, гнездилище еллинского любомудрия и риторства.

Один был человеком некнижным; другой – учеником премудрого раббана Гамалиила.

Один был здоров и крепок; другой – изнуряем приступами тяжелой болезни.

Один был с Христом с самого начала Его проповеди. Другой никогда не видел Христа в Его земной жизни.

Наконец, один большую часть своего служения проповедовал среди иудеев; другой был прозван «апостолом язычников»...

Петр и Павел.

Павел и Петр.

Одного звали Симон. Точнее, Шимон – «Услышанный Богом».

Родом был он из Вифсаиды Галилейской.

Виф-Саида, или Бет-Цаида, – «дом рыбака»; оттуда же были Филипп и Андрей. Поселение на берегу Галилейского моря; или, как оно еще называлось в честь кесаря Тиверия – Тивериадского.

Шимон здесь рос, женился, ловил рыбу. Усача, галилейскую тилапию, которую станут называть рыбой святого Петра.

Да, Шимон назван человеком «некнижным», *αγραμματος* – неученым. Но так это – в глазах иерусалимских, столичных книжников: сведущих в богословских тонкостях, поднаторевших в диспутах. Да еще этот его галилейский выговор, забавлявший их.

Но Тору и Псалмы знал – цитировал целые куски наизусть. Постоянно ссылался на них в своих соборных посланиях. Ремесло рыбака не препятствовало изучению Торы.

И еще – Шимон умел обращаться с мечом. Тоже не рядовое для простого рыбака умение.

Что-то было в этом уже немолодом галилеянине, что Господь именно ему поручил пасти Его овец.

Вера. Вера в то, что Иисус есть Христос, долгожданный Мессия, Сын Божий.

Ибо Церковь может быть созиждена только на Вере.

Порой она оставляла Шимона, и тогда он, идущий по волнам к Господу, начинал тонуть. Или – в ту зябкую ночь, когда он грелся у огня во дворе дома первосвященника – трижды отрекался от Него. И Господь, которого как раз выводили из судилища, поглядел на Петра – так, как только Он один мог глядеть. И пошел далее.

Потом Шимон долго брел по узким, залитым нечистотами иерусалимским улочкам; размазывал слезы по пыльному лицу. И первые лучи прорезали вечный город.

Потом будет Распятие.

Потом будет Воскресение.

Всякий раз вера снова возгоралась в нем. Он выполнял данный ему завет – пас овец Господних, расширял и умножал Его стадо. На месте галилейского рыбака Шимона возник апостол Петр – «камень, скала».

Последний приступ малодушия постиг Петра уже на склоне лет, в Вавилоне – как христиане называли между собой Рим. Даже нет, не малодушия – скорее, благоразумия...

В ночь с 18 на 19 июля 64 года по Рождеству Того, кого Петр проповедовал Сыном Божиим, загорелся Рим.

Петр был в ту пору в Риме. В Риме был и апостол Павел.

Его звали Савл. Точнее, Шауль – «Вымоленный у Бога».

Назвали его в честь Саула, Шауля – первого израильского царя, тоже из колена Вениаминова.

Родом Шауль был из Тарса Киликийского.

Тарс был завоеван Римом за лет семьдесят до его рождения, в 67 году до Р.Х. Тарс был пестрым – здесь жили греки, иудеи, армяне, сирийцы... Тарс славился ученостью. Как писал знаменитый Страбон: «Жители Тарса с таким рвением занимались не только философией, но и общеобразовательными предметами, что превзошли Афины, Александрию и любое другое место, какое ни назовешь, где существуют школы и обучение философии».

О том, повлияла ли на будущего апостола философия стоиков, преобладавшая в Тарсе, будут еще много спорить. Но греческую литературу Шауль знал. В своей проповеди на афинском ареопаге цитировал «Явления» Арата.

С греческой премудростью юный Шауль мог познакомиться и в Иерусалиме, в славившейся преподаванием светских наук школе Гамалиила. Гамалиил – единственный законоучитель, почитаемый и иудеями, и Церковью. Защитил на синедрионе апостола Петра и других от угрожавшей им смерти. Его школа была умереннее, терпимее других школ. В конце жизни Гамалиил был тайно крещен Петром.

Почему молодой Шауль, воспитанный «при ногах Гамалиила», проявит такую нетерпимость к христианам?

Тогда их многие ненавидели. Впрочем, как и потом. Ненависть эта будет то уходить под землю, то выступать на ней кровавой пеной.

Потом будет свет, облиставший Шауля по дороге в Дамаск.

Потом будут годы проповеди в Антиохии.

На месте прежнего Шауля возникал Павел. Тот, кто носил имя царя, бывшего «от плеч своих выше всего народа», становился «малым», «маленьким» – именно это означало римское имя «Павел». Ибо только через умаление лежит путь к величю.

Что-то было в этом молодом тарсянине, что Господь именно ему поручил проповедовать Евангелие язычникам.

Любовь. Любовь и вера, но любовь прежде. Ибо сам Бог есть Любовь.

И Царство Небесное созиждется на любви.

Это не была любовь, равномерно и непрерывно изливаемая на все и вся. Он мог отдалить от себя. Мог выговорить со всей строгостью. «О несмысленные Галате!» Мог пригрозить отлучением. «Аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят!»

Но в основе всего этого была любовь. Любовь, светившая в немощном теле этого тарсянина все сильнее.

Потом будут миссионерские странствия, по всей Греции и Малой Азии.

Потом будут взятие под стражу и отправка в Рим.

В Риме он пробудет два года, дожидаясь суда Кесаря.

И будет оправдан. Предпримет новые путешествия.

Во время Великого Пожара 64 года или вскоре после него он, как и апостол Петр, будет в Риме.

Пожар начался в ночь с 18 на 19 июля в лавках, расположенных у Большого цирка. К утру горела большая часть города.

Огонь тушили долго и безуспешно. Рим выгорал, ветер разносил сажу, вопли обожженных и растоптанных на тесных улицах.

С холма на горящий город глядел совиными глазами кесарь Нерон.

Как все душегубцы, он мнил себя великим строителем. Он и был им – отчасти. Еще во время пожара разработал план строительства города. Установил расстояние между домами, ширину новых улиц, обязал строить только каменные здания. Заложил на расчищенной огнем земле свой грандиозный Золотой Дворец.

Оставалось только найти тех, кого обвинить в поджоге.

Естественно, поджечь город могут лишь те, кто не поклоняются ему, Кесарю, как живому богу.

Началось избиение христиан.

Многие, спасаясь, уходили из Рима; в числе их был и апостол Петр.

Это не было малодушием. Ему и другим апостолам не раз приходилось уходить, чтобы спасти свою жизнь – чтобы еще послужить Господу, распространять Евангелие во все концы земли и созидать Церковь. И Господь помогал им в этом. И ему, Симону-Петру, тоже.

И на этот раз намерение было тоже благим. Нужно было спасти церковноначалие. Церковь, с такими трудами рожденная и утроенная, могла быть полностью обезглавлена. В Риме пребывал в узах апостол Павел. В Рим был доставлен под стражей апостол Иоанн. На свободе оставался один Петр.

Нерон возводил новый Рим, благоустраивал его, строил Золотой Дворец – еще одно чудо света. И уничтожал христиан. Запах гари над Римом сменился запахом крови.

Петр уходил из Рима. Ночь была холодной, костер у дороги грел слабо. Внезапно Петр поднял глаза и увидел Его. На спине темнел крест, нижний конец которого волочился, постукивая по булыжникам. Петр приподнялся; стало видно и лицо подошедшего, и венец, и кровоподтеки. Пламя изогнулось от ветра и снова распрямилось, пуская в ночное небо дым.

«Камо грядеши, Господи?» – «В Рим иду, паки распятыся».

И поглядел на Петра – так, как только Он один мог глядеть. И пошел далее.

Петр, быстро поднявшись, побежал следом, обратно в Рим.

Потом он долго брел по широким, заново отстраиваемым улицам; размазывал слезы по пыльному лицу. И первые лучи прорезали вечный город.

Петр был схвачен и распят на кресте вниз головой. «Так как я недостойн так быть на кресте, как и Господь мой, переверните крест». Палачи, переглянувшись, перевернули крест.

«Благодарю тя, Пастырю благий, – Петр говорил с трудом, кровь прилиwała к голове, – сподобил мя еси сему часу... Но молю ти ся, овцы, яже ми еси поручил, да не остануть кроме Тебе, истиннаго Бога...».

Павла, как римского гражданина, предали «честной» смерти – усечением головы. Было это в месте Акве Салвие, у старой сосны.

Верные же, взявши святое тело апостола, положили в одном месте со святым Петром.

Он, третий, тогда избег смерти.

Назначили выпить чашу с ядом – пред лицом Кесаря. Чашу он выпил, спокойно, ровными глотками; отер уста краем гиматия... Яд не причинил вреда. Пораженный Кесарь заменил казнь ссылкой, сюда, на Патмос.

Погиб апостол Веры. Погиб апостол Любви. Одному ему выпало остаться в живых, чтобы сохранять, сберечь в себе Надежду. Чтобы самому стать Надеждой – на скорое приближение всех сроков...

Повержен будет Вавилон, великий город!

И голоса играющих на гуслях и свирелях уже не будет слышно в нем!

Ибо в нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле христиан!
Ибо в нем найдена кровь братьев его, святых Петра и Павла!

Dum spiro, spero.

Эта римская поговорка ему нравилась.

Dum spiro, spero. Пока дышу – надеюсь.

Dum spiro, credo. Пока дышу – верю.

Dum spiro, amo. Пока дышу – люблю.

Длинная молния разрывает небо. По камням, по редкой траве затюкал дождь.

Он вернулся в пещеру, растормошил задремавшего Прохора. И попросил про-
честь написанное – с самого начала.

«Апокалипсис Иисуса Христа, – начал тихо Прохор, – его же даде ему Бог, пока-
зати рабом Своим, имже подобает быти вскоре. И сказа, послав чрез Ангела Своего
рабу Своему Иоанну...»

Александр ГАЛАК

Храм святого равноапостольного князя Владимира в Каттакургане

Свято-Владимирский храм – один из самых старых приходов самаркандского Благочиния. За годы своего существования его община неоднократно переходила с одного места на другое. Не раз бывало и так, что священники этого храма, не выдержав, покидали свой приход, оставляя паству без окормления. Но люди, оставшись без священника, не сдавались и сами, как могли, берегли и сохраняли храм.

18 мая 1868 года Катты-Курган (старое название) вошел в состав Российской империи. В Катты-Курганской крепости разместился 8-й Туркестанский линейный батальон. Город становится пограничным укреплением Российской империи, находящимся в двадцати верстах от границы с Бухарским ханством. В том же году в нем строится первая – военная – церковь, которую решено было освятить во имя святого равноапостольного князя Владимира. На сохранившейся старинной фотографии видно это несложное строение азиатского типа под плоской крышей, отличающееся от остальных разве что только маленьким куполом с крестом. Рядом видна небольшая колокольня в виде деревянного помоста под открытым небом.

В послужном списке первого настоятеля военной Свято-Владимирской церкви – священника Владимира Михайловича Невоструева – имеется запись, сделанная за 16 дней до взятия Катты-Кургана. Она гласит, что 2-го мая 1868 года на вакантное место штатного священника в город Катты-Курган назначается по собственному желанию отец Владимир Невоструев.

Он сам был сыном священника Вятской епархии. В 1860 году окончил Вятскую духовную семинарию по 2-му разряду. После окончания семинарии отец Владимир три года служил учителем при сельских училищах. Епископом Оренбургским и Уральским Варлаамом он был принят из Вятской епархии в Оренбургскую и им же позже был рукоположен в священнический сан. Указом владыки отец Владимир был определен к Спасо-Преображенскому собору в городе Орске. Епархиальным

Редакция ВС благодарит Татьяну Стеклову за помощь в уточнении некоторых дат, фигурирующих в статье.

начальством он был назначен катехизатором на три года. За ревностное исполнение своих обязанностей в 1866 году его наградили набедренником, а в 1868 он обратился с прошением о переводе в Катты-Курган.

На этом приходе отец Владимир прослужил до 21 февраля 1871 года и был переведен на штатное место священника в ташкентскую госпитальную церковь¹.

В июне 1872 года первый епископ Туркестанский и Ташкентский, преосвященный Софония, объезжал епархию. После Самарканда он планировал посетить Катты-Курган, для освящения там новопостроенной церкви. Но в Самарканде владыка заболел и не смог ехать дальше. Освящение нового храма было поручено сопровождавшему владыку благочинному Туркестанской епархии, известному протоиерею Андрею Малову, что тот и совершил.

Следующим настоятелем Катты-Курганской церкви был отец Алексей Зеленецкий, непрерывно прослуживший на этом приходе 25 лет. Об этом незаурядном священнике и педагоге подробно сообщается в статье секретаря Катты-Курганского уездного начальника – Ф.Ф. Поспелова², написанной им об основателе русской школы в Катты-Кургане и опубликованной в 1904 году (сам Поспелов в этой публикации называет отца Алексея своим «дедушкой»).

По происхождению отец Алексей был сыном сельского священника. По окончании Симбирской духовной семинарии в 1856 году он оставил ей 1000 рублей, чтобы на проценты от этой суммы была учреждена стипендия для семинаристов. В течение первых двух лет по выходе из стен духовной семинарии он работает учителем в Самарской губернии у одного богатого помещика. В сентябре 1858 года молодой отец Алексей был рукоположен в сан священника и десять последующих лет совмещал священство с преподавательской деятельностью³.

Приблизительно в 1867 году его постигло большое горе – у него скончались супруга и малолетние дети. Овдовевший священник попросил перевести его в далекий Туркестанский край и получил назначение в Ура-Тюбе, бывшее в ту пору военным укреплением. Там отец Алексей берется обучать грамоте нескольких русских ребятишек у себя на дому. За это доброе начинание туркестанский генерал-губернатор фон Кауфман выхлопотал в Св. Синоде в награду отцу Алексею камилавку. А 10 февраля 1872 года священника перемещают на открывшееся вакантное место настоятеля церкви святого равноапостольного князя Владимира в Катты-Курган. При этом приходе отец Алексей практически сразу открывает школу прямо у себя в доме, выделив для этого большую комнату. У него постигали азы учения дети разных национальностей, среди которых были русские, узбеки, таджики, евреи и индусы. Батюшка обучал их чтению, письму и арифметике, а русские дети изучали еще и Закон Божий. К концу этого же года отец Алексей обратился к начальнику Зерафшанского округа с докладом об образовании школы. Заведовать новой школой и преподавать в ней он предлагал безвозмездно. Просил только выделить ему помощника из числа военных и необходимую сумму денег на обустройство новой школы и приобретение учебников.

Официальное открытие Катты-Курганской школы состоялось 1 февраля 1873 года, а в 1879 году она была преобразована в приходское училище. Через четыре года было выстроено специальное новое здание из жженого кирпича. Были у отца

Алексия и помощники; русские военные – унтер-офицер Ханин и рядовые Свечкин и Стулов.

Для облегчения взаимопонимания с детьми батюшка составил специальный словарик. В разработанной им системе образования не было места принуждению, он старался привить своим ученикам интерес к предмету. В 1879 году в Катты-Курганскую школу был прислан первый профессиональный учитель. За последующие пятнадцать лет в школе сменилось около десяти учителей, и лишь один отец Алексей оставался бессменным. И только в 1894 году по состоянию здоровья он был вынужден отказаться от места заведующего училищем.

Люди вспоминали, что отец Алексей шел в школу с карманами, набитыми кишмишом или конфетами, которыми он поощрял старательных учеников. Заходя в класс, он выгружал содержимое своих карманов прямо на учительский стол, объявляя, что сладости получают те дети, кто знает урок и будет вести себя послушно. Дети также любили собираться у батюшки в доме на чаепития со сладостями, которые он им устраивал после занятий. Отец Алексей сам зазывал детишек в свою школу учиться и в итоге многим из них открыл дорогу в жизнь. Кроме этого отец Алексей Зеленецкий входил еще в состав Катты-Курганского попечительного о тьюрмах комитета.

При отце Алексее в 1891 году, на средства, отпущенные Главным интендантским управлением, была выстроена новая, капитальная церковь из жженого кирпича. Место для ее расположения было выбрано в лучшей, возвышенной части Катты-Кургана, неподалеку от станции железнодорожного вокзала. Возле церкви находился небольшой сад. Здание этой церкви было рассчитано на 700 человек. Ее строительство обошлось тогда в 20 700 рублей, и колокольни в 3 533 рубля. На месте прежней церкви была устроена часовня, которая была приписана к новой церкви⁴.

В марте 1894 года отцу Алексею в Катты-Курган завезли пчелиный улей, и, чтобы не дать погибнуть пчелам, он взялся осваивать науку пчеловодства. В Туркестане, кстати, в те годы пчеловодства еще не было и лишь немногие смельчаки-энтузиасты пробовали на новых землях прививать это начинание.

Самаркандский генерал-губернатор Н.Я. Ростовцов всячески способствовал появлению и распространению пчеловодства в области. Для содействия развитию пчеловодства в империи в 1893 году вышло распоряжение о бесплатной отправке посылок и бандеролей с живыми пчелами. Посылки в виде деревянных или металлических ящиков имели мелкие отверстия для воздуха и перевозились поездами и пароходами вместе с почтовой корреспонденцией. Это позволяло пересылать живых пчел по всей империи, где только имелись почтовые отделения. Кстати, у самого генерал-губернатора графа Н.Я. Ростовцова возле дома на Абрамовском бульваре тоже была своя небольшая пасека.

Отец Алексей смог не только сохранить улей с пчелами, но и стал увлеченным пчеловодом. В скором времени у него была уже своя пасека. Он тщательно вел дневник, где записывал все свои наблюдения за погодой и пчелами, переписывался со специалистами, обменивался опытом и пчелиными семьями. И это дело отца Алексея тоже не пропало даром, со временем пчеловодство привилось в Катты-

Кургане и за его пределами. Следом за отцом Алексеем своими пасаками обзавелись начальник Катты-Курганского уезда – подполковник В.И. Чертов и его секретарь Ф.Ф. Поспелов, а к 1899 году в Катты-Кургане было уже шесть пасек⁵.

28 февраля 1897 года, после продолжительной и тяжелой болезни, отец Алексей скончался. Его паства испросила разрешения похоронить своего дорогого батюшку у восточной стены алтаря Владимирской Катты-Курганской церкви. Среди пришедших проводить отца Алексея, одного из старейших и почтеннейших туркестанских священников, в последний путь были и православные, и мусульмане, и, конечно же – дети.

По завещанию покойного отца Алексея, его помощник по храму и в деле пчеловодства – Волканович перевез в марте часть ульев в Самарканд и передал их генерал-губернатору графу Н.Я. Ростовцову⁶.

В разных источниках сохранились имена еще некоторых священников, служивших в последующие годы в храме святого равноапостольного князя Владимира.

В 1897–1902 годах здесь служил священник Александр Малицкий. Профессиональный военный, он окончил 2-е Константиновское военное училище; будучи поручиком 2-го Туркестанского линейного батальона, в 1893 году принял священство. До Катты-Курганского храма служил в Ура-Тюбе⁷.

1903–1906 годы – священник Георгий Олейников. 1911 г. – протоиерей Тарасий Иваницкий. 1914 год – протоиерей Димитрий Солнцев.

До 1918 года все священники этого храма относились к военному ведомству.

В 1920-е годы были закрыты почти все православные храмы Самарканда и его благочиния; не стала исключением и Каттакурганская церковь. Здание было обезглавлено и приспособлено под одно из административных учреждений города. Община Свято-Владимирского храма продолжала существовать, ютась по частным домам.

В военные годы, с ослаблением натиска на Церковь, верующие стали собирать средства на покупку здания под молитвенный дом. В итоге был приобретен дом в переулке улицы Ахунбабаева, № 18. Это было примитивное одноэтажное строение под шиферной кровлей, с небольшим двором. Водопровод и канализация отсутствовали, а само здание было настолько ветхим, что после очередных дождей его крыша обрушилась⁸. В 1945–1947 годах приход возглавлял протоиерей Аркадий Курочкин, а после него до 1960 года – протоиерей Петр Воробьев.

Во вторую волну гонений, начиная с 1959 года, уполномоченным ставится вопрос о ликвидации Каттакурганского молитвенного дома «в связи с аварийным состоянием здания храма». 27 февраля 1961 года на заседании Самаркандского облисполкома было принято решение за № 6/113 о снятии с регистрации Каттакурганской общины. Здание молитвенного дома вместе со всем содержимым было на время закрыто и опечатано. 4 октября 1962 года в Москве, на заседании в Совете по делам русских православных церквей при Совете министров СССР, было принято окончательное решение о закрытии Каттакурганской общины.

В ноябре того же года у дверей молитвенного дома собралась группа людей. Это была комиссия, в которую входили представитель Каттакурганского горисполкома, начальник городского управления ЖКХ, староста Каттакурганского молит-

венного дома Щетинина, староста самаркандского Покровского собора Бочкарева и бухгалтер Каттакурганского молитвенного дома Андреев. Ими было осуществлено вскрытие помещения молитвенного дома и сделана опись всего имущества. Все иконы и утварь молитвенного дома были переданы на хранение в Покровский собор⁹. Антиминс был передан настоятелю собора, священнику Иннокентию Матафонову. А само здание было переведено на баланс Каттакурганского городского домоуправления.

В 1964 году, после того как сместили Хрущева, появилась надежда. Спустя какое-то время каттакурганцы решили отправить своих «ходоков» прямо в Москву. Сегодня уже никто не помнит, кому пришла в голову такая мысль, но люди поехали в столицу просить высокопоставленных чиновников сохранить дорогой им храм. Этими людьми были активные прихожанки храма – две сестры – Ольга Васильевна и Агриппина Васильевна Дудниковы. Собрав деньги, они купили билеты и вместе с письмом отправились в путь. В Москве им удалось пробиться на прием к председателю Совета министров СССР А.Н. Косыгину. Ходоки вернулись в Каттакурган победителями¹⁰.

В марте 1972 года по акту из самаркандского Покровского собора в Каттакурганский храм был передан церковный инвентарь: семисвечник, плащаница, Крест, Голгофа*, старинные деревянные резные хоругви и несколько икон¹¹.

С апреля по декабрь 1973 года в Каттакурган от самаркандского Покровского собора выезжал в командировки по воскресным и праздничным дням второй священник, Виктор Дубанов.

В 1976–1981 годах в храме служил отец Виталий Бирюков. Он жил при молитвенном доме вместе с матушкой Валентиной и семьей детьми. А еще у отца Виталия был мотоцикл, на котором он разъезжал по пыльным улицам Каттакургана. Позже отец Виталий служил в Курган-Тюбе (Таджикистан) и Алмалыке¹².

С 1980 по 1987 годы в Каттакурганском храме служил священник Георгий Петров, – откомандировывался сюда из самаркандского Покровского собора. Отец Георгий сам был художником, написал для храма несколько икон.

В 1990 году произошло еще одно весьма знаменательное событие в жизни общины. Было продано старое и очень неудобное для посещения здание церкви, находящееся за вокзалом, и взамен ему на новом месте было выбрано и приобретено частное владение, хозяином которого был известный в Каттакургане хирург. Это здание стало в дальнейшем Свято-Владимирским храмом и в этом качестве служит уже больше четверти века.

С 1992-го по 2014 годы в храме служили священники Захарий Шакай (1992), Александр Михед (1992–1998), Николай Будура (2007–2011), Владимир Матвеев (2011–2014).

С октября 2014 года в храме служит священник Тимофей Сироджев (Фишелев). Буквально за неделю до назначения у отца Тимофея и матушки Елены родился четвертый ребенок. Но так как пожилому отцу Димитрию не позволяло здоровье

---

* Имеется в виду предмет церковной утвари – миниатюрная «Голгофа», или «Распятие с предстоящими», которая ставится в алтаре на жертвенник (небольшой стол, на котором приготавливаются дары для Таинства Причащения). На Литургии перед Голгофой на жертвенник ставится подсвечник со свечой или лампада. (Прим. ВС.)

служить одному в Георгиевском храме, то митрополит Викентий разрешил отцу Тимофею служить в Каттакургане только по субботам и праздничным дням, а в остальные дни помогать отцу Димитрию. К празднику Пасхи было приобретено новое напрестольное евангелие. На ночную пасхальную службу 2015 года пришло 37 человек.

Отец Тимофей с матушкой Еленой сразу же взялись за решение накопившихся проблем. Первоочередной их задачей стало, чтобы храм нормально функционировал и посещался людьми. Далее они занялись благоустройством и ремонтом храма, провели новое отопление и отделочные работы в алтаре. На храмовый праздник, который в этом году был юбилейным, приехали послужить священники вместе с благочинным. Однако на службу собралось лишь немногим более двадцати прихожан, так как, в силу складывающихся обстоятельств, православных в Каттакургане становится все меньше и меньше. Тем не менее, община Свято-Владимирского храма жива, и службы в нем ведутся регулярно, по субботам, воскресеньям и в праздники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. послужной список о. Владимира Невоструева (Российский государственный исторический архив. Ф. 806. Оп. 5. Д. 8945. Л. 3).

² *Поспелов Ф.Ф.* Письма о пчеловодстве в Каттакурганском уезде // Справочная книжка Самаркандской области. Издание Самаркандского Областного Статистического Комитета. Самарканд: Типо-литография Г.И. Демурова, 1907. – С. 66–148.

³ *Поспелов Ф.Ф.* А.Ф. Зеленецкий. К 30-летней годовщине основания русской школы в городе Катта-Кургане, ныне Катта-Курганского приходского училища для детей обоего пола (1873–1903) // Русская школа. 1904. № 1. (URL: Rus-turk.livejournal.com)

⁴ См.: *Цитович Г., свящ.* Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. Пятигорск: Типо-литография бывш. А.П. Нагорова, 1913. – С. 477.

⁵ См.: *Поспелов Ф.Ф.* Письма о пчеловодстве в Каттакурганском уезде // Справочная книжка Самаркандской области... С. 65.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ Позже служил в ташкентском Спасо-Преображенском соборе. (*Прим. ВС.*)

⁸ Приходской архив самаркандского Покровского собора. 1961 г.

⁹ Там же.

¹⁰ Эта история рассказана автору старой прихожанкой Свято-Владимирского храма.

¹¹ Приходской архив самаркандского Покровского собора. 1972 г.

¹² Ныне о. Виталий – митрофорный протоиерей, духовник Боровичской епархии. (*Прим. ВС.*)

Татьяна СТЕКЛОВА

За скупой строкой архивного документа

I. Из истории Хорогской церкви на Памире

В 1895 году, в результате разграничения между Россией, Афганистаном и Китаем на Памире, Россия получила право разместить свои пограничные гарнизоны на Западном Памире (в Горном Бадахшане). Осенью 1895 года в кишлаке Хорог был создан пограничный пост. Возникла и стала постепенно расширяться и православная община, состоявшая из военных и членов их семей.

В ходе просмотра фондов Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУ) нами было обнаружено несколько документов, относящихся к 1910–1917 годам, которые отражают процесс строительства православного храма в этом труднодоступном районе.

Хорогская церковь являлась военной гарнизонной и не находилась в прямом подчинении Туркестанской епархии. Она была построена на высоте 2600 метров над уровнем моря, практически на границе с Афганистаном, личным составом Памирского отряда.

В фонде Туркестанской духовной консистории хранится письмо начальника Памирского отряда Генерального штаба полковника Муханова епископу Ташкентскому Димитрию (Абашидзе) от 15 ноября 1910 года. Муханов направлял проект гарнизонной церкви в укреплении Хорог и испрашивал архиерейского благословения на постройку храма во имя Святителя Алексия, митрополита Московского. «...Постройку, – писал полковник, – комитет предполагает начать с Вашего Благословения весной 1911 г.»¹.

На документе имеется резолюция епископа Димитрия, текст которой читается с трудом: «1910.9.12... план благослов...».

Здесь же имеется рукописный черновик ответа туркестанской духовной консистории начальнику Памирского отряда от 10 декабря 1910 года: «...Возвращая

при сем приложенный <...> проект церкви, имеющей быть воздвигнутой в укреплении Хорог, призывает Божие благословение на создание св. храма во имя святителя Алексия, митрополита Московского»².

В фонде «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора» хранится доклад начальника Памирского отряда укрепления Хорог. «Факт постройки в Хороге церкви, всего в 2-х верстах от Авганской (так! – Т.С.) границы <...> налагает кроме долга присяги, еще и христианский долг защитить Божий храм от захвата <...> и поругания»³. Документ датирован 14 сентября 1913 года, из чего можно сделать вывод, что церковь была возведена, но само строительство еще не было завершено.

В фонде Туркестанской духовной консистории хранится Ведомость о получении и выдаче св. антиминос^{*}. «Для Хорогской, что в Памирах, церкви... один»⁴. Дело датировано 1911–1915 годами. Записи в Ведомости велись по порядку, без указания конкретной даты, и можно предположить, что запись относится к 1915 году.

В фонде «Штаб Туркестанского военного округа» имеется приказ от 2 июля 1916 года, гласящий: «...Отправившегося 31 мая сего года в командировку в распоряжение начальника Памирского отряда, состоящего при Окружном штабе священника Любского полагать в таковой с означенного числа»⁵. Подписал приказ исполнявший обязанности начальника Штаба генерал-лейтенант Воронец.

Сведения об истории создания Хорогской церкви можно найти и в докладе начальника Памирского отряда Ферганскому военному губернатору о состоянии дел Памирского отряда с октября 1914 по октябрь 1916 гг. (Фонд «Ферганское областное правление»). В документе не указывается, во имя кого была освящена церковь; ее просто именуют по названию местности – Хорогской. На докладе имеется резолюция: «Обратить внимание начальства Штаба на необходимость командировать в наш отряд одного из военных священников округа для исполнения службы». На резолюции стоит дата: 30 сентября 1916 года⁶.

17 марта 1917 года Военный губернатор Ферганской области направил начальнику штаба ТуркВО письмо следующего содержания:

...В отчете о состоянии дел Памирского отряда за два года (с октября 1914 г. по октябрь 1916 г.) по делу Хорогской церкви Начальник отряда приводит следующее: «В 1905 году полковником Елагиным был пожертвован капитал в 10 тыс. руб. на постройку православного храма в одном из пограничных с Афганистаном пунктов. Бывший [командующий] войсками ТуркВО генерал Самсонов определил этот капитал обратить на постройку храма в укреплении Хорог Шугнанской волости Западных Памиров, главном пункте Памирского отряда. В текущем году [церковь] была закончена постройкой и 24 июня сего года торжественно освящена специально командированным на Памиры священником Любским. Нижние чины команды посещают каждый праздник этот храм и хоровым пением исполняют в нем молитвы, положенные на данный день, но церковная служба не совершается, так как еще не назначен священник и причт. Было сделано об этом представление, но

^{*} Антиминс – четырехугольный плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного святого и надписанием архиерея; является необходимой принадлежностью для совершения литургии. Освящается только архиерейским чином. (Прим. В.С.)

Штаб округа ответил, что вопрос об этом передан в Канцелярию генерал-губернатора для обсуждения при составлении нового положения об управлении Туркестанским краем, т.е. иначе говоря не скоро еще увидит Хорогский храм своего священника и постоянное Богослужение».

Со своей стороны нахожу полезным и необходимым командировать в Памирский отряд одного из военных священников для исполнения церковных треб...»⁷.

Письмо подписано исполняющим дела военного губернатора полковником (фамилия не указана).

Слова начальника Памирского отряда, к сожалению, оказались пророческими. Храм так и не обрел своего священника...

Здание этой церкви сохранилось и поныне. В прошлом году исполнилось 100 лет со дня ее освящения.

II. «Ташкентская епархия, хорошо и близко знавшая родного архиепископа Луку...»

Хотя в конце 1940-х годов святитель Лука (Войно-Ясенецкий)*, на тот момент – Архиепископ Крымский, уже более двадцати лет не служил в Средней Азии, его продолжало связывать с ней многое. Об этом говорят многочисленные документы, хранящиеся в архиве Ташкентского Епархиального управления (АТУЕ).

С 1947 года в Ташкенте стали выходить «Информации по Среднеазиатской епархии». В номере 1-3 за 1947 год в статье «Церкви Ташкента» читаем:

...При кладбищенской церкви <...> была построена часовня, сыгравшая огромную роль в годы церковного разделения. Храм был отобран и отдан обновленцам, а часовня же стала оплотом православия, в ней служили и трудились выдающиеся иерархи, как например, почивающие вблизи неё митрополиты Арсений и Никандр, как ныне здравствующий архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)⁸.

К этому же периоду относится письмо епископа Ташкентского Гурия (Егорова) Патриарху Алексию (Симанскому) от 1 июля 1947 года:

...В Ташкенте <...> беспризорника пригрел Ташкентский протоиерей о. Михаил Андреев, известен он (этот беспризорник – Т.С.) и владыке Луке, который взял его к себе келейником, а затем удалил его от себя⁹.

В письме речь идет о будущем протоиерее Константине Былинкине. Сведения относятся примерно к 1926 году.

В личном деле протоиерея Константина Былинкина имеется телеграмма архиепископа Луки. Текст ее очень краток: «Благословляю приехать»¹⁰. Здесь же име-

* Святитель Лука (Войно-Ясенецкий, 1877–1961) возглавлял Ташкентскую епархию с перерывами (вызванными арестами и ссылками) с 1923 по 1927 гг. В августе 2000 года канонизирован Русской православной церковью в сонме новомучеников и исповедников Российских. (Прим. ВС.)

ется записка епископа Гурия, датированная 10 октября 1951 года: «О. Былинкину разрешается посетить архиеп. Луку»¹¹.

В документах за 1953 г. сохранился текст поздравительной телеграммы с праздником Рождества Христова, подписанный архиепископом Гурием 5 января 1953 года. В списке на рассылку значится: «...Симферополь, архиеп. Луке...»¹².

Также в документах за 1953 г. имеется текст телеграммы епископа Ермогена от 17 марта, адресованной архиепископу Луке, где говорится: «Благодарю Вас, Ваше Высокопреосвященство, за доброе приветствие и фотографию для епархиального управления» (здесь и далее телеграммы публикуются с восстановленной пунктуацией – ВС).

В личном деле священника Иоанна Чернякова имеется письмо архиепископа Луки протоиерею о. Александру Щербову от 8 января 1954 года. «...Меня уже много раз обманывали неизвестные мне просители денег, – писал святитель, – то я прошу Вас <...> проверить, что это за священник, почему он просит денег и почему он обращается ко мне, а не к Ташкентскому епископу...»¹³.

В этом же деле имеется письмо секретаря епархиального управления Феодора Семененко владыке Луке, где он сообщает, что о. Черняков действительно проживает в Ташкенте, числится за штатом, к работе на приходе не способен, от Ташкентского епархиального управления получает пособие.

В документах за 1957 год имеется телеграмма архиепископа Луки из Симферополя, адресованная епископу Ермогену (Голубеву), бывшему тогда правящим архиереем Ташкентской епархии, где значится: «Снятие запрещения проклятия монахине Анатолии телеграфировал иеромонаху Севастиану»¹⁴. Этот документ ждет своего исследователя.

В документах за 1958 г. имеется несколько писем Ташкентского епархиального управления архиепископу Луке с уведомлением о том, что ему высланы очередные выпуски информационных сообщений о жизни епархии за 1957–1958 годы¹⁵.

В 1958 году исполнялось 35 лет служения владыки Луки в епископском сане. 3 июня епископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген направляет архиепископу Луке поздравительную телеграмму: «Сердечно приветствую маститого юбиляра с исполнившимся 35-летием епископского служения и шлю наилучшие молитвенные благопожелания»¹⁶.

В том же году сам епископ Ермоген был возведен в сан архиепископа, и владыка Лука в свою очередь из Алушты шлет поздравительную телеграмму: «С радостью поздравляю Вас, дорогой владыко, брат мой во Христе Ермоген, с вполне заслуженным Вашей блестящей административной деятельностью саном архиепископа. Сердечно поздравляю Вас, духовенство, церковные Советы и всю огромную паству Вашу с освящением нового кафедрального собора*. Весьма тронут многолетием мне, любящему свою прежнюю паству. Всегда молящийся о ней Архиепископ Лука»¹⁷. Телеграмма датирована 16 сентября 1958 года.

В документах 1959 года имеется интересное письмо архиепископа Ермогена

* Имеется в виду постройка нового Свято-Успенского кафедрального собора в Ташкенте, который был освящен 22 августа (4 сентября) 1958 г. (Прим. ВС.)

Святейшему Патриарху. Письмо не датировано, написано позже 8 августа 1959 года. В этом письме он сообщает следующее: «...Я предложил протоиерею Семенову слетать в Алушту для соответствующих переговоров... О. Семенов отказался от этой миссии, говоря, что у него с владыкой Лукой были уже разговоры по вопросу ухода его на покой и владыка категорически заявил, что по основаниям внутреннего порядка он сам не подаст заявление об уходе на покой, и что всякий разговор по этому вопросу его расстраивает...»¹⁸. Вероятно, речь идет о возможном выходе на покой архиепископа Луки, в обсуждении которого архиепископ Еромен, вероятно, выступал посредником между Патриархом и симферопольским архиереем.

Следующий документ – уже за подписью следующего правящего архиерея Ташкентской епархии архиепископа Гавриила (Огородникова) от 31 октября 1960 года. Это поздравительная телеграмма с днем ангела: «Примите, глубокоуважаемый владыко, мое сердечное поздравление с днем Вашего небесного покровителя. Сегодня в Ташкентском кафедральном соборе молимся, чтобы Господь укрепил Ваше здоровье и даровал Вам благодатную помощь в ваших архипастырских трудах»¹⁹.

В документах за 1961 год имеется письмо от 9 июня в епархиальное управление Симферополя, за подписью архиепископа Гавриила и протоиерея Феодора Семенову, следующего содержания: «Очень просим передать Высокопреосвященному архиепископу Луке наш сердечный молитвенный привет и сообщить нам состояние его здоровья. Горячо обнимаем и целуем. Привет и поклон родным Владыки»²⁰.

И буквально через три дня, 12 июня 1961 года, из Ташкента отправляется уже траурная телеграмма секретарю Епархиального управления протоиерею Рыхлицкому: «Ташкентская епархия, хорошо и близко знавшая родного архиепископа Луку, в трауре. Глубоко скорбим и приносим осиротевшей Симферопольской епархии, а также родным и близким владыки свое душевное соболезнование и любовь. В храмах возносятся молитвы о усопшем, да упокоит Господь душу новопреставленного архипастыря в селениях райских»²¹.

На следующий день отправляется другая телеграмма, также на имя секретаря епархиального управления протоиерея Рыхлицкого: «Благоволите, дорогой отец протоиерей, принять на себя труд заказать венки и возложить на гроб почившего архипастыря Луки с надписями на лентах: на первой: “Незабвенному архиепископу Луке”, на второй: “От благодарной и любящей Ташкентской епархии”. Заранее сердечно благодарим Вас за любезность и исполнение нашей просьбы»²².

Таким образом, документы свидетельствуют, что архиепископ Лука не забывал первое место своего служения и что среднеазиатские священники также помнили его и чттили.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГА РУ. И-961. Оп. 1. Д. 1031. Л. 498, 525об.

² Там же. Л. 504.

³ ЦГА РУ. И-1. Оп. 31. Д. 980. Л. 11об.

⁴ ЦГА РУ. И-961. Оп. 1. Д. 980. Л. 11об.

⁵ ЦГА РУ. И-722. Оп. 1. Д. 331. Л. 422.

⁶ ЦГА РУ. И-19. Оп. 1. Д. 9799. Л. 81-87.

⁷ Там же. Л. 89.

⁸ АТЕУ. Оп. 1. Д. 9. Л. 17-18.

⁹ АТЕУ. Оп. 1. Л/Д. Д. 59. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 46.

¹¹ Там же. Л. 47.

¹² АТЕУ. Оп. 1. Д. 31. Л. 18.

¹³ АТЕУ. Оп. 1. Л/Д. Д. 422. Л. 70, 74.

¹⁴ АТЕУ. Оп. 1. Д. 59. Л. 13.

¹⁵ АТЕУ. Оп. 1. Д. 73. Л. 5, 6, 7.

¹⁶ АТЕУ. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ АТЕУ. Оп. 1. Д. 7. Л. 20.

¹⁹ АТЕУ. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 10.

²¹ Там же. Л. 11.

²² АТЕУ. Оп. 1. Д. 109. Л. 13.

Всеволод СТРАТОНОВ

Туркестан

Главы из воспоминаний «По волнам жизни»*

Публикация, предисловие и примечания Татьяны КОТЮКОВОЙ

Глава третья

В ТАШКЕНТСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Первые шаги

Назначение в военное ведомство – Ташкентская обсерватория¹ состояла при военно-топографическом отделе штаба Туркестанского военного округа – меня немало смущало. От ранней молодости я был настроен против военщины. Судьба же заставила меня прослужить чиновником военного ведомства целых 17 лет!

На другой день по приезде в Ташкент облекся я в отвратительный парадный мундир военного чиновника, с высоким стоячим воротником, с петлицами, шпагой и прочим и поехал представляться ближайшему начальству. Им, по должности заведующего Ташкентской обсерваторией, был тогда полковник Генерального штаба, геодезист Дмитрий Данилович Гедеонов².

Толстый-претолстый, черноглазый, с громадной головой, уже с проседью. Говорил быстро, задыхаясь от ожирения.

Гедеонов тотчас же повел меня осматривать новый фотографический рефрактор (астрограф)³, для работ с которым я собственно и был назначен. Этот инструмент, прекрасно построенный, – механическая часть принадлежит знаменитой фирме Репольда в Гамбурге⁴, а объективы отшлифованы братьями Анри в Париже⁵, – за десять лет работы в Ташкенте я полюбил, точно живое существо. Но теперь, благодаря своей молодости, я тотчас же сделал существенный промах, который <...> имел для меня серьезные последствия.

Не понял я сразу, что постройка башни для астрографа и установка, не дожидаясь моего приезда, этого инструмента – составляли для Гедеонова и занимав-

* Продолжение. Начало в № 4, 2016 – 1, 2017 (XLII). Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ №17-01-00504 «Воспоминания В.В. Стратонова «По волнам жизни» как источник по истории Российской империи и Советской России (научное комментирование)».

шую его игрушку и, вместе с тем, повод к служебной для себя рекламе. Не угадал я и совершенно исключительного самолюбия Гедеонова. Он ждал, что я приду в восхищение от всей его подготовительной работы, хотя бы и в области, с которой он – геодезист – был недостаточно знаком. Я же проявил молодую добросовестную прямолинейность: похвалил то, что было действительно хорошим, но покритиковал показавшееся мне мало удачным.

На лицо Гедеонова легла тень; он стал сразу менее приветлив. А впоследствии бросил мне упрек:

– Я всю душу вложил в устройство башни астрографа, а вы и этим не остались довольны!

Слишком поздно понял я свою ошибку

Следующим, по восходящему порядку, моим начальством был генерал Станислав Иванович Жилинский⁶, начальник военно-топографического отдела. Мы к нему на другой день, вместе с Гедеоновым, и направились.

Еще накануне Гедеонов бросил мне несколько весьма недружелюбных замечаний по адресу Жилинского. Он наперед хотел меня настроить враждебно против последнего. Мне стало ясно, что между ними – нелады и что Гедеонов готовит во мне для себя союзника.

Из-за стола поднялась тучная генеральская фигура, с заплывшим лицом и суженными глазами, почти совсем лысый. Пискляво-визжащий возглас:

– О-очень раад! Ждем все ваас...

Гедеонов, представив меня, поспешил демонстративно уйти, а Жилинский стал приветливо беседовать.

Жилинский был «старый туркестанец»; тогда это в Ташкенте считалось большим плюсом при оценке человека. Начал он службу здесь молодым капитаном Генерального штаба, геодезистом, – да так и застрял на всю жизнь под туркестанским солнцем. Ему во многом обязана была своим возникновением и Ташкентская обсерватория, хотя с обоими первыми заведующими ею, сначала с И.И. Померанцевым⁷, а затем с Д.Д. Гедеоновым, – Жилинский сильно не ладил.

Служа так долго на окраине, Жилинский понемногу отставал от былой своей интеллигентности. Окончил он и университет, и Академию Генерального штаба – по геодезическому отделению, но почти все свои знания подростерял. Знал, в сущности, только то, чем непосредственно руководил, – работы военно-топографического отдела.

Постепенно, он избавлялся и от излишних, стеснявших его предрассудков.

Так, например, созданная им же обсерватория, с ее громадным парком, прежде всего служила для личных хозяйственных нужд Жилинского. Из-за этого он главным образом и не ладил с заведующими обсерваторией. Но, сознавая в данном случае свою формальную слабость, он понемногу сдавал позиции. Раньше для него на обсерватории существовали парники, оранжереи и прочее, теперь же оставались только остатки былого.

Были за ним и другие плохо скрываемые грешки; чувствуя их за собой, он был снисходителен к грешкам подчиненных. Только, мол, не попадайтесь! Но какими

все это теперь представляется невинными пустяками, по сравнению с явлениями большевицкого погрома России. А тогда и это возмущало.

Уже в пожилых годах Жилинский женился.

Его друг, генерал Н.И. Корольков⁸, впоследствии сырдарьинский военный губернатор, обратил внимание С[танислава] И[вановича] на интересную молодую особу, жену одного из своих подчиненных. Сам пожилой холостяк, Корольков был большим поклонником женщин. Но он придерживался этического правила:

– Не ухаживать за женами подчиненных!

Жилинский чувствовал себя свободным от такого стеснительного предрассудка. Он перевел мужа пленительной дамы под свое начальство, затем устроил его развод и женился на этой даме.

Так как С.И. Жилинский отнесся ко мне, совсем молодому еще человеку, хорошо, сам стал бывать у нас и ввел в свой дом, то нам привелось наблюдать его семейную жизнь.

В ту пору Евгения Константиновна Жилинская была уже сильно перезревшей красавицей. После жизни, в которой она – как рассказывали – мало отказывала себе в удовольствиях, она впала в ханжество. Не имея детей, она, между прочим, завела целый выводок собачек, и эти животные, страшно избалованные, вечно валявшиеся на диванах и без церемонии вскакивавшие ко всем на колени, вызывали в гостях негодование. Однако приходилось все это принимать с приятной улыбкой.

Евгения Константиновна еще и пела. Она не слишком пленяла своим талантом, но неизменно влюбленный в нее муж всегда оставался в восторге. Глядит на поющую жену осоловевшими глазами, а когда она закончит, громче всех восторгается гнусящим голосом:

– Аах, Женя, как это у тебя хорошо вышло!

На общественные отношения Жилинский смотрел глазами жены. Кем она довольна – рассыпается в любезностях и Станислав Иванович, и наоборот.

Военные топографы

Здесь, в военно-топографическом отделе, я впервые встретился с моими будущими сослуживцами. В комнатах отдела все было заставлено столами, на которых разрисовывали свои планшеты военные топографы – люди в черных форменных мундирах, с синими воротниками. Это были главным образом гражданские чиновники, офицеров между ними было мало – только более пожилые. Тогда военно-топографическое дело временно переживало «гражданский» характер. Позже произошла реформа в сторону милитаризации, и молодые топографы были уже исключительно офицерами. Они носили красивый мундир, с белыми аксельбантами.

Первое впечатление от общения с военными топографами было странное. Била в глаза малая их интеллигентность. Правда, встречались некоторые исключения, но довольно редкие. Выглядели они как-то нескладно, лица у большинства неприветливые. Более близкое знакомство с этими моими сослуживцами подтвердило

первое впечатление: большая часть военных топографов была мало культурна, как-то сера. Быть может, это являлось последствием их тяжелой работы в глухих местах, за которой они проводили половину своей жизни. Но таковы же в общем были и их жены.

Вспоминаю обед на именинах у моего ближайшего сослуживца полковника Залесского⁹. Приглашено человек пятьдесят гостей. Столы обильно заставлены закусками и напитками. Подкрепившись у столов, гости засаживаются за карты, и уже целый день не встают из-за столов с зеленым сукном. Время от времени денщики приносят что-нибудь вновь зажаренное: телячий окорок, поросенка и т.п. Хозяйка режет на куски и раздает еще не насытившимся. Так повторяется в течение дня несколько раз.

Дамы и мужчины – все пожилые – мило пикируются:

– От вас, женщин, всегда псятиной пахнет!

– А от вас, мужчин, вечно козлом воняет!

Все довольны этим словесным турниром.

Каждый год весной работы военно-топографического отдела посылались на осмотр в Петербург. Там скапливались работы со всех военно-топографических округов России. Один год работы представлялись Государю, другой – дело ограничивалось смотром военного министра.

В те годы, когда предстоял смотр Государя, работы возил сам Жилинский. На смотр же министру их возил кто-либо из умевших угодить начальству топографов. Но как-то случилось, что Жилинский на высочайший смотр поехать не смог, а командировал с работами топографа Глаголева¹⁰. Последний вернулся сияющий и счастливый:

– Доложил я Государю все, что было нужно, о работах. Он остановился передо мною: «Давно ли вы служите в Туркестане?» – «Двадцать семь лет, Ваше Императорское Величество!». Он посмотрел на меня такими ласковыми глазами и говорит: «Благодарю вас!».

Не удивительно, что Николай II, так умевший мимоходом очаровывать, трафаретной благодарностью нарушил данным им счастьем покой скромного провинциального чиновника. Но удивительно, как эта невинная радость Глаголева была испорчена завистью сослуживцев! «Благодарю», сказанное одному из них царем, им казалось каким-то необыкновенным отличием. Трудно было им это переварить... Начались ссоры с Глаголевым, интриги, мелкие подкопы... На Глаголева жалко было смотреть: осунулся, изнервничался и, когда говорил на эту тему, на глазах его я замечал слезы.

Пасха

Через несколько дней после нашего приезда наступила Пасха.

Великолепная, теплая апрельская ночь. Одна из таких, что не забываются. Звезды нависли яркими светочами на темном бархате неба, а на земле – иллюминация.

Приземистый, но поместительный военный собор¹¹ полон избранной публи-

кой. Все нотабли Ташкента! Церковь не вмещает всех, и нарядные группы – дамы в светлых летних туалетах – расположились на террасах собора.

Из церкви несетя «Христос Воскреси», а кругом, в сквере, все залито непрерывным бенгальским светом. И в этом свете деревья вокруг собора принимают чарующие формы.

После заутрени все военные, а также старшие «чины» гражданских ведомств потянулись через площадь к «белому дому» – резиденции генерал-губернатора¹² и вместе с тем командующего войсками округа. Им был тогда барон А.Б. Вревский¹³.

Спеша занять места – а их хватило на всех, – мундирная публика расселась за длинными столами, обильно заставленными пасхальными яствами и питьем.

Сутулясь, Вревский молча обходил столы с объедающимися. Видно было, что ему здесь крайне скучно, что он тяготится этими обязательными для него гостями, которые так наедались на казенный счет, как будто они вообще голодают.

Начало работ

Вскоре я приступил к астрономическим работам. В это дело я внес всю энергию, которая возможна только в ранней молодости.

Условия работы были для меня крайне неблагоприятны. Жили мы в самом городе, и наша квартира была верстах в трех от обсерватории. Туда же ездить мне приходилось часто по два, а иногда и по три раза в день. Ночами я работал нередко до рассвета, а днем приезжал для проявления астрономических фотографий, для лабораторных работ и занятий в библиотеке.

Эти поездки были далеко не легки, особенно осенью и зимой. Некоторые улицы, а более всего дорога в переулке, ведущем на обсерваторию, обращались в глинистое, трудно проезжаемое болото. Пока было возможно, я ездил в своей пролетке, при этом экипаж до самых осей погружался в грязь, а колеса обращались в грязевые диски. Один раз я опрокинулся, вместе с экипажем, в это болото; однажды кучер на передних колесах уехал по грязи вперед, а я на задних колесах и сидении застрял в грязи.

Иногда дорога становилась для моего экипажа вовсе непроезжей, и тогда мне приходилось преодолевать ее верхом. Это было совсем неудобно при тех весьма тонких движениях, которые надо производить пальцами при работе точными инструментами. Рука от поводьев лошади уставала, и уже не было в ней, после трудной верховой езды, столь необходимой твердости. Не вспоминаю уже о грязи, доходившей выше колен лошади. Такой трехверстный путь отнимал иногда в каждый конец более часа времени.

В жаркое время года приходилось на дороге совсем размякать от зноя и, кроме того, тонуть в облаках пыли. Вследствие езды в пыли с воспаленными после работы глазами, я получил болезнь, вызвавшую операцию глаза, для отскабливания напавшей на зрачок пленки¹⁴.

И даже мои кучера становились понемногу астрономами: с вечера начинали следить за облачностью. Если небо не разъяснится, я не поеду, и можно завалиться спать.

В те ночи, когда я почему-либо не ездил на обсерваторию, проводил дома всю ночь за наблюдениями переменных по яркости звезд, наблюдая их невооруженным глазом.

Вскоре после начала работ я получил от своего друга С.К. Костинского¹⁵ из Пулковской обсерватории письмо: «Военно-топографическое управление Главного штаба спрашивает у Пулковской обсерватории совета, что бы такое вам предписать для обязательных наблюдений. Напишите, чем вы сами занимаетесь. Мы это самое им и укажем».

Но, не дождавшись замедлившегося, благодаря переписке со мною, ответа от Пулкова, военно-топографическое управление отправило мне предписание. Незадолго перед этим Байли¹⁶, в Южной Америке, обнаружил переменные звезды в некоторых звездных скоплениях. Мне и предписали наблюдать эти скопления. К сожалению, военное начальство не сообразило, что часть этих скоплений видна лишь в южном полушарии земли, и мне, для исполнения предписания начальства, пришлось бы переселяться в Африку или Южную Америку.

Мое отношение к делу вызвало к себе внимание в ташкентском обществе, и притом разного характера.

Штат обсерватории состоял тогда из трех лиц, уже давно к тому времени на ней устроившихся: заведующего – Д.Д. Гедеонова и двух его помощников: по астрономической части П.К. Залесского и по метеорологической – Я.П. Гультьева¹⁷. Под влиянием южного солнца и других благоприятствующих тому обстоятельств, они уже давно отвыкли работать. В астрономических обсерваториях вообще, кроме первоклассных и совершенно исключительных, обыкновенно очень мало работают. Здесь это было, пожалуй, еще больше, чем в других местах, и в городе об этом хорошо знали.

Моя работа казалась таким контрастом с бездействием остальных трех, что это не могло не вызвать в них легко объяснимого раздражения и неприязненного ко мне чувства.

Наоборот, и в городском обществе, и у моего начальства, то есть в высших военных кругах, молва о моей молодой научной энергии вызвала к себе симпатии и уважительное отношение, оставшиеся неизменными в течение всех 10 лет нашего пребывания в Ташкенте.

Между прочим, обращало общее на себя парадоксальное положение дела с квартирами. Все трое сослуживцев имели каждый в своем распоряжении по дому-особняку. Например, бездетный тогда еще Гедеонов, вдвоем с женой, занимали дом в семь больших комнат. У меня же, единственного, в сущности, тогда научно работавшего на обсерватории, приюта на ней не было.

Естественно возник вопрос о постройке дома и для астрофизика. Три года тянулась бесплодная бюрократическая переписка. На четвертый год, совет туркестанского генерал-губернатора¹⁸ отнесся к делу не с формальной стороны, а по существу, [и] вынес постановление, что постройка дома на обсерватории для астрофизика, как облегчающая его научную работу, является краевой нуждой, а потому ассигновал средства из земских сумм края на его постройку – в виде аванса; а потом, когда дом был построен, потребовал возмещения этого аванса из Петербурга,

от военного и Министерства народного просвещения. Так, только на пятом году работы, я попал в подходящую для нее обстановку.

Д.Д. Гедеонов

Несколько слов о моих ближайших сослуживцах:

Заведующий обсерваторией Д.Д. Гедеонов не был слишком мудрым, однако, не был лишен способностей. Как и все офицеры Генерального штаба, а особенно геодезисты, он не имел нужды очень заботиться о своей карьере. Геодезистов в России было мало, а высоких геодезических постов относительно много. Карьера каждого была обеспечена в порядке простой очереди.

Служба на обсерватории не была тяжела. Все трое – Гедеонов, Залесский и Гультияев – собирались на обсерватории в 11:30 утра, обменивались городскими и служебными новостями, ровно в полдень подавали в крепость электрический сигнал, откуда раздавался полуденный пушечный выстрел, – и за редкими исключениями на этом дневная служба и заканчивалась. Если случалось почему-либо задержаться на полчаса, Д.К. Залесский жаловался:

– Как мы сегодня долго «служили».

Главным и любимым занятием Гедеонова было показывание неба приезжающим на обсерваторию гостям, – особенно старшим военным чинам и их семьям. Нередко бывало, что такая компания проведет весело время в военном клубе, поужинает... А спать еще не хочется. Что же делать?

– Пойдем на обсерваторию.

Такие поездки особенно участились со времени установки нового рефрактора – астрографа. Гедеонов показывал в него небо своим гостям, и астрограф стал любимой его игрушкой. Но затем приехал я, и инструмент перешел в мои руки для научной работы. Наезды праздных гостей, однако, продолжались, Гедеонов водил их ко мне в башню, мешая работать. Я стал протестовать. Из-за этого у меня возникла первая серьезная коллизия с начальством. Генерал Жилинский стал в данном вопросе решительно на мою сторону, и Гедеонову пришлось уступить. При своем болезненном самолюбии, он не мог мне этого простить.

В результате легкой службы и беспечальной жизни, Гедеонов стал очень уж сильно полнеть. К тому же он обладал колоссальным аппетитом. Жена моя, по роли хозяйки, бывала в большом затруднении, когда он неожиданно попадал к нам на ужин.

Причину своих сильных неладов с Жилинским Гедеонов объяснял мне несколько односторонне: во всем-де, виновны личные отрицательные качества Жилинского. Впрочем, к натянутым отношениям с начальством Гедеонов относился спокойно:

– Все равно, своего я дождусь! Жилинский уже стар и долго служить не сможет. Рано или поздно, а я буду здесь начальником военно-топографического отдела.

Как-то в церкви он увидел хорошенькую, черноглазую барышню, стрелявшую глазами. Гедеонов пленился и тогда же, как он мне рассказывал, решил:

– Она будет моей женой!

Барышня была дочерью скромного военно-топографического чиновника Никитина¹⁹. Брак с таким женихом, начальством отца, казался ослепительной карьерой. Они повенчались. Д[митрий] Д[анилович] все время оставался влюбленным в жену.

По внешности они казались странной парой: он – огромная фигура, толстяк; она – ниже среднего роста, щупленькая. Чтобы похудеть, он стал усиленно кататься на велосипеде, и было страшно за машину, несущую такую тяжесть. Остряки, впрочем, уверяли, что это – велосипед по особому заказу. Похудеть ему все же не удавалось.

Много времени спустя, когда у Гедеоновых было уже двое детей, у нее открылся туберкулез. Она должна была лечиться в Крыму. И оба они умерли, хотя и в разных местах, но в один и тот же день. Она – в Крыму, от туберкулеза, он – в Ташкенте, от брюшного тифа, которым он заразился, возвращаясь в Туркестан, после посещения больной жены.

П.К. Залесский

У самого въезда в парк обсерватории стоит дом, тогда предоставленный помощнику заведующего по астрономической части П.К. Залесскому.

Грузная, упитанная фигура... Расхлябанно шагает, позванивая шпорами, и зорко оглядывается недоброжелательными глазами. Поляк и католик, ставший затем православным. При начальнике-католике генерале Жилинском посещал костел. По его уходе ревностно посещал православные богослужения.

Никто, кажется, не входил и не выходил из обсерватории без участия в этом семьи Залесских. Особенно это касалось прислуги. Залесские их часто перехватывали, угощали и расспрашивали об интимной жизни нас, их хозяев.

Гедеоновы жаловались:

– Залесский лучше нас знает, что и где находится у нас в кладовой... Сам об этом нам говорил...

Сюда же должен был заходить сторож-сарт, относивший и приносивший почту на обсерваторию. Не считая, должно быть, вследствие долгой привычки, это предосудительным, Залесский сам рассказал мне содержание посланного как-то нами в Петербург письма.

В научном отношении он был весьма слабой величиной. Наука интересовала его лишь как дойная корова. Залесский, впрочем, и не претендовал на какую-либо научную роль. Военный топограф по образованию, но относительно способный, он только натаскался на простейшие астрономические и геодезические работы.

Его устремления сводились к извлечению из службы возможно больших выгод. Ловкий и хитрый, он сумел заслужить благоволение Жилинского, особенно в деле извлечения последним пользы из земельного участка обсерватории. Отвечая настроению начальства, Залесский был сначала в дурных отношениях с Гедеоновым. Когда же Жилинский стал болеть и, очевидно, должен был уходить, Залесский сумел обойти Гедеонова и заслужить его расположение. При таких условиях, он всегда играл роль главной скрипки на обсерватории.

От усмотрения начальства зависели его служебные астрономические командировки, целью которых являлось определение положения опорных пунктов, нужных для картографии края. Это были весьма выгодные командировки. Кроме крупного личного путевого довольствия, Залесский получал в свое распоряжение 15-18 казаков стоявшего в Ташкенте Оренбургского казачьего полка²⁰, для помощи при работах и для личной охраны. Суммы на довольствие казаков выдавались фактически бесконтрольно в хозяйственные руки Залесского. Контроля за его деятельностью вообще не бывало. Помню случай, когда Залесский считался работающим где-то далеко, в Ферганской области, а на самом деле я застал его мирно проживающим в своей семье в Ташкенте.

Эти астрономические поездки были настолько выгодны, что Залесский ездил все теплое время года. В результате, в мое время, он уже наопределял в Туркестане, где картографические работы были лишь в зачатке, столько астрономических пунктов, сколько их было в ту пору определено на всей громадной территории Североамериканских Соединенных Штатов, с широко развитой картографией. Но его определения иной раз мало имели значения. Помню, например, его тщательное определение географической широты и долготы «одинокое стоящего дерева». Завтра кочевники могли это одинокое дерево срубить или сжечь, и дорогое определение пункта пропадало зря.

На самой же обсерватории Залесский определял раз десять в год астрономическое время да иногда в полдень давал сигнал в крепость о выстреле из пушки. Это было все.

Все свободное время – а его оставалось много – Залесский применял на хозяйничанье. На 18 десятинах обсерваторского участка большая часть была под парком, а на остальной части были огороды, виноградник, громадный абрикосовый сад, разводилась спаржа и прочее. Как-то выходило, что все продукты этого хозяйства поступали в личную пользу Залесского и лишь частью уделялись нужным ему посторонним обсерватории лицам. Гедеонов не имел интереса к хозяйству, был ленив и, хотя многое видел, но умышленно закрывал на это глаза.

Например, казенного отопления нам не полагалось, но Залесский возмещал это ежегодной вырубкою части парка. Дров получалось очень много, и Залесский делился ими с нужными лицами. Считая такой способ получения дров предосудительным, я от них обыкновенно отказывался, но один раз решил пошутить.

Приходит от имени Залесского смотритель обсерватории:

– На вашу долю, по разверстке, причитается восемь сажень дров. Можно ли их привезти?

– Везите!

Как раз вслед за этим я остался временно заведующим обсерваторией. Даю смотрителю официальное предложение:

– Представьте мне разрешение начальства на вырубку дров, отчетность по их распределению и данные о сумме, которую я должен уплатить за дрова в казну.

Перепугавшийся смотритель стал от меня прятаться. Я приказал увезти дрова от меня прочь.

Вскоре возвратился Залесский. Мне он не сказал ни слова, но, очевидно, сильно струсил. Два месяца он, вместе с друзьями из военных топографов, также пользовавшимися этими дровами, составлял задним числом фальшивые акты об осмотре вырубленных дров, об употреблении их будто бы лишь на нужды казны, а сам приказ на вырубку парка приписали словесному распоряжению как раз перед этим умершего генерала Жилинского.

У меня коллизий с Залесским все же не бывало, – он был слишком умен, чтобы, зная свои слабые стороны, обострять отношения. Но он меня ненавидел из чувства зависти, которое в нем было господствующим. Он не мог, например, понять и не мог мне простить, почему и ташкентское высшее общество, и местные военные власти относятся ко мне не как к скромному военному чиновнику, титулярному советнику или чему-то подобному, а как к ученому, заслужившему с их стороны уважение.

Например, сам «полуцарь», то есть генерал-губернатор, и сам бывает у нас, и семья его заезжает, а о нем, полковнике, они даже и не знают...

Поводом к зависти служил и построенный, под конец, для меня дом. Как позднейший по времени постройки, он имел и бóльшие удобства, чем дом старинной туркестанской постройки. Особенную же зависть вызывала ванна; она, впрочем, не давала покоя и другим на обсерватории... Из-за нее вышел анекдот.

В моем доме было устроено так, что в ванной комнате были установлены два водяных бака, отделенные переборкой. Один бак предназначался для астрофизической лаборатории, другой для нужд дома. Казенный водовоз подъезжал каждый день и накачивал воду сначала в один бак, а затем в другой.

Во время управления Залесским обсерваторией я получаю формальное предписание:

– Водовозу мною запрещено подвозить воду для ваших частных нужд. Он будет качать воду только для лаборатории. А если вам нужна вода, заводите своего частного водовоза.

Ничего не возражая, я решил позабавиться. Воды нам не подвозят, а ванны мы принимаем по-прежнему. Откуда-то вода в дом проникает. Залесский знает об этом от нашей прислуги, которая тоже не понимает, откуда берется вода. Казенный водовоз клянется Залесскому, что воду нам не накачивает, и это правда... Так продолжалось все время нашего пребывания в Ташкенте.

Дело было, разумеется, совсем простое: я перекинул через перегородку сифон между двумя баками. Водовоз, накачивая воду для лаборатории, не подозревал, как об этом не мог, по незнанию физики, догадаться и Залесский, что одновременно он накачивает воду и для квартиры.

Курьезно, что эта несчастная ванна не давала на обсерватории покоя еще много лет спустя. Когда началась большевицкая революция, чернорабочие-сарты явились в квартиру астрофизика и вытащили из нее ванну. Она им вовсе и не понадобилась: валялась потом на участке обсерватории, и никто ею не пользовался.

Залесский впоследствии вышел в отставку, получив при этом генеральский чин, выстроил на скопленные деньги дом, однако, вскоре умер.

Я.П. Гулятьев

В научном отношении Гулятьев был совершенный нуль. Он приехал в Ташкент на скромную роль смотрителя обсерватории. Тогда метеорологией края заведовал действительно дельный метеоролог Шварц²¹. Но для дельного ученого обстановка была здесь трудно выносимая, и Шварц ушел. На открывшуюся вакансию напросился Гулятьев. Метеорологии он подучился уже в Ташкенте, но работать научно вовсе не мог.

Не удивительно, что метеорология в Туркестанском крае, при его заведовании этим делом, обстояла плачевно. Существовало, правда, еще от времен Шварца, десятка два метеорологических станций, но наблюдения на них производились не всегда добросовестно, благо контроля не было. О некоторых станциях определенно говорилось, что наблюдатели на них ленятся производить ранние наблюдения в 7 часов утра, а записывают позже, что бог на душу положит. Это никого особенно не смущало, а менее всего Гулятьева, относившегося к своим обязанностям чисто формально.

На самой же обсерватории все метеорологические наблюдения вел писарь, позже ставший смотрителем, Мартыянов²².

В кругу топографов Гулятьева любили, благодаря уживчивому характеру, нетребовательности и умению быть хорошим собутыльником, что в Туркестане в ту пору высоко ценилось. Правда, в результате лицо Гулятьева приобрело постоянный багровый цвет, но о нем говорили:

– Гулятьев – человек хороший!

Холостяк, обладавший избытком досуга, он постоянно пребывал в военном клубе и еще в разных иных веселых учреждениях, где об его присутствии ташкентцы догадывались по его лошади.

Это была очень известная в Ташкенте «пегашка». Старая уже лошаденка, она служила Гулятьеву верой и правдой, и под седлом, и в его старенькой тележке. Пегашка славилась тем, что подолгу, точно верблюд, могла оставаться без корма.

– Гулятьев кормит свою пегашку старыми газетами! – острили над ним клубные завсегдатаи.

Одно лето он уехал в Россию, предоставив нам на лето свой дом. Пегашка у нас откормилась, раздобрела и стала не по возрасту резвиться. Надо было ее проездить, и жена велела запрячь ее в пролетку.

Сначала все шло хорошо, но вдруг пегашка резко повернула, не повинаясь кучеру, подскакала к военному собранию и остановилась, точно вкопанная.

Знакомые острили:

– Благодарите судьбу, Мария Николаевна, что она по привычке не подвезла вас к еще более веселому учреждению.

Под конец Гулятьев женился, и у него были дети.

Много прошло лет, настал большевизм. Волна самоуправства докатилась и до Ташкентской обсерватории. Сторожа и рабочие-сарты сместили заведовавшего обсерваторией астрофизика Розанова²³ и избрали на его место Гулятьева. Честолюбец в душе, он стал «заведовать».

Начальник военно-топографического управления генерал А.И. Аузан²⁴, раньше побывавший заведующим Ташкентской обсерваторией, говорил мне:

– Пока я не принимаю против Гульятеева никаких мер. Только бы обсерватория сохранилась в возможной целостности.

Позже, моими стараниями, Ташкентская обсерватория была передана во владение созданного при деятельном моем участии Туркестанского университета²⁵.

Гульятеев оказался не у дел и уехал на север. Он пришел ко мне в Москве. Это уже был сморщившийся от старости человек, сильно исхудавший от большевицкого режима, но по-прежнему с красным лицом.

В это время Ташкентская обсерватория, по моим хлопотам, стала филиалом созданной мною же Главной астрофизической обсерватории в Москве.

Вдруг получается известие из Петрограда: «Главная физическая обсерватория явочным порядком объявила Ташкентскую обсерваторию своим филиалом и назначила директором ее находящегося в Петрограде Гульятеева».

Честолюбие продолжало его одолевать... К этой затее никто, однако, серьезно не отнесся, последствий она не имела.

Сарты

Весь состав низших служащих – их было около десятка – были сарты. Они же прислуживали при астрономических наблюдениях. Тихий, трезвый народ! Жили в отведенных им маленьких постройках туземного типа, глинобитных, с земляными крышами, <...> вели свое несложное хозяйство. Никогда у них не было слышно о крупных недоразумениях или ссорах, а тем более о пьянстве.

На нас, русских, смотрели снизу вверх, как на людей особой расы. При встречах, по сартскому обычаю, не снимали шапки, а отвешивали поклон, прикладывая правую руку к груди, – делали «кулдук». Особенно усердствовал садовник Турдукул: он хватался обеими руками не за грудь, а за живот, и при этом еще приседал. Со стороны казалось, будто, при виде начальства, у него делаются схватки в животе.

Главным между сартами был служитель обсерватории Юнус. Высокий, степенный мужчина, с русой бородой, с умными глазами – всегда в халате и тюбетейке. Большой умница, присматривавшийся к нашей работе и старавшийся ее понять.

В первое время он прислуживал при моих наблюдениях. Я занимался, между прочим, дневными наблюдениями над Венерой и каждый день зарисовывал, что различал на ее поверхности. Вдруг получается телеграмма: кто-то в Америке увидел на Венере светлое пятно.

– Как же это, Юнус? Мы с тобой просмотрели пятно на Венере, а в Америке его увидели...

Отвечает со степенным спокойствием:

– Если «мы» не видели, значит, ничего там и нет!

Он оказался прав. Через день пришла телеграмма с опровержением: в Америке поторопились, пятна действительно не было.

Приехали на обсерваторию к Гульятееву посетители смотреть звезды. Показы-

вание шло плохо: «астроном» был слишком навеселе, и звезды на небе для него плясали.

– Поищи, Юнус, куда это девалась проклятая Большая Медведица? Никак не могу ее найти!

Юнус направил ему трубу телескопа, куда нужно.

Позже мне пришлось заменить Юнуса одноглазым стариком Кадыром. Долго я «дрессировал» старика, под конец научил разным маневрам, в том числе самостоятельно заряжать и разряжать большую батарею для освещения.

Работаю я как-то в верхней части башни, готовясь к ночной работе, а Кадыр в нижнем этаже заряжает батарею. Он в таких случаях брал большую ведерную бутылку с серной кислотой, помещенную в деревянном ящике, и наливал ее в банки. Я настрого запретил ему, ввиду неоднократных попыток на это, вынимать бутылку из ящика.

Вдруг – звон стекла и неистовый крик Кадыра! Скатываюсь по лестнице вниз. Кадыр вопит с перекошенным от ужаса лицом. На нем халат и сапоги шипят, дымятся. Асфальтовый пол вокруг него тоже кипит..

Старик самовольно вынул бутылку из ящика. От тяжести серной кислоты, бутылка переломилась. На Кадыра обрушилась ванна из серной кислоты, по счастью, на одежду.

Что делать?! Одежда быстро горит. Секунды терять нельзя, а под руками нет ничего, нейтрализующего кислоту. Хватаю старика за руку и силой волоку, без лишних разговоров, к протекающему неподалеку большому арыку. Старик, обзумевший от страха, бьется из рук, сопротивляется... Бросаю его в воду.

Одежда погибла, но сам он спасся, отделался мелкими ожогами.

Чертовщина

– Хотите со мною ловить черта?

– Что за шутка, Дмитрий Данилович?

Нет, Гедеонов не шутит.

У Юнуса – домашняя драма. Его давно огорчало неимение детей от жены, уже пожилой сартянки. Впрочем, и ему самому было уже под пятьдесят.

Горю помочь легко. Знакомые и друзья все учат:

– Возьми себе, Юнус, вторую жену!

Юнус высмотрел 18-летнюю сартянку. Старая жена стала буяннить и протестовать. <...> Отпраздновали свадьбу, начались медовые дни.

Вот здесь и началась чертовщина. Жил Юнус в отдельном домике, среди парка. И каждый вечер на его саклю стали падать, как будто с неба, камни. Очевидно, небо решило вмешаться в его семейные дела. <...>

Ясно, что в дело вмешался сам шайтан. Каждый день падают камни. Юнус выходит, смотрит. Никого нет! А камни продолжают лететь – то в окно, то в самого Юнуса.

На обсерватории растет тревога, особенно среди сартов:

– Шайтан! Шайтан...

Нечистые силы разыгрались, надо, стало быть, всем правоверным мусульманам уходить с проклятого места, с этой обсерватории.

Стали заражаться тревогой и некоторые из русских.

Этому надо было положить конец. Мы сговорились с Гедеоновым поймать нечистую силу. Взяли из окружного штаба команду писарей и рабочих из военной типографии. Сели с ними в засаду: Гедеонов в зарослях внутри, я в кустах снаружи, в примыкавшей к обсерватории улочке.

Разнервничавшийся наш писарь Мартьянов услышал шорох ночной птицы. Завопил:

– Начинается...

Его, однако, успокоили.

Мы просидели в засаде несколько часов. Чудес не было, и они более не повторялись. Шайтан, или, вернее, родственники первой жены, признали дальнейшие демонстрации бесполезными.

Домашняя жизнь у Юнуса наладилась. У него родился сын, и Юнус был на вершине блаженства.

Бухарский раввин

Приходят несколько халатников²⁶ с черными бородками, сильные брюнеты, с более или менее горбатыми носами:

– Мы – бухарские евреи, студенты. С нами прибыл из Бухары наш ученый раввин... Он просит позволения, господин профессор, посетить обсерваторию.

На другой день приезжает симпатичный старик, лет под семьдесят. Румяное лицо, кругленький, совсем седой, в халате и ермолке. Его сопровождают, проявляя к нему величайшее почтение, десятка два бухарских евреев разных возрастов.

Принял я его любезно, провел по всем помещениям, показывая инструменты. Затем в библиотеке показал ему более интересные астрономические иллюстрации и фотографии.

Старик рассматривал все очень внимательно, а «окружение» стояло почтительной толпой, и ни один не позволил себе вмешаться в наш разговор или задать в присутствии раввина свой вопрос. А разговор наш с раввином был такого рода:

– Позвольте вот о чем спросить: профессор Пифагорас думает, что земля стоит посередине, а солнце ходит вокруг нее. А профессор Коперникус думает, что солнце стоит посередине, а земля обходит вокруг него. А как вы думаете?

– Я думаю, что прав профессор Коперникус...

Мы расстались друзьями, и еще целый ряд лет я встречал то в Ташкенте, то проездом через Бухару, каких-то бухарских евреев, очевидно из бывших на обсерватории, которые любезно раскланивались и говорили:

– Вам просил кланяться наш раввин!

Сарты на обсерватории

Нередко приходилось иметь дело и с сартскими учеными и муллами. Они признавали в астрономических вопросах полностью наш русский авторитет.

Одним из поводов к нашему соприкосновению было определение момента того новолуния, после которого правоверным надо начинать праздновать свой пост Уразу, иначе – Рамазан²⁷. Муллы пользовались старинными таблицами лунных фаз, составленными в Бухаре, так как Средняя Азия вообще находится под сильным влиянием духовных ученых Бухары.

Но затем муллы стали приезжать ко мне за справками о моменте новолуния. Так как они наглядно убеждались в том, что эти нехитрые предсказания сходились с действительностью гораздо лучше, чем указания их бухарских таблиц, то понемногу ташкентские муллы ввели в правило посовещаться со мною ранее, чем объявлять народу о моменте начала Уразы.

Однажды я читал в Туркестанском археологическом кружке²⁸ доклад об Улугбеке, средневековом самаркандском государе, бывшем одновременно и знаменитым астрономом той эпохи. В числе моих слушателей был и генерал-губернатор С.М. Духовской²⁹. Старика поразила та высота, на которой стояла в эпоху Улугбека астрономия в Самарканде. И в его голову пришла мысль восстановить во время своего управления краем былую астрономическую научную высоту в Туркестане.

– Постарайтесь воскресить старое. Прививайте ученым сартам интерес к астрономии.

– Трудно это будет, ваше высокопревосходительство!

– Ну, ничего. Попробуем! Собирайте время от времени мусульманских ученых, показывайте им в телескоп небо, объясняйте. Так мало-помалу у них и привьется вкус к астрономии.

С таким высоким начальством, как «полуцарь», не поспоришь...

Духовской обращается к начальнику города Ладыженскому³⁰:

– Оповестите всех ученых сартов, чтобы являлись на обсерваторию слушать лекции астрофизика Стратонова. О днях – сами сговоритесь с ним.

– Слушаюсь!

В назначенный мной вечер приехало десятков пять седобородых старцев, в халатах, в чалмах. Поприезжали верхом, в сопровождении своей челяди. Это были народные судьи (кази), пользовавшееся высшим авторитетом в народе, и муллы, из числа более почтенных. Многие, если только не все, приехали только потому, что узнали о воле на этот счет «полуцаря» и захотели выслужиться.

Объяснять приходилось через переводчика. Показывал им я самое элементарное. Но видел, что стариков все это интересует не более прошлогоднего снега. Опыт дал грустные результаты.

– Когда опять «прикажете» нам приехать?

Обещал уведомить их через начальника города. Сам же решил поспекулировать на забывчивости старика Духовского и не созывать более сартов, пока он сам об этом не напомнит. Так и вышло: он забыл о своей затее. Эти старцы ко мне более не приезжали.

Между прочим, в связи с этим моим докладом в археологическом кружке возник интерес к вопросу о том, где именно в Самарканде находилась обсерватория Улугбека³¹. Обыкновенно думали, будто он производил наблюдения на знаменитой мечети Улугбек, на Регистане, в Самарканде. Мне это представлялось невероятным.

Председатель кружка, директор мужской гимназии Н.П. Остроумов, запросил об этом большого знатока местных древностей и документов, служившего чиновником при Самаркандском губернаторе; фамилия его, кажется, была Лапин³².

Последний нашел документ, устанавливавший, что обсерватория была не в самом Самарканде, а в нескольких верстах от него. Документ указывал даже довольно точно самое предполагаемое место обсерватории.

Я предполагал заняться здесь раскопками, но все откладывал, занятый срочной работой. Раскопки были произведены уже после моего выезда из Туркестана, и действительно здесь нашли остатки обсерватории. Сохранились даже кое-какие старинные инструменты. Раскопками в научном отношении руководил заведовавший нашей обсерваторией Осипов³³.

Рентгеновская станция

В самом начале века, как только прогремело на весь мир открытие Рентгеном своих лучей, я почти тотчас же завел у себя в лаборатории соответственное обозначение.

Это была первая рентгеновская станция на всю Среднюю Азию, а вероятнее на всю азиатскую Россию. Новинка вызвала к себе громадный интерес. А затем моей рентгеновской станцией стали пользоваться и врачи-хирурги.

Около этого времени умер С.М. Духовской, и на его место генерал-губернатором был назначен Н.А. Иванов.

По местному обычаю нового полуцаря приехали поздравлять депутации от эмира Бухарского и хана Хивинского. Желая доставить депутациям развлечение, Н.А. Иванов просил продемонстрировать депутациям рентгеновские лучи.

Приехала сначала ко мне депутация бухарцев. Во главе ее прибыл любимец эмира, его министр финансов Астанакул³⁴. Человек лет за сорок, полный, чернородый, в богатом халате. Приехало с ним еще пять чиновников разных рангов.

Стал я демонстрировать опыты. Бухарцы заохали, увидев на экране кости своих рук, скрытые в деревянных ящиках металлические предметы и т.п. Один Астанакул соблюдал величавое спокойствие, стараясь быть невозмутимым.

Тогда я попросил его портмоне – бархатный мешочек. На экране стали вдруг пересыпаться изображения золотых бухарских монет. Бухарцы заохали еще больше, но Астанакул делал вид, будто его ничто удивить не может.

Пригласили мы бухарцев на чашку чаю, а чай у нас был хороший, прямой полочки из Китая, через знакомых моряков. Вот чай на Астанакула произвел впечатление, он пил чашку за чашкой.

На другой день приезжает бухарский чиновник:

– Министр финансов просит принять на память.

Этого еще не доставало... Неприятное положение! Отказаться нельзя, по местным обычаям это было бы сочтено за оскорбление депутации. Пришлось принять: два-три халата, несколько полос бархатной материи, несколько кусков шелка...

Через пять дней прибыли хивинцы. Во главе их стоял молодой наследник престола. Кажется, его звали Асфендиар-хан³⁵. Высокий, стройный молодой человек, с только начавшей пробиваться бородкой, но тоже в богатом халате, увешанный дорогим, разукрашенным камнями оружием.

Показал я им все то же, что и бухарцам. Удивляются, охают, но не уходят. Что же с ними еще делать? Стал показывать фотографии Луны, карты Марса. Объясняю, что один из больших каналов на Марсе назван «Оксос», и что это значит – Амударья.

Хивинский наследник так и подскочил:

– Хивински Амударья?

– Она самая!

Хивинцы – народ бедный. В благодарность я получил фотографический портрет наследника престола с его надписью по-хивински.

Позже этот наследник успел стать ханом, последним хивинским ханом, которого застал на престоле большевизм и который пережил весь большевицкий разгром Хивы.

Генерал Куропаткин

Прибыл в Туркестан А.Н. Куропаткин³⁶. Он был тогда военным министром, и ему был непосредственно подчинен этот край. Куропаткин был, вместе с тем, старый боевой туркестанец, и его поэтому здесь встретили особенно торжественно. Это было еще до японской войны³⁷, и звезда Куропаткина, как сподвижника Скобелева, стояла очень высоко.

Между прочим, ему должен был представиться штаб округа с военно-топографическим отделом и нашей обсерваторией. Были выставлены на столах работы топографов, а особый стол занимали труды обсерватории, точнее говоря, мои труды, потому что других там тогда не было.

В строю военных мундиров я один стоял во фраке, и этим обратил на себя невольно внимание министра. Когда же он увидел стол с моими книгами, то нахмурился:

– Почему ваши книги напечатаны по-французски?

– В России, ваше высокопревосходительство, слишком мало специалистов, которые могли бы их прочесть. А астрономы всего остального мира по-русски не поймут.

Куропаткин нахмурился еще больше:

– Ну, а если русский офицер захочет прочесть ваши книги и вдруг встретит незнакомый ему язык?

Я замолчал. Трудно было сказать недовольному министру, что если русский офицер возьмется читать специальные книги по астрономии, то, конечно, он знает и по-французски. Оглянулся: вижу – кругом нахмуренные из сочувствия к рассердившемуся министру лица, точно съесть меня хотят.

– Вот что, – сказал Куропаткин, – в будущем вы печатайте свои книги не иначе, как на обоих языках: русском и французском! А так как у вас, вероятно, не хватит на это средств, то обратитесь ко мне. Я вам их дам!

– Слушаю!

Он любезно мне кивнул. Смотрю – все кругом смотрят на меня любезно...

Прошло около года. Мне как раз понадобилось печатать 4 и 5 тома своих «Трудов Ташкентской обсерватории». Помня предложение Куропаткина, я подал, для отсылки в Военное министерство, смету для их напечатания. Зная привычку министерства сильно урезать сметы, я ее составил с большим запасом.

Ответ, к моему удивлению, пришел весьма быстро. По распоряжению Куропаткина, деньги были отпущены немедленно и безо всяких урезок.

Судьбы изменчивы. Позже Куропаткин вновь вернулся в Туркестан на сравнительно скромный для него пост генерал-губернатора. Здесь его и захватил большевизм.

Коллизии

С первого же года выяснилось непримиримое противоречие во взглядах на служебную работу моих сослуживцев и моих личных.

Обсерватория, как уже говорилось, в сущности ничего не делала, ограничиваясь показной видимостью работы. Это не стоило много денег, и к концу года получались остатки, которые распределялись между персоналом.

С моим приездом дело изменилось: я старался улучшить научное дело. Мои работы обходились относительно дорого. Впоследствии на них были испрошены специальные ассигнования, сначала же на них расходовались общеобсерваторские средства. Я принялся также и за библиотеку, которая была запущена, так как уже давно не пополнялась покупкой книг; я же настоял на выписке и новых книг, и новых журналов. В результате, к концу года остатков более не образовывалось, распределять «на гуся» стало нечего, и теплых ко мне чувств это обстоятельство ни в сослуживцах, ни в их семьях не возбуждало.

Гедеонов выходил из себя:

– Вы точно Нерон уничтожаете обсерваторские деньги!

По своей молодой преданности делу, я мало обращал внимания на его недовольство. Толстый, ленивый, он больше всего дорожил покоем, а я часто возбуждал новые вопросы. Накопившееся неудовольствие у него под конец прорвалось в бурную вспышку:

– Вы всегда чем-нибудь да не удовлетворены! Когда вы идете на обсерваторию, мы уже знаем наперед, что вы поднимете какой-нибудь вопрос. Так всегда и бывает. Мы молчим, но мы все против вас. Вы заявляете преувеличенные претензии. А вы должны помнить, что между нами вы последняя спица в колеснице, потому что мы все старше вас чинами, а вы только коллежский секретарь!

При этом резком объяснении под конец и я вскипел. Перешел с ним сразу на официальный тон. Вместо «Дмитрий Данилович» стал называть его «господин

полковник». Эта официальность, которая сохранилась до самого конца моего пребывания в Ташкенте, избавила меня от повторения подобных объяснений.

Через несколько дней возвратилась отсутствовавшая из Ташкента жена Гедеонова. Должно быть, она не одобрила выходки мужа. Они оба пришли к нам запросто, делая вид, будто ничего не произошло. Мы их встретили с холодной корректностью, но без обычной приветливости, и они поняли, что частные дружеские отношения кончены.

Как бы ни был я виноват в чем бы то ни было, и благодаря тяжелому характеру, и благодаря молодости и ее промахам, но в моих действиях никогда не было личной корысти какого-либо вида: с молодой, быть может и утрированной добросовестностью, я старался только об интересах научного дела, и это понимали все посторонние, почему с разных сторон я видел моральную себе поддержку.

Мой конфликт с Гедеоновым был усердно использован Залесским для углубления разрыва. Он постоянно растревлял против меня самолюбие Гедеонова и не без успеха. Но он старался и мне, под личиной участия, передать то одно, то другое о словах и действиях Гедеонова, что могло бы возбудить меня еще более.

Не раз бывало, что Гедеонов пытался наделать мне неприятностей, пользуясь своим военно-дисциплинарным преимуществом. Но его сдерживал генерал Жилинский, сам недолюбливавший Гедеонова и, вместе с тем, всегда шедший навстречу моим научным устремлениям. Да и я был уже постоянно начеку и избегал обращаться с чем бы то ни было к Гедеонову.

Катастрофа, тем не менее, произошла.

Дело о ключах

После трехлетнего пребывания в Ташкенте, мы с семьей уехали на полгода в Россию.

Уже говорилось, что Гедеонов особенно любил показывать своим гостям небо в переданный мне для работ большой телескоп. Мои работы заставили его, было, отказаться от такого использования инструмента; но во время моего полугодового отсутствия он широко возобновил это свое развлечение.

По моем возвращении, ему, очевидно, показалось обидным для самолюбия передать мне всецело телескоп, и он продолжал им пользоваться для своих гостей.

Придя как-то с этой целью в башню, он нашел случайно закрытым ящик с окулярами. Вспыльчивый человек, он немедленно написал мне резкую официальную бумагу, в которой потребовал, чтобы я все ключи вывешивал в обсерватории на определенном месте, для того чтобы всё и во всякое время было ему доступно.

Требование я исполнил, но подал рапорт с указанием на затруднительность для меня в таких условиях вести научную работу.

Произошел еще обмен официальными бумагами. Борьба с точки зрения военной дисциплины была не равна; но я отвечал обдуманно и посоветовавшись предварительно с одним опытным другом; Гедеонов же, рассчитывая на свое преимущество, писал сгоряча и весьма резко. Кончилось тем, что на мое объяснение по

поводу выставленных им неосновательных против меня обвинений Гедеонов объявил мне письменно «строгий выговор за неуместную полемику с начальством».

Ввиду несправедливости выговора, я перенес дело в высшую инстанцию, то есть обратился с жалобой к генералу Жилинскому. Перед Жилинским открывались две возможности: успокоить конфликт, создав приемлемый для обеих сторон компромисс, или свести свои счета с зарвавшимся на этот раз Гедеоновым. Жилинский выбрал второе и, заручившись принципиальным согласием с ним начальника штаба округа, закатил такой разнос Гедеонову, что тот, потерявши вследствие уязвленного самолюбия голову, сам подал жалобу на Жилинского.

Так называемое «дело о ключах» разгоралось. Теперь уже шла борьба между Жилинским и Гедеоновым, но орудием борьбы пришлось быть мне.

И начальник штаба, симпатичный генерал Писаренко, и заведовавший «судным» отделением штаба Зуйков не подвели этого дела под обычный военно-дисциплинарный конфликт, но старались найти примиряющий выход. Было, однако, ясно, что правым они считают меня.

Встретившись с глазу на глаз на обсерватории с Гедеоновым, я предложил, не пожелает ли он мирно прекратить весь инцидент, так, чтобы было удовлетворено его самолюбие, но вместе с тем, чтобы и я мог беспрепятственно работать. Сначала Гедеонов отозвался, было, на мое предложение, но потом его вдруг точно муха укусила:

– Нет! Никаких соглашений! Еже писах – писах! Имею честь...

– Хорошо! Честь имею...

Расследование кончилось в мою пользу. Мне предложили самому указать, какой порядок меня удовлетворил бы. Я предложил: ключи, конечно, остаются доступными заведующему обсерваторией; но мне предоставляется право каждый раз, когда я это по ходу научной работы сочту нужным, вывешивать объявление о недоступности инструмента, и тогда ни Гедеонов, ни кто бы то ни было другой не имеют права к нему прикасаться.

Такое решение и было принято, и утверждено оно было командующим войсками округа генералом Ивановым, вследствие чего оно становилось обязательным и для всего промежуточного начальства.

Но этим дело не ограничилось. Генерал Иванов поручил начальнику штаба объявить Гедеонову, что он ведет себя «как старая баба», и что, если он не угомонится, так в дело вмешается сам командующий войсками.

Такая резолюция для болезненно самолюбивого Гедеонова оказалась вовсе непереносимой. Он подал прошение о переводе его с понижением на Кавказ, на должность офицера для астрономических поручений. Это было удовлетворено.

Уезжая, он обещал вскоре вернуться в Ташкент на место состарившегося Жилинского.

И действительно возвратился...

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Решение о постройке *Ташкентской астрономической и физической обсерватории* было принято 19 декабря 1871 г.; в апреле 1872 г. был утвержден проект зданий обсерватории. В организационном смысле Ташкентская обсерватория начала свою работу в 1873 г. Идея ее создания принадлежала Военно-топографическому отделу Туркестанского военного округа; ему же обсерватория подчинялась. Основной задачей, стоящей перед обсерваторией, первоначально являлось проведение полевых астрономических наблюдений для картографирования Средней Азии. Наряду с сугубо прикладными задачами сотрудники Ташкентской обсерватории в конце XIX в. и особенно в начале XX в. активно занимались проблемами астрофизики. В 1898–1899 гг. на территории обсерватории было выстроено здание астрофизической лаборатории: в нем проводили исследования солнечной активности, изучали проблемы звездной астрономии, осуществляли фотографические наблюдения комет и метеоров. На базе Ташкентской обсерватории в 1966 г. был создан Астрономический институт Академии наук Узбекской ССР (ныне астрономический институт им. Улугбека Академии наук Республики Узбекистан).

² *Гедеонов Дмитрий Данилович* (1854–1908) – геодезист и астроном. В 1890–1900 гг. – директор Ташкентской астрономической и физической обсерватории. В 1899 г. руководил строительством международной широтной станции вблизи Чарджуя (ныне г. Туркменабад Республики Туркменистан). В 1906 г., будучи начальником Туркестанского военно-топографического отдела, предложил новый способ определения поправки часов по наблюдениям звезд («способ Гедеонова»). Член-учредитель Русского астрономического общества.

³ *Рефрактор (астрограф)* – оптический телескоп, в котором для собирания света используется система линз, называемая объективом. Работа таких телескопов обусловлена явлением рефракции (преломления).

⁴ Речь идет о фирме «*Репсольд и сыновья*» в Гамбурге, выпускавшей во второй половине XIX в. сложное инженерное оборудование.

⁵ Братья *Поль и Проспер Анри* – французские ученые, занимавшиеся астрономией и оптикой, первооткрыватели астероидов, работавшие в Парижской обсерватории.

⁶ *Жилинский Станислав Иванович* (1838–1901) – генерал от инфантерии. В 1868 г. был назначен исполняющим обязанности начальника Военно-топографического отдела Туркестанского военного округа. Провел более 30 лет на службе в Средней Азии. Производил много астрономических и геодезических съемок, метеорологических и других научно-исследовательских работ на Памире, в Ферганской и Семиреченской областях Туркестана.

⁷ *Померанцев Илларион Иванович* (1847–1921) – генерал от инфантерии, астроном-геодезист, в 1880–

1890 гг. – заведующий Ташкентской астрономической и физической обсерваторией.

⁸ *Корольков Николай Иванович* (1837–1906) – генерал от инфантерии, член Военного совета Российской империи. В 1867 г. был переведен на службу в штаб Туркестанского военного округа. В 1872 г. исполнял должность помощника начальника Штаба округа. В 1873 г. назначен офицером для особых поручений при командующем войсками Туркестанского военного округа. Участник Хивинского похода 1873 г. В 1875–1876 гг. участвовал в войне против Кокандского ханства. В 1877 г. был назначен начальником Ташкентского военного госпиталя. С 1885 г. временно исполнял должность губернатора Ферганской области, с 1887 г. утвержден в этой должности. В 1893 г. переведен на должность губернатора Сыр-Дарьинской области, в 1898 г. временно исполнял должность Туркестанского генерал-губернатора.

⁹ *Залесский Петр Карлович* (1850–1916) – полковник, военный топограф, участник Туркестанских походов. В 1881–1886 гг., совместно с И.И. Померанцевым, определил точные значения долготы ряда городов Туркестана. Осуществил несколько астрономических экспедиций на территории Туркестана с целью определения географических координат опорных пунктов топографических съемок. С 1901 г. – производитель астрономических работ при военно-топографическом отделе Туркестанского военного округа.

¹⁰ Биографические сведения уточнить не удалось.

¹¹ Речь идет о *Спасо-Преображенском Военном соборе* Ташкента. Собор был построен в 1886 г. на одной из центральных площадей Ташкента, получившей в честь него название Соборной, по проекту архитектора и военного инженера В.С. Гейнцельмана. Выполненное в византийском стиле здание было сложено из серо-желтого жженого кирпича. В 1930-х гг. собор был уничтожен.

¹² Находилась на левом берегу канала Анхор, напротив так называемого «старого», или «туземного», города. На плацу перед резиденцией регулярно проводился смотр войск Туркестанского военного округа. Площадь перед Белым домом получила впоследствии наименование Соборная площадь, так как по другую сторону площади перед губернаторским дворцом был позже построен Спасо-Преображенский Военный собор. В начале 1930-х гг. «Белый дом» подвергся значительной реконструкции; в начале 2000-х – полностью снесен; на его месте возведен Сенат Республики Узбекистан.

¹³ *Вревский Александр Борисович* (1834–1910) – барон, генерал от инфантерии. В 1889–1898 гг. Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. В 1898 г. назначен членом Военного Совета. Принял ряд мер, направленных на предотвращение превращения британцами Памира в антироссийский плацдарм и на окончательное закрепление России в этом регионе.

¹⁴ Вероятно, речь идет о *птерициуме*, заболевании глаз, также известном под названием «*крыловидная плева*». Характеризуется тем, что конъюнктивита разрастается и начинает покрывать роговицу глаза.

¹⁵ *Костинский Сергей Константинович* (1867–1936) – астроном, один из основоположников астротомографии и фотографической астрометрии. Автор методики измерения положения звезд по фотографическим пластинкам и формулы редукций этих измерений.

¹⁶ *Бейли Френсис* (1774–1844) – английский астроном, впервые описавший появление ярких точек на краю лунного диска в начале и в конце полной фазы солнечного затмения.

¹⁷ *Гультяев Яков* (1857–?) – заведующий метеорологической частью Туркестанской астрономической и физической обсерватории. В 1918 г. он был избран на должность заведующего обсерваторией. Инициатор разъединения обсерватории на астрономическую и геофизическую. В дореволюционный период одновременно заведовал всеми Туркестанскими метеорологическими станциями.

¹⁸ *Совет туркестанского генерал-губернатора* был создан в соответствии с Положением об управлении 1886 г. Он состоял из военных (в основном) и гражданских чиновников края. Совет обладал правом законодательной инициативы в вопросах, связанных с управлением краем, поземельно-податным устройством, земскими повинностями.

¹⁹ Биографические сведения уточнить не удалось.

²⁰ Речь идет о 5-м Оренбургском казачьем полке.

²¹ *Франц Ксавье фон Шварц* (1847–1903) – выпускник Мюнхенского университета, баварский подданный. 31 декабря 1878 г. был назначен помощником заведующего Ташкентской астрономической и физической обсерваторией по метеорологической части, а позднее и руководителем обсерватории. В 1879–1880 гг. возглавлял хронометрическую экспедицию в Кульджинский край, осуществляя астрономические, магнитные и барометрические наблюдения. Прожив в Туркестане более 15 лет, он глубоко интересовался жизнью, традициями и культурой народов этого региона. Вернувшись в Германию, в 1900 г. опубликовал книгу на немецком языке «Туркестан, колыбель индогерманских народов». Согласно концепции Шварца, Туркестан является исторической прародиной для европейцев. На этой территории, по его убеждению, в глубокой древности происходило формирование индогерманских племен и именно отсюда в течение многих веков шла миграция арийского населения в направлении Европы, Ближнего Востока и Северной Индии. Шварц считал, что Центральная Азия также является колыбелью древней культуры германцев, кельтов, славян и других народов.

²² Биографические сведения уточнить не удалось.

²³ Биографические сведения уточнить не удалось.

²⁴ *Аузан Андрей Иванович (Андрейс Аузанс)* (1871–1953) – генерал русской армии, военный топограф. В 1907–1910 гг. был производителем астрономических работ при Военно-топографическом отделении Туркестанского военного округа (наблюдатель на Чарджуйской международной астрономической станции). В 1910–1911 гг. – помощник начальника геодезического отделения военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба. С 1911 г. – штаб-офицер для поручений и астрономических работ при военно-топографическом отделении штаба Туркестанского военного округа. В том же году стал заведующим Ташкентской астрономической и физической обсерваторией и прослужил на этом посту до 1917 г. В 1914 г. являлся членом сейсмической комиссии Академии наук. После Гражданской войны – один из военачальников Латвийской армии.

²⁵ *Туркестанский университет* – основан в 1920 г. на базе народного университета в Ташкенте. С 1923 г. – Среднеазиатский государственный университет, с 1960 г. – Ташкентский государственный университет им. В.И. Ленина, с 2000 г. – Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека.

²⁶ Т.е. люди, одетые в среднеазиатские халаты. В данном случае речь идет о бухарских евреях.

²⁷ *Ураза* – мусульманский пост. *Рамазан* – священный для мусульман месяц, на который приходится ураза.

²⁸ *Туркестанский кружок любителей археологии* был создан в 1895 г. с целью изучения, описания и охраны памятников истории, находящихся в пределах Туркестанского края. Первым председателем был туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский, вице-председателем Н.П. Остроумов. Среди основателей кружка был выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд. Кружок продолжал существовать после 1917 г.

²⁹ *Духовской Сергей Михайлович* (1838–1901) – генерал от инфантерии. В 1898–1900 гг. – Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. 1 января 1901 г. был назначен членом Государственного совета. С 1899 г. почетный гражданин Ташкента.

³⁰ *Ладыженский Илья Александрович* – подполковник, начальник города и городской голова Ташкента с 30 мая 1898 г. по 31 мая 1901 г.

³¹ *Обсерватория Улугбека* была построена в окрестностях Самарканда в 1424–1428 гг. и являлась одной из наиболее значительных обсерваторий средневековья. Остатки обсерватории были найдены и исследованы археологом В.Л. Вяткиным в 1908 г.

³² *Лапин Шерали (Серали) Мунайтбасович* (1869–?) – коллежский регистратор, юрист. Получил первоначальное мусульманское образование; учился в русской школе в Перовске (ныне г. Кызылорда Республики Казахстан). В 1889 г. закончил Ташкентскую учительскую семинарию, затем юридический факультет Петербургского университета. В 1889–1892 гг. состоял репетитором местных языков

в Туркестанской учительской семинарии. В 1892 г. – переводчик Самаркандского областного суда. Спустя год был переведен на должность письменного переводчика при военном губернаторе Самаркандской области генерал-майоре В.Ю. Мединском. Принимал участие в первой переписи населения в Российской империи по Туркестану. В разгар революционных событий 1917 г. был одним из лидеров партии «Шури-Улема». В 1918 г. эмигрировал в Германию.

³³ *Осипов Михаил Павлович* (1859–?) – военный топограф, астроном. В 1904 г. служил в Туркестанском военном округе штаб-офицером для поручений и астрономических работ. За несколько лет он вместе с П.К. Залесским уточнил разность долгот следующих населенных пунктов: Ташкент, Иркештам, Новый Ургенч, Пржевальск, Мерв.

³⁴ *Астанакул, Астанкул-бий* – внук кушбеги Муллы Мухаммади-бия и сын Мухаммада Шарифа инака, занимавшего при эмире Музаффар-беке пост главного закатчи («министра финансов») и губернатора Бухары. В 1882 г. Астанакул-бий (ему тогда было около 20 лет) становится беком Карши. 15 ноября 1885 г. был назначен новым эмиром Абдул-Ахадом на пост наместника Чарджуя. В 1888 г. эмир Сеид Абдул-Ахад даровал Астанакулу чин инака и назначил на должность главного закатчи, которую до этого занимал его отец. Так же, как и его отец, он осуществлял связь между бухарским правительством и Российским политическим агентством в Бухаре, по поручению эмира подписывал различные официальные протоколы, соглашения и т.п., вел переговоры по различным вопросам. В дальнейшем он занимал одновременно посты закатчи и кушбеги (главного визиря). В 1897 г.

эмир Абдул-Ахад, поссорившись с бухарским духовенством, навсегда оставил столицу ханства. Астанакул вплоть до кончины Абдул-Ахада в 1910 г. 13 лет непрерывно пребывал на территории арка (крепости), не имея права оставить его стены. Однако В.В. Стратонов описывает приезд Астанакула в Ташкент в 1901 г. В 1910 г. Астанакул был смещен новым эмиром Сеид Алим-ханом.

³⁵ *Сеид-Асфендиар-Богадур-Хан* (1873–1918) – хивинский хан из узбекской династии Кунград, генерал-майор русской армии, сын хана Хивинского Сеид-Мухамед-Богадур-Хана. В 1910 г. вступил на престол. В 1911 г. зачислен в Свиту Его Императорского Величества. Убит в 1918 г. захватившим власть в Хиве Джунгаид-ханом.

³⁶ *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848–1925) – генерал от инфантерии, военный министр, член Государственного совета. Участник туркестанских походов. Участвовал в штурме Самаркандских высот, в бою на Зербулакских высотах, в повторном взятии Самарканда, в Кокандском походе 1876 г. и в других боях. В мае 1876 г. отправлен во главе посольства к Якуб-Беку Кашгарскому для установления границ с Ферганой. Участник Ахал-Текинской экспедиции 1880 г. и штурма Геок-Тепе в 1881 г. В 1890–1898 гг. – начальник Закаспийской области. С 22 июля 1916 г. – последний Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

³⁷ В русско-японскую войну А.Н. Куропаткин командовал русскими войсками в сражениях при Ляояне, Шахе, Сандепу и Мукдене, последовательно проиграв их все. (Прим. ВС.)

Борис ШИРЯЕВ

Соловецкие сказы

Публикация и вступительная заметка Михаила Талалая, примечания и послесловие священника Вячеслава Умнягина

В предыдущем номере журнала читатели имели возможность познакомиться с биографией писателя Бориса Николаевича Ширяева (Москва, 1889 – Сан-Ремо, 1959) и его воспоминаниями о Средней Азии рубежа 1920–1930-х годов.

В последние годы произведения Бориса Ширяева возвращаются в отечественную литературу. Опубликовано его «Ди-Пи в Италии», «Никола Русский», «Бриллианты и бульжники», «Кудеяров дуб»... Самым важным и известным остается его произведение «Неугасимая лампада», о Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), переизданное на Родине еще в годы перестройки.

Как писатель Ширяев состоялся в эмиграции, однако его творческий путь начался именно на Соловках. На Соловках, в лагерных журналах, вышли его самые первые литературные тексты. С ними современный читатель знакомится впервые.

Опубликованная в редчайшей соловецкой периодике 1920-х годов, проза Ширяева, самая его первая, была обильной и интересной; ее требовалось собрать вместе и переиздать. В этом большую помощь оказал мой американский коллега Андрей Власенко, сделавший трудоемкое распознавание сканированных текстов, а также священник Вячеслав Умнягин, специалист по истории и литературе Соловков, написавший комментарии и послесловие к новой публикации.

Вновь собранные тексты мы назвали «Соловецкими сказами», учитывая как любовь автора к Николаю Лескову и его сказам, в которой он не раз признавался, так и склонность Ширяева к сказовости, где, наряду с историей, важнейшее место занимают предание и притча.

1237 строк

Повесть об октябрьской яри, палевой Руси, пауке на колесиках, соловецком иноке Авраамии, пламенеющих песках, Преображенском соборе, французском капорале, бронепоезде «Генерал Корнилов», Анзерской дебре, револьвере Кольта, ночах пьяных, колючей проволоке, голой обезьяне, Неопалимой Купине и многом другом, вошедшем в жизнь ротмистра Шахова на волчьих тропах в годы без зимы, лета и осени.

Если Бога нет, то какой же я
после этого штабс-капитан!
Ф.М. Достоевский, «Бесы»

I.

Викжедор¹. Слово непонятное, неправдошное, жуткое, как заклятие, много раз повторено на заборе.

Викжедор призывает...

Викжедор призывает...

Викжедор призывает...

За лентою плаката, за заклятием, за призывом, кричащим жирными красными буквами в серую возню площади, незаметны и не нужны пять зеленых главок церковки, затопленной разливом двух смыкающихся в площади улиц.

Там, за шорохами разноцветного кружева афиш, плакатов и воззваний, теплится желтенький с бледным язычком огонек лампадки Руси древней, ладановой, парчовой, кипарисовой, а здесь бьется, лязгает и гроыхает Россия, вздыбленная великим содроганием, взметнувшая мутные волны толпа сермяг, гимнастеров, тулупов. Россия вихревая и упористая, Россия – орда, Россия – разверзшая запруды.

Над площадью в мутной выси, над стальной паутиною проводов, над шабашной каруселью трамваев, над задушенным хохотом авто, бледным, как ущербная луна, полным, предвечным скифским лицом смотрят с высоты бетона и полированных изразцов бесстрастные и неуклонные, как само время, часы.

Смотрят на серую площадную накипь, в дугу пролома белой стены, – твердыни, стоявшей в минувшем против маханных мамаевых ратей и кованных региментов Зигмунда².

В вечернем месиве талого октябрьского снега, масляных пятен дуговых фонарей и мелькающих безликих фигур вынесло Шахова сквозь древний пролом вместе с подсолнечной шелухой, коробками «Явы», оборванной фразой и клубом бензинного перегара.

Желтое скифское лицо часов в упор глянуло на него немигающим оглядом, резко дернуло большой стрелкой, уставленной в черное, беременное звездами небо, и пробило:

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.

Сзади из пролома, от зажатой наглыми раздутыми чревами домов часоленки ответил высокий, словно детский, словно неживой перезвон.

Шахов повернул направо и пошел вдоль ряда приросших грибами к стене освещенных будок.

Лица апельсинов и апельсины лиц высились над прилавками. Стекланные трубки с красною, синюю, желтою, оранжевой жидкостью блестили никелированной оправой, как иглистые присоски притаившихся за прилавками неживых, но движущихся чудовищ. Между будками зияли черной пустотой провалы туда, в темное нутро города, откуда тянуло плесенью и прокисшей мочой.

– Ваше благородие, помогите пострадавшему под Праснышем...³

Откуда этот голос? Шахов остановился и оглянулся по сторонам. Мимо, просе-

кая завесу мокрого снега, плескались все те же безликие темные волны воротников, кепок, горжеток, шляп с обмокшими лучами перьев, хвосты лошадей бились об оглобли, и шлепала по лужам резина галош.

– Сегодня в Камерном «Желтая кофта»...⁴

– Это не может так длиться, Керенский обязан...

Облако модных, щекочущих горло духов скользнуло по лицу Шахова.

– Я буду ждать, в кафе «Бом»⁵. Одиннадцать.

– Ваше благородие, помогите...

Из темного провала, вместе с запахом мочи и гнили, к ногам Шахова полз огромный паук, тяжело цепляясь вытянутыми щупальцами за мокрую слизь тротуара.

– Пострадавшему под Праснышем...

И вдруг колесики.

Самые простые маленькие деревянные колесики, как у детских тачек. Четыре колесика под тяжелым обмокшим телом паука.

– Пострадавшему под Праснышем...

Из-под ратничьего креста⁶ на обмякшей замызганной фуражке на Шахова глянули два невидящих белесых глаза, немигающих, как тот одинокий, наверху.

Шахов смял новенький глянцевиный на ощупь полтинник и наклонился.

Паук, медленно упираясь щупальцами в лужу, пятился в черную дыру между будками.

– «Последние Новости»! «Вечернее Время»! Союзники прорвали железную линию Гинденбурга!⁷ Германцы несут огромные потери!

Взвивался колкий голос газетчика, сплетался со звонком трамвая и утопал в шуме улиц.

В широких витринах, тускло освещенных дежурными лампочками, мертвыми окаменелыми скелетами мерещились марева непонятных машин.

Улица, раньше причесанная и деловитая, щеголеватая галстуками розовых клерков за гробсбухами своих солидных контор, теперь распояскою хлестала полами распахнутой, пропахшей махоркой шинели по матовому золоту вывесок, мрамору элегантных подъездов, глянцевым изразцам облицовки.

Шахов вглядывался в неподвижные дуги маховиков, черневшие за лучистыми трещинами пробитых пулями стекол, наскоро заклеенных полосками бумаги, и по привычке искал знакомые серые пиджачки англазированных ловких и любезных молодых людей.

Там было пусто.

За стеклами торчали только омертвелые остовы, стальные и медные круги, поршни, шатуны, колеса...

От сбившейся у фонаря кучки откололась фигура и, захлебываясь, лая и не до-сказывая слов, зашлепала ими по Шахову.

– Да как же это так? Ведь человек же? Своим судом, самоуправно? Да как же так?

Лицо его недоумевающее просило ответа от Шахова, от фонаря, от талого снега и бьющихся у стен лоскутков бумаги, просило круглыми непонимающими глазами и отпадающей челюстью.

– Прямо в кармане руку поймал. Конечно, крикнул. Конечно, по морде, а тут набежали, кто чем, ну, конечно, покончили.

– Будет знать, как в карман лазить!

– За такие-то дела миловать нечего! Этак совсем житья не будет.

– Да ведь человек же? Разве можно без суда, – надрывался лающий голос: – Азия! Скифы! Шемякин суд!

Медленно, не торопясь, зная, что все уж покончено, вдоль трамвайных рельс приближался милиционер.

Толпа таяла, пряча лица в мути улицы. Шахов подошел к бесформенной куче тряпья, из-под которой текло что-то темное. Милиционер потянул за торчавший обрывок материи, оборвал и остановил извозчика.

– Помогите завалить, товарищ капитан. За сегодняшний месяц восьмого на этом посту. Озверел народ. Ни с чем не считается.

Шахов ощупал бесформенную грудь раздробленного, измочаленного тела и не находил, за что схватиться.

– Под низ, под низ захватывайте, и прямо на пролетку валите. Каша, а не человек, черт бы его побрал!

Что-то липкое поднималось к горлу и гнусно просачивалось в высохший рот.

Тошнило.

Извозчик шлепнул мокрыми вожжами, злобно и похабно выругал свой груз.

Звения и гремя, облепленный черным виноградом тел, прошел освещенный, прозрачный, как призрак, трамвай.

– Жулик?

– А кто же их разберет. Один крикнет, а вся улица налетает.

С неба падали теплые снежинки и каплями висли на проводах – мертвых нитях, связывающих миллионы живых людей в один тесный клокочущий клубок. В маленькой церкви, зажатой разжиревшими домами, догорал восковой огарок, в пекарнях не хватало муки, от фронта отваливали набитые плотным войлоком тел, вшей, шинелей и пота теплушки, на зеленой озими рождались новые слова, бабка Лутониha билась в кликушеском припадке на клиросе церкви села Камениц⁸, а в мирской избе приехавший с фронта солдат, пьяный новой великой верой, рожденной на осенних зеленях, путаясь в незнакомых звуках и лоя пальцем ускользящую строчку, читал «Окопную правду»...⁹

Шахов вошел в подъезд, поднялся по лифту и позвонил. В передней пахло открытым сундуком, нафталином, духами и висели пальто и шинели.

II.

За тяжелой, лениво повисшей портьерой, в манерном, пропитанном духами «Коти» и строфами Северянина сумраке палевого абажура, обложив бескостное тесто тела бордюром разноцветных подушек, расплывалась Антонина Михайловна.

В подушках морда Курда – кота, в кресле летчик – Тим.

Антонина Михайловна вся – липовый цвет и сотовый мед.

Антонина Михайловна – земля черная и жирная, Тульская, Рязанская, Тамбовская.

На столике, под лампой, мандарины, коньяк, Альфред де Мюссе в тигровом переплете.

Мюссе чистый, нечитанный. Так и останется. А под подушками – «Новейший разгадыватель снов Соломон, известной предсказательницы девицы Ленорман».

«Арбуз видеть – приятная неожиданность вскорости».

По столу – розовые от губной помады окурки, зубочистка с налипшими кристаллами белого порошка.

Антонина Михайловна от липовых аллей, яблоневого цветения, белых колонн по фронтону, банного кваса и земли черной, пахучей, Тульской, Рязанской, Тамбовской, сквозь площади автомобильным рывком кинута. Мальчик в курточке с золотыми пуговицами втянул в клетке лифта на шестой этаж и втиснул в пеструю пену диванных подушек.

Скулы татарские, рязанскую курносину пудра Коти запорошила, ноги из стоптанных шлепанцев сжали ботинки «Nanan».

Род от князей Касимовских – по мужу Рабинович.

Тим говорит: «Антонина Михайловна – желтая купава речная, что в запрудах у мельниц цветет: венчик золотой на серебряном блюде затона, а ноги в вязкой тине запутаны».

Тим стихи пишет. Владимир с мечами¹⁰ и половина лица коричневая от ожогов в воздушном бою.

В углу, в темноте – Мильк, художник, в кубах и ромбах нашедший Христа. Семья еврейская, прокляли и выгнали.

Мильк из темноты тихо, словно сказку детям, рассказывает:

– Блаженны алчущие, блаженны миротворцы, блаженны нищие духом. Понимала Русь не по-книжному, не буквенно, не догмой – сердцем. Понимала, верила и жила. И будет жить, и будет светить народам пасхальной жертвенной лампадой. Страданиями очистишься. Кровью омытые, теперь опалимся огнем на жертвеннике. Как агнец.

У Тима коричневая половина кривится. Не разобрать по темной коже, улыбкою ли, брезгливостью ли или еще чем.

– Агнец-то вшивый. Не такими на жертвенник ложатся. «Блаженны миротворцы». Сердцем поняли, а вот не сегодня, так завтра, не завтра, так через неделю миротворцы и агнцы запалят очередями друг другу в лоб.

– И ничего-то не будет, и никакие агнцы в лоб стрелять не будут. Тим нехороший, дразнит вас... Идите сюда... Мы с Курдом вам лапку дадим. Правда, Курд?

Свет у Антонины Михайловны палевый. Голос палевый и слова палевые.

Мильк кошачью лапку гладит, настоящую, без Коти и Мюссе, палевую, как закатное солнце в полынных рубежах, и ласковое, и жалкое.

Тим – летчик. Тим верный, точный до винтика, как мотор.

– А если будут? Что же тогда? Художник Мильк Борис, до крещения Борух Мильк, свенцянского кантора¹¹ сын, винтовку возьмет за Христа, за Русь трехперстную, за

малиновый звон Ивана Великого – и саратовского мужика пулею в лоб? Да? Чтоб понимали миротворца? Да? Так, что ли, Мильк?

Милька из палевой ласковости стальным дождем.

Шахов – Тиму:

– А вы?

– Что я?

– А вот, когда палить начнут, когда это завтра, это через неделю настанет, вы как? В трехперстную или за трехперстную?

– Я? – И опять поморщилась коричневая обожженная кожа, – я? Я – промолчу.

– Нейтралитет? Аполитичность?

– Нейтралитет – да. Аполитичность – чушь. Есть желудок – есть политика. Сыт – молчу. Голоден – стреляю в сытого. Пусть Мильки Христа поняли, а Сидоры Голодаевы в деревне Гореловке поняли, что с осминника¹² семью не прокормишь, что винтовка в любую цель бьет, и я это знаю и целью быть не хочу.

– Значит?

– Значит, ротмистр, на Воздвиженку¹³ нам с вами не по пути, на одном извозчике не доедем. Идемте, Мильк, со мной спокойнее. До свидания.

Слышно было, как в передней Мильк долго возился с галошами и гремела цепочка двери.

Шахов налил коньяку и спрятал глаза в жидкий янтарь.

– Значит, правда, Алеша? Значит, будет?

– Не знаю. Может быть, будет. Но не верится. И буду ли там, не знаю. Потому что, чтобы идти стрелять здесь, в Москве, надо знать твердо и ясно, в кого и за что, твердо и ясно – как молитву.

Антонина Михайловна достала желтую темную баночку из груды подушек, зацепила зубочисткой, втянула в нос и быстро, словно о другом, о чужом, заговорила:

– Знаешь, я утром письмо получила от няньки из имения. Все разграбили. Скотину, мебель, ну, словом, все. Пусто. Даже собаки убежали из усадьбы. А мне вот не жалко. Ну, нистолички. Знаешь, точно так и надо. Вот я лежала и думала: там все пусто. Ничего нет. И нас нет, а мы были там, а здесь мы ненастоящие, неживые. Жили там. Понимаешь? А теперь ни скотины, ни мебели, ни нас нет. Совсем. Нигде.

Шахов выпил еще коньяку, и от обожженного твердым, колким глотком горла побежала струя горячей сильной жизни. Свилась в клубок у виска там, где трепещет маленькая синяя жилка.

– Глупости, ничего этого нет. Мы живем и должны жить. Мы не пустота, мы не ничто, не смерть...

– Нет, Алешенька, знаешь, в лесах бабье лето бывает. Как будто бы тепло, и как будто бы все стеклянное такое, хрупкое. И в этом смерть. Листья еще растут, даже цветочки синенькие зацветают... Только все это не радует, не живет.

– Это страшнее смерти, – поморщился плечом Шахов.

Антонина Михайловна вся от садов яблоневых, поклонов земных, банного вздоха, и не страшно ей. Затеplit Спасу лампадку, зевнет и преставится.

– Алешенька, миленький, иди сюда, расскажу тебе. Совсем не страшное. Надо

так. Может быть грустно немножечко, и сладко. Вроде кутьи¹⁴. Плачут и едят.

На входной двери резко и повелительно перевернулся язычок колокольчика.

Раз и два.

Было слышно, как кто-то лязгал стальной цепочкой.

Шахов смотрел на запруженный подушками разлив широкого тела, на татарские скулы и мощную, как весенняя, масляная талая земля, грудь, вспоминал и не мог вспомнить что-то, укрытое в веках, замкнутое сталью и бетоном, ясное, но забытое. То, что было.

Темная ленивая занавесь двери тихо, не раскрываясь, пропустила в палевый сумрак чуждого лампы, Мюссе и Мильковым ромбам над диваном маленького черного монаха.

III.

– Во имя Отца, Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков аминь.

– Во веки веков... – Слова каменные, вековечные, упористые, как кремлевские стены, выстоявшие ордынские напоры и литовские осады, тяжкие, как курганные надгробья ковыльей степи. Упали литые, чугунные, как звон Страстной Седмицы, звоны торжествующего страдания, смертной страсти, скитские, постные, уставные.

Антонина Михайловна выскочила из дивана и, разом став чуждой и ему, и зелени, лазури и киновари ширазского ковра, и головастому маорийскому идольчику, сгорбившись в покаянном смирении и крестясь мелкой быстрой замашкой, пошла к монаху.

– Благословите, батюшка.

– Благословенна будь, во имя Отца, Сына и Св. Духа...

И снова вековечные, замшалые беломорские валуны прокатились, прогрохотали по полу, сокрушительные и мощные, как двинской ледоход.

– Ныне и присно и во веки веков... – И бороденкой на Шахова: – Гордитесь? Честь офицерская перед носителем слова Божьего склониться мешает?

Два колких, нутренных, больше волчьих, чем человеческих, глаза уперлись в переносицу Шахова, вгрызлись в сердце, мертвую зубастую хваткою схватили и властно потянули его сквозь проломы обросших сивыми сединами стен, по липкой от сукровицы соломе застенков, жарко топленным теремам, дымным курным избам в черную яму веков каменной Чуди, волховских кудесных костров и медвежьих валежных троп.

И не стало больше Алексея Шахова, ротмистра кавалерии и кандидата прав, из окопов в Москву эвакуированного, с нутром, отданным Бергсону¹⁵, душу, портному, газетам, парикмахеру, бегам – днем и вечерам Кусевицкого¹⁶, Таирова, Маяковского. Не во френче, а в шкуре звериной, у шаманских костров продымленной, коряжистый немый мечерин, павший под ударом креста иноков новгородских.

Руки по-детски сложились в горсточку, и Шахов наклонился перед монахом.

Снова: – Во имя Отца, и Сына...

А потом тихо, уютно, по домашнему, по-самоварному:

– Аврааимем зовут меня. Инок смиренный Соловецкой святой обители.

Прошел под лампу и около стола уселся.

Маленький, лицо словно топором из дубовой коряги вырублено, из-под скуфейки драный войлок лохм треплется.

Сел. По углам осмотрелся. На стене возрожденную Галатею голую заметил, вздохнул, плюнул на ковер:

– Бесстыдство блудное.

Голосом тихим, ладановым заговорил, нараспев, словно стих слепцов придорожных.

– На построение храма великого, вселенского собираю. Христа ради.

Антонина Михайловна метнулась к письменному столу и, достав из ящика несколько похожих на бутылочные этикетки кредиток, неловко сунула их в колени монаха.

Не торопясь, сложил их Авраамий, медленно поравнял, перегнул и, достав из-за пазухи засаленного подрясничка обвязанный красненьким шнурком кожаный кошелек, развязал, спрятал кредитки и, снова завязав, положил за пазуху.

– На построение храма великого, вселенского. Отцу Паисию, мужу благочестивому, жизни святой, подобный звону пречистому пасхальному голос был слышен повествующий: «Иди ты, Паисий, в дебря Анзерскую¹⁷ и разыщи среди трех озер келью сокровенную неведомого пустынного старца Варсонофия, полста лет в той дебре безвестно укрытого, от него получишь великое откровение и слово Бога Живого». Исповедался Паисий и, ночь перебив в непрестанной молитве в преславном соборе Преображенском¹⁸, отбыл на Троицын день в дебря Анзерскую. А в ту дебря прийдя, узрел еленя¹⁹ кроткого, и по следу его путь к сокровенной келье обрел, и тамо древнему старцу веление чудесное поведал. А поведав, со старцем в посте и молитве три дня и три ночи неустанно пребывал. На исходе же ночи третьей узрели Паисий и Варсонофий в келье некий свет надземный и трех мужей склоненных, слезно рыдающих, и были те мужи: св. Филипп – митрополит царства Московского, нечестивым Малютою удушенный, Никон патриарх и келарь Палицын Авраамий...²⁰

Монах остановился, прикрыл глаза каменными ресницами и снова поднял их уже над пылающими лесным пожарищем зеницами, вскочил и, поднявши обе руки, словно бесов заклиная, торжествующе возгласил:

– Все трое – иноки наши соловецкие, нашей земли полунощной трудники, наших лесов кондовых молчальники, наших преславных соборов молитвенники, наши, наши, наши...

– И дерзнул допросить Паисий, – ушел в шепот голос монаха, – дерзнул допросить Паисий наипаче светлейшего из них – Филиппа мученика: «Почто рыдаете, заступники, почто убиваетесь?»

И отвечивал святитель:

– Мать наша на одре, преставляется Русь Господняя, святая, кончается третий Рим одолением ворогов и супостатов... – И возрыдали старец и Паисий и восплакали скорбно:

– Божье наказание.

– Не от Господа сие, а от врага человеческого. И повелевает Бог, разумеете язы-

ци, – грохнуло ледниковым валуном, – повелевает Бог инокам соловецким, как во времена древние, Богу живому и Руси святой послужить. Стройте вселенский храм Руси во славу Господню, и врата адовы не одолеют его. Крепите Русь, истовую, иноки соловецкие, строители чудесные, да будут вам камнями души человеческие.

– Так повелели мужи явленные. «Наидити Паисий трех иноков, жен не касавшихся от рождения, вина и пива не вкушавших, табачным зелием не продымленных, именами Филипп, Никон и Авраамий, и пошли их в град Москву заложить камни краеугольные того храма вселенского, Руси православной, третьего Рима предвечного. И, вот, я, смиренный Авраамий, по слову Паисия, велением Господним ныне кладу камни храма того, и врата адовы не одолеют его.

Не монашек маленький с замшалою бороденкой – из предвечной тьмы пророк громов Синайских восстал перед Шаховым, носитель воли Господней, повелевающий человекам.

– Крест нерукотворенный, кровью Агнца окропленный, стяг наш в борьбе с силами адовыми! Сим победиши²¹! Разумейте языци и покоряйтесь! Се аз кладу душу твою камнем в храмину Господню.

Последние слова истошным, надрывным воплем выскочили из бороденки.

Обмяк, опустился инок, и нет уже пророка, а лишь монашек белесый в рясе истертой красным дырявым платком пот из-под скуфейки отирает, лицо каменное серым стало. Только в глазах еще волчья несуть горит.

С черного древлего образа, из-за смертной дрожи лампадного языка жгли и теплили такие же глаза осиянного, пурпурно-крылого Предтечи²².

– Не мир, но меч²³, – загорелось пламенным плакатом в мозгу Шахова, и, словно угадав его мысли, инок облегченно, будто поднявшись на высокую гору и опустив наземь тяжкую крестную ношу, промолвил:

– Не мир, но меч, – и добавил простительно и ласково:

– Идем.

– Куда? – спросил Шахов.

– К знамени... Сим победиши... Хоругви пламенной Константиновой... Воинству архистратигову, – в полузабытии лепетал Авраамий. – Победоносец на белом коне ссечет главу змиеву, и взойдет крест с востока и преклонятся ему народы мира сего...

– Юродствует, – подумал Шахов, – кликуша... – И жгучий, сверлящий животный стыд и брезгливость потрясли его тело.

– Идем, ну! – грубо тряхнул он за плечо монаха. – Сейчас же, идем!

Бледный, с дрожащей челюстью, быстро шагнул к выходу.

Монашек покорно поднялся, поклонившись в пояс Антонине Михайловне, три раза медленно, задерживая руку на лбу, перекрестился на икону и мелкими шажками заторопился за Шаховым.

На темной, мерцающей приглушенными фонарями улице было странно пустынно. Бродили настороженные тревожные кучи распоясанных солдат, заряженных черным порохом мятежа. Сквозь стекла сведенных судорогой страха дверей, заваленных кучами кухонных столов, японских ширм, ковров и подушек, выглядывали бледные, истертые страхом бессонного ожидания тарелки лиц.

Шахов остановил бегущего от пустоты извозчика и стал перед пролеткой, не находя слов адреса.

Откуда то брызнули сухие торопливые щелчки винтовок.

– Воздвиженка. Александровское училище, – быстро и как будто неожиданно для себя сказал он и опустил на сиденье.

Там уже сидел маленький черный монашек.

IV.

Ярая октябрьская озимь буйными разинскими всходами залила вспаханные свинцом и сталью пашни, пары, степи и деляны, и вековую устоялую, хмельную, как густая брага, черную целину.

Шел год из одной сплошной весны.

Хороводы мартовских буранов метали и гнали зиму посвистами и гиками, взбрасывая снеговые взметы к опустелому, изробевшемуся небу.

В буранном смятении дрожали рассыпчатым трусом колокольни и колоколенки городов, городков, городишек, сел и станиц, и один неведомый дотоле колокол, повисший пламенной крышей над всей Россией, бил стальным языком в набатное чрево.

– ...Вставай, проклятьем клейменный...

От Москвы, от принявшего новое слово, новую песню, новую веру Кремля, от Руси еловой, ржаной, снежной, златокупольной искалеченный паровоз, запыхавшийся в харкотне черного дыма, подолгу отдыхая и отплевываясь на каждой станции, перетащил Шахова и Авраамия вместе с мешками, бабами, семечками, частушками и обожженными, истрелянными шинелями в казацкое раздолье ковыльих степей, сбросив во взбудораженном наплывом чужих людей, нервном, крикливом, жестикулирующем городе с белыми и рыхлыми, как груди кормилиц, подушками хлебов.

Город, впитавший греческой губкой своих бирж и базаров жижу чужих, ненужных ему мыслей и тел, вывески банков и фабрик, обложки журналов, столбцы газет умирающей зимней России, разбрызгивал каскады хлестких, злых и оскорбительных слов, кричал миру мачтами своих радио, укоряя, призывая... Обвинял, приказывал, умолял, смотря собачьими жалостными глазами на солдатскую шинель и белый георгиевский крестик маленького генерала с киргизскими скулами и раскосыми глазами²⁴.

А черным, усталым льдиною мглою февральского тумана, приглушенным вечером, смутным следом шли Шахов и Авраамий с толпою таких же растерявших лица за испуганным в стальном закале долга маленьким генералом.

Метались волчьими тропами по ровным степям Кубани и Дона, замкнутые кольцами грозных, бессонных броневиков, отсекавших стеной степной остров от вздыбленного моря.

Поняли верные текинцы генерала²⁵, острым кочевым чутьем чуяли.

– Нельзя, бояр, не можем, одни мы. Вся Россия – большевик.

Но не понял кремневый генерал, не понял и, не понявши, лежал на черной по-

ходной бурке, уставив в прозревшее мартовское небо остановившиеся раскосые глаза.

Задыхающийся паровоз снова потащил Шахова и Авраамия сквозь чуждые повелительные окрики завоевателей, сквозь примкнутые плоские ножи штыков тяжелых машинных пришельцев.

Жаркое солнечное лето палило их белой пылью кудрявого садами и крестами древних соборов русского города, потерявшего душу под глянцем иноземных слов.

С толпами других, исхлестанных паровозными гудками беглецов, Шахов менял значки на смятой, пропахшей сбродом вокзалов фуражке, слушал уродливые выкрики чужеземных команд, мял в руках кратковременные деньги кратковременных правительств и, наконец, стал с винтовкой на посту под выкопанным из мусора трехцветным флагом у семафорной будки, заваленной ворохами свекловицы и кукурузы, на белой степной станции, стал у наскоро сколоченного шлагбаума, где по другой стороне ходил с такою же винтовкой усатый трактирный хорист, обряженный в синюю свитку и барашковую шапку с болтающимся, обмусленным галунами, цветным лоскутом.

А сверху, с балкона семафорной будки, скалила белые зубы продающим молоко молдаванкам черная рожа сенегальского стрелка²⁶.

«Единая, Великая, Неделимая Россия»²⁷ зацепилась подолом, смятым, изнасилованным жадными похотливыми руками тысяч солдат немецких, французских, английских, греческих, польских, сербских, канадских. Сотни раз проданная и купленная за пачку сальных липких фунтов, франков, марок, лей, фальшивых и настоящих, в потных, перетянутых перстнями руках кофеен Фанкони и Рабина²⁸. Зацепилась за узкую полоску приморских бульваров, вилл и складов от Молдаванки до Фонтанов, глубиною в семь точных рельсовых верст, в четыре раза меньшею, чем расстояние, на которое бросали снаряды укутанные брезентом от морских туманов пушки серых молчаливых английских и французских крейсеров на Одесском рейде.

В цирке одетый в трехцветный шутовской костюм клоун Стани с греческим, чмокающим, как маслина, акцентом пел на мотив «Яблочка»:

Ах, Русь ты моя,
Русь единая,
Единая –
Неделимая.
Из хохлов стремясь
Скорить нацию,
Пан Павло творит Федерацию.
Атаман Краснов ему вторит в тон:
Гей, ты тихий Дон,
Мой великий Дон.
А Кубань журчит
Водам Терека:
Я республика,
Как Америка.

И эс-эр в Уфе
Речью пылкою
Возрождает Русь
Учредилкою²⁹.

Амфитеатр москвичей и петербуржцев, таскавших жирные зельцы и вурсты³⁰ из немецких колоний в клоповые номера подозрительных гостиниц Канатной и Садовой и груды липовых и воздушных паспортов и удостоверений во все городские участки, хлобыстал судорожным смехом. Ночью Стани выдрали шомполами в контрразведке, а наутро и Молдаванка и Французский бульвар распевали дописанную за ночь песню.

А в Одессе мы
Вроде узников,
Все надеемся
На союзников.
Господин Энно!³¹
Господин Энно!
А тому плевать
И смотреть смешно...

За песню арестовывали, держали в пустых винных подвалах, занятых контрразведкой, били в котлету шомполами и рукоятками наганов, но песня перекинулась в теплушки разорванных пограничными кордонами поездов, пароходные трюмы и ползла по югу под расплескивающийся, неудержимый, истерический хохот, а навстречу ей, во вшивых пазухах над пустыми изголодавшимися животами, неслись иные песни и иные слова, зарожденные буйным разгулом ржаной яри, дерзко прыгали с фабричных дворов в рыбацкие лодки и сверлили стальную броню крейсеров на рейде.

В липком, замазанном кремовой начинкой кафе Рабина пронырливые фигуры с лицами черными, курчавыми и блестящими, как бутерброды с икрой, мазали коричневыми маслинами глаз каждые женские бедра беспокойных, нервничающих москвичек и плотным кольцом слипались вокруг беглых королей биржи, индустрии, мануфактуры.

- Предлагаются паи Санюшинской мануфактуры...
- 4000 десятин в Тамбовской губернии. Два винокуренных завода, образцовая сыроварня, заливные луга...
- Леса на Унже...
- Где?
- На Унже, а впрочем, может быть, вы интересуетесь урановой рудой. Я имею при себе утвержденные планы.
- Ищу чеки на Лондон, Ливерпуль, Манчестер...

Веские, как товарные кипы, имена, отклеенные от катушек, папиросных коробок, книжных витрин, вывесок Ильинки, геральдических альманахов, карамельных бумажек, прилипали к указательным пальцам с бирюзовыми перстнями и жирною грязью под ногтем.

– Графиню? Вы хотите непременно графиню? Здесь есть одна баронесса...

Торговали всем, дерзко и уверенно, зная наперед, что на все есть цена; и цена сходная.

Шахов смотрел на маленьких, веселых, как обезьянки, итальянских матросов, высокомерных, выбритых и отутюженных британских моряков, греческих солдат в опереточных ночных туфлях и белых чулках, откинутые головы польских легионеров, читал звучащие французским средневековым названия улиц, и жуткой кровавой насмешкой, ремненным кнутом Бирона³² хлестали по его лицу расклеенные на всех углах слова о единой, великой России за элегантную подписью французского командующего.

– Спасители, спасители наши, – шептали рядом губы монаха, – светом святой горы Афонской осиянные. И поклонятся народы третьему Риму и восхвалят его!

На север по улицам ползли, сотрясая стекла домов, грузные неповоротливые танки, похожие на огромных брюхатых насекомых, и из их раздутых чрев сквозь открытые иллюминаторы смотрели нерусские, лакированные лица.

Женщины с тротуаров махали платками и угодливо, заискивающе улыбались, готовясь отдать себя этим людям из стальных коробок, отдать, как плату за сахар, зельц и эклеры.

И те, в иллюминаторных, видели эту угодливую, изголодавшуюся, кошачью похоть и снисходительно покрикивали циничные комплименты, мешая исковерканную русскую похабщину с певучими чужеземными словами.

– Руски б.... Воп...³³ Воп... каряшо.

– Катиннька! Катиннька! Embrasse moi, ma petite!³⁴

Слюнявые обезьяньи улыбки и международный понятный циничный жест.

– Возрождение национальных сил по рецепту его превосходительства генерала французской республики Франше Д'Эспере³⁵, – прохрипел кто-то над ухом Шахова, и, оглянувшись, он почти натолкнулся на жирный масляный блин лица известного всей России музыкального критика.

– На мощь западных цивилизаторов любуетесь, – хрипел блин, дыша винным перегаром. – Несокруσιμο! Пирамидально! Немцев побили, где же нашим-то лапотникам тягаться... А вот, попомните-ка мое слово: через месяц от всей этой штиблетной сволочи ни одного здесь не останется...

– Баба с ухватом выгонит или в шкловской синагоге³⁶ новый Наполеон родится?

– Не нужно нам Наполеона. Мужичок поднапрет с дубинушкой и всех вас вместе с вашими танками и сенегальцами в море скинет... В Москву собрались. А сколько до Москвы переходов осталось? Корниловских – восемнадцать, – кривляясь передразнил он ходкую фразу популярного генерала: – Высчитали! Нет, уж я лучше через недельку поездом, в телятничке.

– По Морозихе, что ли, соскучились? Скатертью дорога. Что ж, латышскую да китайскую музыку изучите.

Критик покосился на трехцветный шеврон Шахова.

– Вам не втолкуешь. Обязывает, – он ткнул в шеврон. – А вы лучше на море посмотрите.

Шахов оглянулся на порт и увидел серое чудовище французского броненосца, уходящее в розовую зорю вечернего моря. Броненосец бросал на город черные дымные угрозы, а от вершины мачты до кормы цвела и рдела дерзким криком мятежа гирлянда красных флагов³⁷.

На глубоко ушедшем в розоватый жемчуг английском дредноуте разводили пары.

V.

– Приказываю вам немедленно же вернуться в ариергард и присоединиться к отряду.

Молодой, вызолоченный южным солнцем генерал³⁸, имя которого еще три дня назад выкрикивали продавцы одесских вечерних газет, злобно дернул поводья германского мундштука³⁹.

– Слышите, я, командующий армией, приказываю!

Никто не шевельнулся. Давно не бритый капитан с невыспавшимся крысиным лицом злобно ощипывал гуся с торчащим из белой пены перьев черно-красным обрубок шеи. Человек двенадцать офицеров сидело и лежало на песке вокруг костра с укрепленным над ним черным полушарием чугуна.

– Вы офицеры или... сволочь? – с ярко проступившим польским акцентом взвизгнул генерал.

Розовый, пушистый, как молодой утенок, прапорщик откинулся спиной на песок и, бессильно махая руками и давясь клубками желудочного, голодного хохота, выкрикнул высоким фальцетом:

– Не знаю... А вы как думаете?

И вдруг все двенадцать человек, даже щипавший гусиное крыло капитан, закорчились в судорогах неудержимого, рвущего грудь и живот, истощного хохота. Люди катались по песку, раскидывая дергающимися в судорогах ногами угли костра, впивались в песок сведенными грязными пальцами, хохотали, хохотали, блюя смехом и слюною, задыхаясь от рвоты, размазывая по невымытым серым лицам слезы из налившихся кровью глаз, выли, визжали, плакали...

Кровавая кобыла генерала шарахнулась от взрыва непонятных и странных ей звуков и, сделав лансаду, понесла его по белой ленте шоссе.

Шелковистая шаль лимана мягко стлалась на песчаную кайму, там, за нею – Румыния – заграница – чуждая, нерусская земля.

Там – тусклая безбольность отрешения.

Здесь – последняя пядь, последний лоскут изорванного, истоптанного, оплеванного знамени.

Здесь – лицо, имя, жизнь, корни.

Там – безликая маска, номер, перекасти-поле.

Через лиман – скользкая колеблющаяся лента понтонного моста.

У моста – сенегалец в синей шинели с заткнутыми за пояс полами. Такой же, точно такой же, как на картинках иллюстрированных журналов.

Офицер в русских погонах и с жидким польским «ожелком»⁴⁰ на фуражке ведет в поводу храпящую, косящую глазом лошадь.

– Je suis lancier polonais. J'é ne suis pas russe, mon régiment est la⁴¹. Не русский, нет, польский улан, видишь, сволочь черномазая...

Офицер снимает фуражку и тычет пальцем в «ожелка».

– L'aigle polonais...⁴² «ожелек»... сволочь...

Сенегалец, делая свирепое лицо, топает ногами, видимо кому-то подражая, кричит что-то непонятное, из чего остро торчит несколько раз повторенное слово sarogal⁴³, и упирает плоский короткий штык в грудь офицера.

«Капораль» господина сенегальца должен быть богом для этой толпы, которой сенегальцы дарят сухие, как известь, галеты и черный алжирский табак.

Офицер матерно ругается и уходит, круто и злобно завернув лошадь.

– Сволочи, жена на той стороне, а меня не пропускают. Где я теперь ее искать буду?

– Приказание коменданта: сначала французы, потом греки и сербы, после всех мы.

– Сволочь!

На мосту, захлебываясь, прерывисто визжат мулы, тархтят синие обозные тележки и нестройно толпятся серо-голубые мешковатые шинели.

– Удержите! Удержите его! Это сумасшедший!

Топают ноги, взвивая песчаную поземку, проносится перекошенное страхом всклоченное лицо над серой шинелью. Шлепает револьверный выстрел. Кого-то хватают за руки.

– Мерзавец! Оскорблять армию, оскорблять офицерство... Лекаришка паскудный! Я не позволю! Пустите! Пустите! Сволочи!

Описав дугу, на песок шлепается черный уродливый пистолет.

Детским плачем заливаются мулы.

– Rien, diable m'emporte⁴⁴, – визжит француз в круглой коробочке-кепи с двумя галунами. Трое других в синих детских беретах толкают в разные стороны сцепившиеся колесами двуколки.

От моста вверх по лиману берег засыпан кучами серых шинелей, валяющихся на пушистом желтом песке. У самой воды табунчик усталых, заскучавших жеребят-годовиков. Польский помещик в зеленой венгерке блестит серебром волны породистых подусников и выкаченными стеклянными глазами.

Польский майор в серой нелепой конфедератке ласково и льстиво гладит погон русского поручика.

– На что пану поручнику такая лошадь? На пароход не возьмут, так не лучше ли деньги?

– Двадцать тысяч франков, – с усталым упрямством твердит поручик, сводя сонные глаза на дыре в коленке красных штанов, – двадцать тысяч франков и ни копейки меньше. Лазаревский завод от «Флореала». «Франция», трехлетка.

– Двадцать тысяч франков, – смеется мелким смешком поляк, – хорошо, верю вам, от «Флореала». Так, ведь, без аттестата. Две тысячи. Идет? Ведь сам поручик ни копейки не заплатил... – еще мельче смеясь, пригибается к уху майор.

– Русских пустили!

Серые шинели, медленно копошась в песке, встают, тащат, словно вырывая каждый шаг, тяжелые ноги, сбиваются в густой войлок там, у места, где кричит теперь, надрываясь, сам капораль, и вдруг, прорвав невидимую преграду, заливают серым медленным потоком желтую ленту моста.

Капораль еще кричит, а на другой стороне растянутый в цепочку взвод пообвешенных шнурками аксельбантов румынских жандармов сбивает толпу с шоссе и вправляет ее в аллею душистых акаций, в сторону, где над белой фижмой цветущих черешен золотится маленький крестик.

У церкви аллея кончается, и другой взвод нафабранных усатых и носатых людей, жестикулируя, машет на ворота обтянутого колючей проволокой кладбища. Рядом с ним также опутанная проволокой школа и маленький домик.

Сзади, за лиманом, замкнутые французским капралом двери России.

Впереди, прямо в глаза колят палевые перья заходящего солнца.

Румыния. Romania Mari. Великая Румыния.

Пахнет акациями и черешнями.

Вечереет.

VI.

Синей стеклянной ночью, напитанной белым густым и сладким дурманом акаций, ночью зазывной и тоскующей, словно жаждущей любовника в душной темноте покоев, Шахов и Авраамий сидели на камне под синей чашей теплого, пьяного звездным вином неба.

– В Соловках-то у нас теперь совсем ночи не бывает. Окунется солнце в студеное окиян-море⁴⁵ и сейчас же опять на небушко ползет. Птицы божьей – чайки белой налетело видимо-невидимо. Благословенная пташка. Под застрехами у нас птенцов выводят, ручные, будто куры. А дебрь вся птичьими голосами осанну творцу поет... Благодать. Прохлада. Покой. О жизни вечной колокола скитские повествуют. Березки – как невесты разумные, в ризы пресветлые облакаются. А в святую ночь пасхальную ударит торжественный колокол у собора Преображенского: «Христос Воскресе» и ответят скитские колокола с Живоносного⁴⁶, Валдая-скита⁴⁷, Савватиева⁴⁸, островов Заяцких⁴⁹ семь колокольников: «Во истину». Выйдут старцы пустыни из келий земляных сокровенных и облобызают землю и возвестят благу весть и зверю, и птице, и деревьям, и гадам ползучим. В ночь светлую сегодняшнюю на всех островах обитательских у всякой твари мир и ликование. Ни один зверь в эту ночь меньшого не обидит. Свято на островах обитательских.

Голос монаха стал тихим и ласковым, сплетаясь с кошачьими лапами ночи.

– И несется благовест торжественной обители Соловецкой через студеные моря, дремучие леса, болота топкие по всей земле Русской до самого Китежа-града. Услышат в Китеже благовест и ответствуют всеми колоколами своими: «Во истину». И бежит и расточается вся нечисть земная, хоронятся лешие в вертепы лесов Уренских, Унежских, Керженских, поныряют русалки в омуты Кеми, реки жемчужной... И ложится запрет им смущать человеков, и нету силы им до самой Пятидесятницы.

Из темноты огненной Жар-птицей взмыла в пьяное небо красная струя ракеты. Хлопнули выстрелы нескольких ружей, и, словно испуганная стая огненных птиц, рванулись вверх еще несколько ракет. Торопливым плещущим звоном суетливо побежало в темноту. Из церкви вывалилась черная густая толпа, держа над собою желтые венчики факелов, маслившие скользким светом полированную медь хоругвей и парчу облачений.

Христос аудмвпад-дин морцы,
Ку мортеа при морте келкынд.
Ши челордып мормептури
Виает дерцендули⁵⁰.

Веселым, легковесным, почти плясовым напевом пели женские молодые голоса.

Нездешними, словно покойники, белелись в огнях факелов саваны цветущих Адамовых деревьев⁵¹. Пьяная ночь лила сладкое вино засахаренных звезд и душистые бальзамы белой акации. За виноградниками, отсеченная линией сенегальских пикетов, напрягалась буйным весенним цветением ярая, вздыбленная напором соков, разопрелая в веселом певучем взмете Россия, скинувшая тесную сермягу в хмельной солнечной песне.

Лопались почки осин в кудрях Жигулевских лесов, одевалась клейкой листвою береза на старом Коломенском тракте, и выходили из черной ожившей земли Степановы вольные люди, стучала в сполошные била⁵² Емельянова голытьба, пели разливные безбрежные песни Кудеяровы косари...⁵³

– Сарынь на кичку!⁵⁴

Весеннею полной водою, разгульным разливом потекла Разинская песня по Волге, Дону, Днепру, Двине, по Яику и Каме.

– Сарынь на кичку!

Вплотную к лицу Шахова прижались горящие волчьей несытью глаза. Дрожала в ознобе мочальная бороденка, и корявые дубовые корневища пальцев сжимали его руки.

– Христос Воскресе, Алеша. По всему миру воскрес. По всей Руси Великой, Белой и Малой. Слышу торжественный звон соловецкий. Слышу колокола Китежские... Восстанет из глубли преображенный град, и возвестит инок осиянный: «Христос Воскресе».

Содрогнувшись затылком, Шахов выдернул руку из цепкой петли корневищ и с размаху ударил по каменному лицу.

– Врешь, стерва! Сдох твой Христос, провалился Китеж к ... матери! – Шахов метнулся в пахучую темноту, натолкнулся на проволочную сеть, упал на нее лицом, содрогаясь в хлюпающем собачьем лае, и бился, терзая лоб о стальные тернии колючей проволоки.

Качнувшись от удара, монашек перекрестился, стал на колени перед раскинувшим руки крестом и, уставив в звездное небо каменное лицо, запел пасхальный тропарь:

Христос воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ...

VII.

Похожий на старого жирного небритого грека, черный, давно не мытый и не крашеный угольщик с нежным именем «Виолетта» на борту, втягивал в себя по двум трапам серый канат людей с пристани маленького придунайского городка.

На набережной махали платками румынки с сочными, сладкими, как переспелые черешни, губами. Еврей-фактор⁵⁵ в засиженной мухами панаме оттянул за рукав распорядившегося погрузкой офицера и стал что-то оживленно шептать, указывая на сидящих на чемоданах господина в пенсне и драповом пальто и даму с чешуею браслетов.

Офицер кивнул головой, быстро сунул в карман широких галифе ловко переданную фактором пачку и кивнул драповому пальто. Тот быстро потащил чемодан и даму.

Капитан сверху прокричал в большую медную трубу, пароход рывкнул и, посапывая и фыркая, отвалил от пристани.

Наступая на торчащие ноги, кульки, узлы, Шахов пробирался к трюму. Из серой открытой двери пахло спрессованными телами и клозетом.

Около люка офицер раздавал толпившимся банки австралийских консервов, другой наливал в бутылки, кружки, жестянки темное алжирское вино из брюхатой бочки через тоненькую резиновую кишку. Кишка поминутно выскользывала из отверстия, вино разливалось по палубе красными зловецкими лужами. Офицер покачивался и, вставив кишку, насыщал ее толстыми губами, покрикивая:

– Еще кому? Подходи! Даровое-французское!

Сзади окликнули:

– Шахов!

Шахов обернулся, толкнув пожилую женщину, державшую за руку мальчика лет пяти.

– Осторожнее, ребенок!

Шахов зло посмотрел и, не извиняясь, запрыгал через узлы тел.

– Где ты скитаешься? Мы заняли кают-компанию. Все свои: Меллер, Ярополк-Свирский⁵⁶, Венгден, я, один член Думы и профессор Ставровский. Идем... Тебя пустим.

На круглом столе кают-компания стоял большой таз с тем же темным алжирским вином, сковорода поджаренных консервов и кружки.

Член Государственной Думы, макая в кружке большие запорожские усы и напирая на стол тяжелым животом, кричал холодному высушенному полковнику генерального штаба Ярополку-Свирскому:

– Нет, князь, успехом нашего оружия по всему фронту мы, несомненно, обязаны не превосходству командования, а все сильнее сказывающемуся прозрению народа. Народ увидел, – протянул он, вытянув жирный обрубок указательного пальца, – увидел, что его обманывают... Кто теперь в армии большевиков? Латыши и китайцы. И только... – протянул он.

Молоденький, розовый, как елочный херувим, Венгден обидчиво засопел носом.

– Разговорчики штатского. Точно на самом деле исход сражения решается в кабинетах, на основании пунктов таких-то, параграф такой-то.

Ярополк, не изменяя устало-брезгливого выражения лица, начал, ни к кому не обращаясь:

– Эта война не имеет законов, как не имеет прецедентов в военной истории. В ней стратегия – нуль, тактика – отрицательная единица. Разбитая сегодня армия может завтра грозно встать в тылу. Фактически фронта не существует, сражений нет, тыла тоже нет.

– Как же это? – изумился профессор.

– Есть одна огромная напряженная борьба. Она ведется не орудиями войны или, вернее, ведется всеми доступными человеку орудиями, ведется по всей территории, всем населением. Россия раскололась. И одна половина должна уничтожить другую.

– Заумно.

– Хатха-йога, – обрадовался сияющий Венгден.

– Те, кто взял Харьков и Орел, вряд ли так думали.

Шахов пил стакан за стаканом, и черное терпкое вино застилало глаза от блеска ликующего моря.

Вошло несколько офицеров, и бойкий молодцеватый прапорщик, взяв под козырек, обратился к Свирскому:

– Господа офицеры бригады генерала Тимановского просят разрешения исполнить гимн в виду Крымского берега.

Черное вино горячими злыми каплями просачивалось в мозг Шахова. Он тяжело уперся глазами в воротник офицера и, не разжимая зубов, выдавил:

– Дерьмо! Царя про...ли, а теперь гимны... Мальчишки!

– Виноват. Я, кажется, не вовремя, – пробормотал прапорщик и, пряча глаза, попятился к выходу.

– Эк тебя прорвало, – удивился Меллер, – черт с ними, пусть споют. Нам наплевать, а им удовольствие.

– Противно это, – отмахнулся Шахов, – война, позорная кошмарная война со своими, а тут игрушки, оперетта.

– Это вы большевиков-то своими считаете! – оторвался от французской газеты профессор.

Шахов посмотрел на самодовольные золотые очки, аккуратно подстриженную бородку, вспомнил, почему-то, толстую политическую экономию популярного профессора в синем изящном переплете и зачерпнул вина.

– Так-то лучше, – хлопнул по плечу Меллер, – эх...

Пей, друзья, покуда пьется!
Горе жизни забывай!
На Кавказе так ведется,
Пей, ума не пропивай⁵⁷.

На палубе инок Авраамий, поймав в уборной офицера, жившего в капитанской каюте, тихонько шепнул ему:

– Имею кое-что сообщить вам для блага родины.

Офицер провел его в каюту и предложил сесть.

– На пароходе имеются две подозрительные личности. Во-первых, поручик Мирошниченко, который вел в трюме разговор, высказываясь против Добровольческой армии, а во-вторых, определенно подозрителен...

Офицер слушал и записывал на блокноте.

Ночью, когда палуба храпела и почесывалась, беспокойно ворочаясь с боку на бок, из угольного люка на корме две темные фигуры вытащили мешок, тяжело подвалили его к борту и перебросили через перила. Вернулись к люку, вытащили второй и тоже кинули за борт.

– Упорный черт, – произнес голос офицера из капитанской каюты.

– Мне за руку кусат хотэл, – ответил другой с сильным кавказским акцентом.

– До свадьбы заживет...

Оба засмеялись.

Утром, у дощатого скворечника уборной, повисшего за бортом, стояла длинная очередь, и какой-то недоумевающий прапор приставал к встречным:

– Не видали ли вы Мирошниченко? Поручик Мирошниченко... Длинный такой, сухарь. Не видали? Нет? Черт его знает, куда пропал... Мой сахар у него.

В четыре часа подошли к Новороссийску.

Перед входом в бухту все толпились у борта, смотря на жутко торчащие из воды мачты затопленного флота.

Красивый корнет в черно-белых дроздовских погонах⁵⁸, улыбаясь оскалом не привыкшего к отказам самца, рассказывал даме в браслетках:

– К рельсе привязывали по пять-шесть офицеров за ноги и бросали в море. Спускались водолазы, так видели: целая толпа людей... Понимаете, силой давления воды – тела стоят, а течение их колышет... Два водолаза с ума сошли.

– Какие звери, – содрогалась плечами дама, кутаясь в крымскую чадру, – эти матросы ужаснее китайцев... кровожаднее... в Кронштадте.

«Виолетта» бросила якорь. Подошла лодка с чинами контрразведки и началась долгая, нудная проверка документов. Сверяли, опрашивали, задавали казуистически-наивные вопросы. Задержали молодого полковника с нашивками за 14 ранений и пожилого бородатого, вихрастого прапора.

Шахов сошел по сходням и медленно зашагал по улице,

Армянские, греческие, грузинские, еврейские лица, слова, вывески кружились, пестрели и стучали в голове. Пахло рыбой и прогорклой кожей. Встречная женщина заглянула в глаза Шахова, оглянулась и остановилась.

«Штаб Туркестанских формирований» – прочел Шахов плакат в окне опустевшего магазина. За стеклянной дверью, вытянувшись, стоял кавалерийский юнкер с обнаженным оружием.

Шахов вошел и молча протянул документы блистающему бриллиантовым пробормом⁵⁹ поручику с аксельбантами. Поручик щелкнул шпорами и, как будто танцуя, скрылся за дверью. Через минуту возвратился, махая не высохшей от чернил бумагой.

– Вы зачислены, господин ротмистр, подайте рапорт и завтра вы получите документы, подъемные, прогонные и литературу до Асхабада. Поручик Свентицкий, – еще раз сверкнул он шпорами.

Шахов вышел и бесцельно побрел по улице.

Френчи, кителя, шинели, погоны золотые, серебряные, черно-красные, бело-черные, черные, нарукавные шевроны всех цветов, с эмблемами костей, черепов, знамен, орлов, целая литература нарукавных надписей, девизов, грозных, трагических, клятв, проклятий... Оркестр звонов – шпорных и серебряных побрякушек на черкесках.

Рябило в глазах и звенело в мозгу.

– Вот оно, рыцарственное войско сынов неделимой, – подумал Шахов, – даже не оперетка...

У входа в кино, между холодным скучающим лицом Врангеля и задорными усиками Шкуро дразнил обилием красной краски большой лубочный плакат: зады убегающих красноармейцев, хвосты свиньи и собаки, Ленин и Троцкий и огромный казак на белой лошади, с пикой, чубом, в лихо заломанной бескозырке.

Подпись:

Едет Троцкий на свинье,
Ленин на собаке.
Оглянулись назад,
Думают: казаки⁶⁰.

Небритый штабс-капитан на костылях, с поджатой, как у собаки, ногой и терновым венцом на георгиевской ленте зло оглянулся на плакат:

– Рисовать-то легко, а вот ты повоюй! Вы с фронта? – спросил он смятого парходом Шахова.

– Нет. Пароходом из Румынии.

– Теперь много понаехало. Вон сколько, – кивнул он на проходящую кучку распузыренных галифе. – Войска достаточно, а в ротах по 15 штыков. Штабы, штабы... По три штаба на боевой взвод...

Шахов шел вечерними улицами, заклеенными, как рукава, шевронами генеральских портретов, лубочных плакатов, телеграмм Освага⁶¹, картами, флажками, хвастливою бранью девизов...

... За Россию, за свободу
Если позовут,
То корниловцы
И в воду и в огонь пойдут...⁶²

Ревели пьяные голоса из армянского погребка, а сверху из открытого окна стекал нежный и сладкий, как запах белых акаций, хрупкий романс Вертинского:

Я не знаю, кому и зачем это надо,
Кто послал их на смерть недрожащей рукой.

Нежным, как романс, снегом опадали на тротуар белые капли акаций. Садилось солнце.

VIII.

- Лиходей. Ты кто?
  - Хохол, господин полковник.
  - Нет, по убеждению?
  - По убеждению – обыкновенный хохол, господин полковник, хуторянин.
  - Вот балда! Ну какой ты партии?
  - Анар... монархист, господин полковник.
  - Так, а кто по-твоему большевики?
  - Та голодранци-ж, сиромахи, воны у мене батька убьили и худобу⁶³ поризали... 17 коров, да еще телочки...
  - А что ты сделаешь с ними, когда они тебе в руки попадут?
  - Та усе, що вы прикажете.
  - Нет, а сам?
  - Зарижу к бисовий матери, щоб ни шкодылы.
  - Молодец. Иди.
- Солдат щелкнул каблуками и вышел в дверь вагона.
- Рекомендую: лучший солдат бронепоезда и если нужно вот это, – полковник сделал выразительный жест, – вполне надежен.
  - Помните, ротмистр, – продребезжал разбитой шарманкой старческий голос Базилевского, – мы простим и деньги, и кровь братьев, и разграбленные имения, но вот такие Лиходеи – нет... Нет, они ремни из шкуры повырежут за своих коров, на медленном огне изжарят, хе-хе-хе, – захлебываясь в перебоях, надрывалась шарманка, – хе-хе-хе. Они мужики богатые, у них даже Бог есть...
  - А у нас? – заранее стыдясь ответа, словно снимая рубашку с невымытого заструпенелого тела, спросил Шахов.
  - У нас, хе-хе-хе, – скрежетали выщепленные валики, – мы, извините, расторговались, всем-с, вчистую-с... отечеством, присягой, честью, традициями – они же и Бог-с. Другого не имеем-с. По образу и подобию. А теперь никакого образа.
  - Что же, подышать, что ли?
  - Зачем же подышать? Кто жив, пусть живет, а кто готов, испекся, тому и подышать нечего. Вот вы, к примеру, человек молодой, может быть, и схватите нового подобия, а мы уж – старого образца. В лом, по чистоте, за ненужностью...
  - А за каким же чертом война?
  - А лиходееву скотинку забыть изволили? Мало разве семнадцать голов? Да еще телочки... За скотинку-с, за скотинку-с...
- Солнце огненным кротом рыло песчаные бугры.
- Пески. Над песками раздувшееся в огненном накале белое небо.
- Вагон собрания бронепоезда «Генерал Корнилов»⁶⁴, переделанный из служебного салон-вагона, со стенами, усыпанными оспою болтов брони, с заспанной, залежанной и заблеванной обивкой диванов, давил прокаленную крышей. Несколь-

ко человек в рубахах и кальсонах сидело и лежало на закиданной окурками серой кошме.

Пахло потом, углем и перегаром.

В углу один совершенно голый с заросшим черною шерстью телом, и другой тоже голый, но почему то перепоясанный английским брезентовым поясом, пили кишмишевку, наливая из бутылки в похожую на блюдце чашку. Ветер хлестал песком по закрытым наглухо стеклам.

– Костенька, я тебя очень люблю...

Голый без пояса обнял голого в поясе, и оба, с отдувающимися надутыми животами и раздутыми красными лицами, стали похожи на двух китайских божков.

– Костенька, он сказал, что Бога нет, но это безразлично, совершенно безразлично, потому что здесь не Россия, а мусульманская страна.

Тот, кого называли Костенькой, сочувственно вздохнул. На кошме запели рожденную знойным безводным ненужным скитанием по чужим пескам и бесцельными победами и бесславными походами, трескучую от злобы плевков песню:

...Рано утром что случилось,
Слышен пушек рев,
Взорван мост, и появилась
Цепь большевиков.
Из вагонов, очумели,
Писаря летят
Без штанов и без шинели
Прямо в Асхабад.

Из-под вороха шинелей у раскаленной стенки желтое, обглоданное до костей малярией лицо хрипло просило:

– Черти, потише... невозможно виски ломит.

Шинели и челюсть прыгали в ознобе.

...Сестры, позабыв амуры,
Адъютантов рой,
Все кудахчут, словно куры,
И летят стрелой...

– Костенька, я тебя так люблю, что все для тебя сделаю... Хочешь, я тебе в рот выстрелю?

– Ах, будь добр, – лепетал расплывающийся Костенька, широко, как вынутая из воды рыба, открывая рот.

Голый без пояса на четвереньках, как большая черная обезьяна, дополз до кучи сваленного платья и долго рылся в ней, пока не поймал желтый ремень кобуры.

...Восемь пушек там отдали,
Броневики в бою...
Славно там повоевали.
Баюшки-баю.

Харкал песчаной мокротой ветер.

Черная обезьяна долго возилась с замком кобуры, наконец, вытащила уродливый обрубок кольца и, покачиваясь на корточках, с трудом откинула курок.

– Ах, будь добр, – лепетал расплывающийся Костенька, открывая все шире рот со стеклянной бусиной стекающей слюны. Обезьяна, тыкая дулом то в щеки, то в подбородок, нащупывала дырку рта.

– Трап, – переломил песню кольт.

– Кто-то кого-то угробил, – спокойно и удовлетворенно подвел итог толстый, в тиковых полосатых подштанниках, капитан.

На кошке лежало розовое, ставшее разом стыдным и чуждым вагону тело. Около почерневшего от выстрела лица натекла красная лужица быстро густеющей крови.

Черная ласковая обезьяна нежно поглаживала розовый живот и участливо спрашивала:

– Костенька, тебе не очень скучно?

Неслышно ступая по кошке, к наклонившемуся над убитым Шахову дошла чуждая, странная в прокуренном вагоне, знойном сухом перегаре, во всем этом блистающем испепеленном нерусском крае фигурка каменного монаха:

– Алеша, тебе пакет от генерала, – и, взглянув на срамную розовую мертвячину: – Страсть-то какая. Сам себя, что ли?

Базилевский набросил шинель на мертвую наготу и дернул монаха за рясу:

– Это как бы... отпеть, там, что ли. Чтобы не по-собачьему, а будто бы человека.

IX.

ШТАБ

Командования Туркестанской армии вооруженных сил юга России.

Начальнику Кав. группы ротмистру Шахову.

Приказываю вам, имея под командой отдельный кавэскадрон, Туркменский дивизион Ниаз-Кули, кубанскую и чеченскую сотни, сегодня в ночь выступить в обход левого крыла неприятеля, обойдя которое, пользуясь линией колодцев Биш-Агач, Узун-Су и Мелек, передневать у соленого озера Кара-куль и следующей ночью напасть на станцию Кош, где сосредоточены резервы противника.

По нападении отступить, пользуясь темнотою, испортив как можно большее пространство железно-дорожного пути.

Командующий армией:

генерал Казанович⁶⁵

Начальник штаба:

полковник Блинов

Большая розовая луна раздутым в плоской чувственной улыбке лицом висела над омертвевшей неподвижностью песков.

Пустыня отдыхала.

Вдали декоративное шелковое небо подпирали горбы окаменелой туши дракона, жуть забытых, оставленных дочеловеческими временами, облезлых изморщившихся гор. Полоса волнистых барханов была сзади, и теперь перед Шахо-

вым лежала блестящая розоватым отсветом предвечная гладь песка, ровная, как полированные камни древних надгробий, на которых время не высекло своих письмен.

Лошадь Шахова шарахнулась от трехаршинной ящерицы, казавшейся еще больше от ползущей за ней тени.

– «Зем-зем»⁶⁶, – обратился к Шахову мертвое от песка и луны призрачное пятно лица проводник текинец: – очень не каряшо...

Он спрыгнул с лошади и несколько раз рассек лунное молчание кривым, исторгнутым из древних веков клычем⁶⁷.

Клыч просекал нежное тело ящерицы и хрустя въедался в песок.

Шахов, придерживая лошадь, смотрел на кланяющегося в какой-то давно позабытой молитве текинца, на отнятый у древних песен клыч и на кружащиеся на песке обрубки темного тела.

Довременным, нечеловеческим бытием дышали пески.

Глухо бряцающая подвязанными стремянами, проходили всадники на тонких призрачных лошадях, в лохматых туркменских шапках, папахах, чалмах, широких крылатых шлемах.

– Призраки из времен, – не то сказал, не то подумал Шахов, – ушедших. Сегодня – нет.

Вереница призраков тихо скользила по мертвой зыби дочеловеческого времени. Впереди выступил из мертвых веков круглый череп белого надгробья, а за ним черное зеркало неподвижной воды.

– Кара-куль, – сказал текинец и шепотом перевел: – озеро черный, – потом, встав на коротких стремянах, тыкнул нагайкой в чуть заметные красные огоньки на горизонте:

– Станция. «Кош». Большевик.

Невольно снижая голос, Шахов скомандовал:

– Ст-о-о-й, сле-за-а-а-й!

Днем пеклись в золотой раскаленной печке песка, плескались в мутной воде озера, кормили из полосатых грубых торб иссушенных песками, злобных от солнца, визжащих, кусающихся лошадей и, влезая на купол надгробья, смотрели в бинокль на станцию. Считали составы красных и белых вагонов. Смотрели, как подползают медленные, кудрявые дымки поездов.

Шахов слушал рассказ простоватого круглолицего казачьего хорунжего в пропотелом по всей спине бешмете о том, как тот, заскучав в Баку по русской речи, встретил, будучи сильно пьяным, русские похороны и от радости встречи с земляком разогнал провожающих и попов револьверными выстрелами, а потом, вынув покойника из гроба и усадив рядом с собою на похоронные дроги, шибко погнал лошадей, попивая коньяк из бутылки и угощая покойника. Изредка попугивал преследующих маузером.

– И как хорошо мы с ним поговорили, – рассказывал он, прикрывая папахой круглые наивные глаза, – так хорошо... Только потом контрразведка дозналась и хотела меня в «штаб Духонина»⁶⁸ за кошунство отправить... насилу удрал на пароходе зашитым в куль овса. Чеченцы вот эти помогли.

– А о чем же вы с ним разговаривали? Помните?

– Как же, все помню. Разве не о чем с человеком поговорить? А про дом? У меня в Баталапшинской – хутор, хозяйство полное: худоба, виноградник. Кончится война, приезжайте, гульнем по-кубански.

Шахов встал и подошел к лошади.

Тонконогая, вся из нервов, сухожилий и трепета золотистая «Кадыча» без гривы и с жидким кургузым хвостиком не узнала его и куснула за рукав.

Подбежал вестовой чеченец.

– За что воюешь? – спросил Шахов.

– За единый, великий Россия, – ответил тот четко и быстро, а потом добродушно, понимающе улыбнулся Шахову. – Война – всем война. Патрон минога! Стреляй поджалуйста!

– Стреляй поджалуйста, – повторил Шахов.

Ночью, когда розовая тяжелая мясистая луна снова повисла над мертвой гладью, Шахов сказал:

– Садись!

И призраки-люди взлетели на призраков-лошадей.

Чуткой, настороженной тишиной ловили пески каждый шаг коней, каждое движение всадников.

Шахову было легко и привычно. Мысль стала в станок воли, колесо крутилось, машина жила.

Волчьей цепочкой отделились и потекли в сторону кубанцы.

– Слез-а-й, – протянул Шахов.

И через секунду стоял, сжатый плотною темной массой.

– Пироксилин... Шнур... Подрывники к водокачке и мосту... – отстукивала машина.

– В цепь! Центр – эскадрон. Справа – чеченцы, слева – туркмены. Растягивай своих, Сердар.

Крались и приникали к песку редкие ускользящие тени. Близилась и множились огни. Теперь стало видно отдельно – красные стрелочные и желтые в окнах. Темная масса состава распалась на ровные отсечки вагонов.

– Ур... ур... – взвизгнули, словно увидев что-то, текинцы и, разом сбившись в темную кучу, побежали к составам.

– Ура! – закричал кто-то около Шахова.

С крайнего состава от водокачки прорвал темноту выстрел.

Чеченцы завыли, завизжали, загикали...

Выстрелы хлопали все чаще и чаще и скоро сбились в сплошную трескотню, как будто бы непрерывно рвался огромный кусок сухого коленкора.

Шахов бежал, махая руками, обегая капканы саксаульных ограждений.

– Рано... рано... рано... – зацепилось где-то в мозгу. – Сволочи азиатские, не держали...

Машина работала четко и точно.

Разом приблизились, окрасившись из темной мути в белое и красное, составы.

Из вагонов вываливались хлопья белых людей, бросая вверх разлетающиеся

струи огня, и ныряли под вагоны или бежали вдоль рельс, смешно шлепая раздувающимися подштанниками.

Всюду сновали, непонятно махая руками, темные фигуры.

– Пулеметчики ко мне, – орал кто-то из состава.

– А-а-а-ах, – гулким подземным вздохом колыхнуло землю и покрыло рвущийся коленкор.

– Водокачку – саперы... – понял Шахов и оглянулся.

Вместо резкого контура водокачки на синем небе темнел бесформенный ползущий вверх столб, закругляясь в огромный черный зонт.

Разом стало светлее. Красные тревожные пятна поползли по стенкам вагонов.

– Чеченцы составы зажгли... это они умеют..

– Господи! Матерь Божья, Господи, Господи! – звериным желудочным воем выкрикивала белая фигура, пробегая мимо Шахова.

– Господи? – вдруг разозлился Шахов, – а этого не хочешь вместо Господа, – и, давясь матерными словами, торопливо вытянул кольт.

Раз!

Фигура метнулась, скривившись набок, и понеслась дальше, шлепая пузырем рубахи. Шахов бежал, цепляясь каблуками за шпалы и бросал сверху пули, в судороге родившейся злобы повторяя бессмысленные матерные слова.

Три... четыре... пять...

Расстрелял обойму и на бегу всунул новую. Фигура бежала, махая руками.

– Раз! – С первого заряда попал Шахов.

Фигура заплела ногами и ткнулась в землю.

– К станции!

По бортику высокого перрона присели, то прячась, то выныривая для выстрела и снова прячась, защитные английские мундиры эскадрона.

Из окон густо отвечали. Несколько темных фигур лежало на перроне.

– Двери заперты!

– Давай гранаты!

О дверь стукнулось несколько гранат, и через секунду один за другим захлопали взрывы.

С плаксивым звоном посыпались стекла. Темные фигуры вспрыгнули на перрон, сбились в кучу и клубком вкатились в темный зевок раздробленной двери.

От освещенного квадрата верхнего окна отделялись темные фигуры и шлепались в палисадник.

Незаметно хлопнул далекий взрыв.

– Мост, кубанцы... – подумал Шахов, – пора по коням.

Спотыкаясь о рельсы и тела, Шахов бежал вдоль состава. Было совсем светло от пожара.

Текинцы разбили вагон цейхгауза, и из дверей широкой струей, искрясь и розовея в пожарище, лилось серебро сахара. Насыпали в полы, в мешки, папахи, в тут же снятые рубашки... Кто-то тащил связанную пачку кожаных курток...

– Мародеры! Сволочи! Драться надо! – кричал сотник, колотя ближайших рукояткой револьвера. Никто не обращал внимания.

Не помня как, Шахов очнулся сидя на лошади. Вестовой чеченец радостно лепетал, засматривая в его лицо:

- Четыре винтовка собственный. Часи хороси. Деньги керенский миного.
- Сзади на песок падали красные блики. Пахло дымом.
- Все тело ломило и сильно ныло зашибленное где-то колено.
- Рысью – ма-р-ш, – скомандовал Шахов.

Х.

Прошло два дня, как те две тысячи разноликого и разноплеменного сброда, которые называли себя Туркестанской армией юга России, были вдребезги разбиты на позиции, которую некогда считал неприступною Скобелев.

Во время боя какой-то перетянутый икотой голос крикнул:

– Обошли!

И тотчас же несколько ближних пехотинцев, бросив винтовки, выпрыгнули из наскоро вырытых в песке ямок и, стягивая на себя пули врага, бросились бежать, взрыхляя песок тяжелыми английскими ботами.

Красные участили огонь.

Командир укрытого за барханами красного конного полка матрос Ткаченко с желтым, как янтарь, прокуренным малярией лицом, черным веником чуба и двумя маузерами на кожаных пузырях галифе, оползая и увязая в песке, взбежал на бархан и, воткнув круглые, опаленные, натертые песками глаза в разлив золотого кипятка, крикнул вниз:

– Братва, по коням!

Красные, желтые, белые, черные кожаные куртки вразброд запрыгали на лошадей, цепляясь за седла гирляндами навешенного оружия.

Гранатой разбило стрелку, и последний вагон маневрировавшего бронепоезда, сойдя с рельс, жалкий и беспомощный, как издыхающая лошадь, завалил пути. Вагоны выронили людей, и, как темно-коричневые муравьи в потревоженном муравейнике, они суетливо и бестолково засновали у хвоста серой ящерицы поезда, пригибаясь и падая.

Вверху взвизгивало и смачно плевало, обдавая броню твердыми брызгами металла.

Широкий полукруг пестрых, запыхавшихся, кричащих людей, сужая загнутые концы, охватывал бронепоезд.

Несколько темно-коричневых людей побежало от поезда в незагнутый полумесяцем пролет, остальные втянулись в вагоны.

Зацокал рязанской поговоркой пулемет, перестал, и вдруг весь поезд залязгал, забился в клокочущем ознобе.

– Даешь броневик, – кричали пестрые куртки, падая на песок под хлеставшей из каждого вагона стальной вьюгой.

– Гранатами паразита, – крикнул махавший разряженным наганом плотный и широкий, похожий на жука, командир с серьгой. Крикнул и сейчас же, схватившись за живот, завизжал, упал и заскреб ногами песок.

Под нежным, незащищенным брюшком ящерицы поезда торопливо захлопали взрывы.

Пулеметный озноб оборвался.

Длинное тело бронепоезда содрогалось в последней агонии, и каждая из его рассеченных пролетами частиц-суставов умирала отдельно, злобно и мучительно.

С холмика, подпиравшего левый фланг, Шахов привычным ухом уловил перебой в возбужденном гомоне винтовок и, оглядевшись, увидел, как вся желтая гладь, над которой рождались, жили и таяли белые клубики-облачка, задвигалась пятнами и точками бегущих людей.

– А, сволочь, халатники, – выругался рядом казачий хорунжий.

Еще не оглянувшись, Шахов уже знал, что произошло, обернувшись же, увидел разлетающиеся полы красных халатов и между ними зады серых черкесок и хаки. Бежали молча, шарахаясь и сбиваясь в кучи от шрапнельных плевков, виляя между золотистыми дымками падавших в песок излетных пуль.

– Что же, одним, что ли, оставаться на закуску краснокожим, – продребезжал полковник Базилевский, – прости Господи, – и побежал, подпрыгивая негнуцимися ногами. Вслед за ним побежал Шахов. И как только он сделал поворот, как только почувствовал сзади неизвестного, готового вспрыгнуть на спину «его», ему стало разом невыносимо страшно.

Мысль захлопала и заболталась в мозгу, как соскочивший со шкива ремень. Напрягая остатки воли, помогая себе сжатыми до судороги челюстями, Шахов силился задержать прыгающие ноги.

Ноги, не повинуюсь обрывающейся воле, несли его все быстрее, и чем длиннее делались их прыжки, тем страшнее становилось Шахову. Ноги пронесли его мимо белых выпученных глаз на багряном округлившемся лице Базилевского, протащили сквозь толпу халатов и подбросили в седло.

Ю-ю-ю-ю-пиффф, плюнула шрапнель над головой.

Ноги сжали бока лошади, и та, вырвав прикол, с прижатыми к шее ушами, стремительным прыжком оттолкнула песок.

Наперерез неслись разноцветные всадники Ткаченки.

Разорвавшаяся шрапнель воткнула острый осколок в плечо лошади Базилевского, кобыла деревянно ткнула пораненной ногой в песок и запрыгала, колко подбрасывая всадника.

– Капут, – понял полковник и разом успокоился. Он оглянулся на приближающихся справа всадников и наметил скакавшего с опущенной шашкой на серой большой лошади.

– Вот этот меня забьет..

Кобыла высоко тряско подпрыгивала, почти не подвигаясь вперед, всадник делался все яснее и понятнее. Стали отчетливо видны лицо и детали оружия.

Всадник на серой лошади двигался прямо на Базилевского. Он был рыжий и косил на один глаз.

Базилевский взялся за кобуру, расстегнул ее и медленно потянул револьвер.

– Сдавайся, товарищ полковник, – торопливо и как-то покровительственно-добродушно проговорил доскакавший всадник, замахиваясь шашкой.

– Серый волк тебе товарищ, – так же торопливо ответил Базилевский, бросив револьвер, ударил лошадь нагайкой.

Всадник заскакал слева и, переменяв замах, сбоку ударил шашкой по шее полковника.

Тело Базилевского, с закинутой за спину головой, сначала легло на спину лошади, потом голова оторвалась и упала налево, а тело медленно сползло направо.

Мимо Шахова спереди назад проскользнуло несколько переставших быть знакомыми лиц, и, вынесенный лошадей из толпы, он увидел приближающихся всадников.

Страх разом прошел.

Тот безликий, готовый прыгнуть на спину «он», надев лицо, перестал быть страшным.

Машинка работала четко и весело.

– Если бы наши не были расстроены, мы бы их приняли и смяли, – думал Шахов, – а теперь баста. Надо уходить в горы.

Он задержал лошадь и поравнялся с казачьим хорунжим.

– Идите передом, держите в горы.

Хорунжий кивнул.

Шахов остановился и, вглядываясь в пронесившихся всадников, резко и повелительно покрикивал.

– Ко мне! – И называл фамилию.

Несколько человек стали около него.

– Сле-з-а-й. Винтовки!

Люди автоматически исполнили. По песку прокатились пять залпов.

Передние, оторвавшиеся от массы разноцветные всадники, откидываясь на крупы лошадей, натягивали поводья. Несколько упало. Остальные заворачивали. Главная масса, махая шашками, зажимала в кучу бегущую пехоту. За станцией горел, ухая клубами взрывов, бронепоезд. По песку носились лошади без всадников. Пушек не было слышно.

– Отвоевались к чертовой матери, – вслух сказал Шахов.

– Что? – спросил вольноопределяющийся в очках.

– Садись! – крикнул Шахов и двинулся в горы.

По спокойно-строгим уступам предгорий карабкались маленькие, суетливые, обезумевшие люди.

XI.

Поминутно толкая шпорами истомленную двухдневным безводным переходом лошадь, Шахов поднялся на скалу.

Сверху сбегала, шурша уносимыми камнями, тонкая лента воды.

В тени скалы сидело вокруг костра несколько утративших глянец, шероховатых, коричневых людей и сжавшийся в черный круглый камень монах.

Люди и лошади рванулись к воде и всосались в нее, задыхаясь и захлебываясь.

Потом, отпав от ручья, чеченцы, перекидываясь богатыми «р» словами, внима-

тельно осмотрели всех лошадей и, выбрав хрошую, с распухшей уродливой бабкой, отвели ее в сторону.

Молодой безусый чеченец весело отвернул рукава и вынул кинжал. Двое других задрали голову лошади, и он, почти не замахнувшись, вонзил сталь в растянутую кишку шеи.

Лошадь заржала, села по-собачьему на хвост, вытянув в сторону задние ноги, а потом тяжело рухнула набок.

– Шахов, у вас еще долго. Иди к нам, покормим!

Шахов подошел к костру и, не здороваясь, сел.

– Много с тобой?

– С нами считая, двадцать один, – ответил за него хорунжий.

– Немного...

– Нас, но мы славяне, – тупо сострил кто-то.

– Отвоевались на этом фронте, теперь до Каспия без пересадок! Ни черта не осталось!

– Казакович застрелился.

– Как же, держи карман. Первый удерет на «Дмитриев».

– Мешхедцев жалко! Какие ребята! Все легли!

– Ну, мы, брат, бандочкой человек в сорок решили в Персию, к Кучук-Хану⁶⁹ на-ниматься.

– Англичане не пустят.

– К дьяволу этих сволочей. Мы с горки на горку, по-вчерашнему, до самого Астрабада⁷⁰.

– Дело верное.

Шахов смотрел на загорелые, опетые пулями лица и не понимал, как могли они два дня назад бежать. Вспомнил свой страх и, покраснев под загаром, спросил:

– А вернуться в армию?

– Да ты что? До начала боя, что ли, драпанул? Армия, брат – киты улыды⁷¹. Нет ее. Йоктур!⁷²

Шахов ел жесткое обугленное мясо, отдирая его от закопченного шомпола, и видел на каждом лице странное, облегченное, почти веселое выражение. Как будто бы умер родственник, долго, нудно и мучительно болевший, так что даже не нужно было скрывать облегчения от его смерти.

– А ты куда? – спросил он молчавшего монаха.

Лицо Авраамия было по-прежнему каменно и непреклонно, а в глазах еще сильнее горела голодная волчья несыть.

– На святую Афон-гору. Отколе вера наша русская зачалась. А может и в иные места Господь повелит.

– А назад в Россию не хочешь? Тебя там не тронут.

– Нету России, поколе есть царство антихристово, – пламенно и твердо ответил монах.

– Шутишь, отец, – хитро прищурился толстый пожилой поручик, – нас-то в России нету, а Россия-то есть, Рассеюшка...

– Кончилась Россия, – взвизгнул монах, – пропили вы ее на самогонке, окаян-ные!

– Сам не пьет и не ест, так и другим мешает, – засмеялся кто-то, – а ты, Шахов, знаешь, что ешь?

– Шашлык, – рассеянно ответил Шахов.

– Шашлык из ляжки подпоручика Арцыбашева, который сегодня утром застрелился.

Стоявший сзади чеченец плюнул и отошел.

– Мы ведь бедные – пехота, у нас лошадей нет, – словно извиняясь, объяснял пожилой поручик. – Он, ведь, сам застрелился. – И вдруг обзлившись: – Что же, с голоду помирать, что ли?

«Антропофагия» – вспомнилось Шахову не настоящее, нереальное, выдуманное слово. Он молча встал, бросил шомпол с остатками мяса и пошел в тень скалы.

Неудержимо тянуло в сон.

Лег и почувствовал всю усталость двухдневного бегства.

Только спать.

– Россию пропили, Арцыбашева съели, – думал он, засыпая, – все равно, ничего не жалко. Мясо так мясо, и Россия тоже мясо. Как ободранная чеченцем лошадь. Большое кровавое мясо... Все равно.

Черною глыбою накатился сон...

* * *

Когда Шахов проснулся, была ночь. Мощные, властные звезды горели на фарфоровом небе.

– Что же я видел? – припоминал Шахов. – Да, снежное большое поле, на поле елка, а над нею большая яркая звезда, нужно было влезть на елку и взять звезду... И тогда хорошо... А снег был прохладный и мягкий... Наш русский. А разве есть еще Россия? Стало быть – есть. Не нами начата, не нами кончится.

Шахов поднялся и посмотрел на раскинутые там и сям храпящие тела.

«Антропофагия», – припомнилось снова ему, – сожрут друг дружку. Ни одного не останется.

Он подошел к лошади.

Звезды с синего купола властно и строго приказывали. Шахов подтянул подпруги и стал медленно и осторожно сводить лошадь по темным уступам.

В ущелье было тихо и глухо. Какие-то шорохи ползали, роняя камни с окружающих гор. Лошадь пофыркивала и медленно ступала, проверяя ногой каждый шаг...

Утром он выбрался на раззолоченную рожденным песками солнцем равнину.

Навстречу двигались несколько десятков всадников.

Шахов шагом поехал на них. Остывшие за ночь пески пили солнце и оживали в его золотом ливне.

Несколько всадников отделилось от колонны и поскакало к Шахову.

– Кто такой?

Шахов не торопясь снял с плеча тоненький короткий английский карабин, помахал им над головой и, размахнувшись, отбросил. Потом расстегнул пояс с шашкой и кольцом и, тоже бросив его на песок, поднял руки.

На странных остроконечных шапках окруживших его всадников были большие красные звезды.

ХII.

«Божией милостию и поспешением в лето 7074 (1566) месяца августа шестой день освящена церковь сия боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа при благоверном и богохранимом царе и государе и великом князе Иоанне Васильевиче всея России самодержце, и при благородных царевичах Иоанне и Феодоре, и митрополите Афанасии и при архимандрите Пимене великого Нова-города, и при отце нашем игумене Филиппе Колычеве иже бысть послежде митрополит всея России».

Ревностью мастера искусного иссечено золотое дерево, сложено и вознесено белое каменное вековечье.

Свиток хартии на пять веков раскинут разверстым откровением.

Пять веков мудрых по темному обличию иконостаса повиты древними истовыми уставными песнопениями.

Пять веков жутких, венчаных вязью торжественных слов на бесстрастном спокойствии усыпальниц, увиты благолепием мира и ладана, осияны неугасимостью лампадных молений, сокрыты в иконном молчании.

Пять веков тяжких, как серые каменища пола, истерты коленною нищетою, выжжены иступленным поклонным биением, пронзены копьями пламени слезной страсти молений Руси подъемной, тяглой, подлой, нищей, убогой, страждущей и обремененной.

Пять веков грешных и покаянных упокоены благодатью упадающего золота резной сени.

Пять веков буйных, кровавых, раздольных; веков батрацких, бродяжьих, разбойницких возвеличены небесною высью купольных дерзновений.

Пять величавых веков всея Руси хранимы ревностью мастера искусного в каменном бытии Преображенского собора обители Соловецкой.

Русь, вздыбленная в пламенной ярости рожденных откровений, осветившая мученичеством новой веры растленное безверием время, метнула к мудрому упокоению нерушимых стен опаленную вьюжными годами, растерявшую на волчьих тропах имена и лица, обнищавшую в ржавых душах, избитую о гранит величавых мгновений толпу.

Пришедший с безлицей толпою маленький, безымянный, с волчьей несутью под каменными ресницами, разметал железною лопатою парчовые покровы ладановых сказаний, разомкнул плотничьим топором тайную жуть соловецких столетий и открыл пред толпою истлевшую наготу черных костей соловецких святителей. Прошел сквозь века затаенными в древности годами, проник в скрытую под собором «рухольную»⁷³ и над ухраненными в темноте веков тысячами иконных ликов начертал: «Религия – опиум для народа».

А потом оживил смертную тишину покинутого собора победным кличем преображенной в смятении, неопалимой в огне, нерушимой в буре России.

Пришедшие с ним на сумеречный остров, иссушенные пламенеющими песками текинцы, молчаливые, как родившая их пустыня, отерли пыль с царственного града неопалимой купины.

Рожденная в буйном уме весеннего жаркого цветения преображенная Россия неопалимой купиной, царственным градом восставала из пепла пожаращ, сплавив в горниле их разрозненность, родив единство в огне нового великого слова, вместившая море и сушу в батрацкой, кремневой вере.

* * *

Пустынная тьма студеного полуночья сливает черные чаши неба и моря в тяжкую, торжествующую смертным упокоением, вечную от времен схиму.

Старческим, выросшим в нерушимой храмине предвечного бытия горбом Океана-Моря подпирает упадающую тьму Анзерский остров.

Ночь рождает ладью, одевает упокойными покровами и несет скорбным путем к забытым ушедшими древними звериными богами косматых звериных людей жертвенникам прибрежных валунов. Из каменного молчания выступают и грядут навстречу ладье три малых светлых пламени, три огня свечей восковых, три брады снежных, убеленных покоем познания, три старца неведомых, сокрытых усыпальными пеленами неизреченного.

Преклоняется черный монах из ладьи, простирается ниц пред старцами.

– Во имя Отца, Сына и Святого Духа, ныне и присно...

– Аминь.

Каменные жертвенники звериных людей с волчьих троп приняли пришедшего с рожденной ночью ладьи в круг свой.

– Повелением блюстителя престола патриаршего указуем тебе, Филипе, тропу потаенную к келье сокровенной, молчательной, идеже благочестивый Варсонофий кончину принял и упокоен бысть. Следуй за нами.

Грядут во тьме восковые светочи потаенной тропой в дебре Анзерской, между трех озер, в покое нерушимого молчания. За ними чернец из ладьи высокою прямою тенью, с бородой не отросшей.

– Здесь будет обитель твоя. На холме у высшей ели вход обращен в келью земляную. Там тебе бытие уготовлено.

Снова склоняется чернец перед старцами, и старцы никнут седидами пред чернецом...

У высшей ели, в валежном буреломе – вход узкий, как бы в логовище звериное. Там – земляная келья Варсонофиева, стол сосновый, дощатое ложе и камень возглавия.

Там, в углу над аналоем, темный лик Неопалимой Купины.

Припав ниц, чернец лобзает землю, землю темную, как лик Неопалимой, землю крепкую от многих поклонов, землю живую в вечном бытии⁷⁴.

«К своим пришел и свои не приняше мя»⁷⁵...

Встает солнце над Беломорскою седою гладью, над нерушимыми полными дебрями кондовых сосен, над нетропленными топями болот, над синими затишьями озер, над Кемью, рекой жемчужной.

Занимается день над вросшей в каменные века твердыней Преображенского собора, над башенною кремлевскою стражей, над нищей в безверии толпой, без лиц и имен, над потухшими последними пожарищами⁷⁶ и над первыми камнями новой великой стройки.

Над всею Русью единою, сермяжною и парчовою, избяной и златокупольной, грешною и покаянною, убогою, раздольною, нищею, мощною, великою.

Чернец открывает принесенную с собою тяжкую черную книгу...

...«И возвратится ветер на круги своя...»⁷⁷

На заглавном листе в правом углу черною строчкою:

«Алексей Шахов».

Монах чернит строчку и подписывает под нею рукою твердой и упокоенной:

«Соловецкой обители инок Филипп».

Соловки, 17–27–III 1923⁷⁸.

«Соловецкие острова», о. Соловки, апрель 1926, № 4, с. 21–54.

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Викжедор – Всероссийский комитет железнодорожников (февраль 1918 – март 1919).

² Регимент – войсковая часть, полк. Зигмунд (Сигизмунд III Ваза) – польский король, поддержавший Лжедмитрия I; в 1610 г. польские войска заняли Москву (откуда были изгнаны в 1612-м).

³ Прасныш – город в Восточной Польше, в районе которого в феврале-марте 1915 г. произошло одно из крупнейших сражений Первой мировой войны.

⁴ «Желтая кофта» – двухчастная пьеса, поставленная А.Я. Таировым (1885–1950) в 1913 г. для «Свободного театра» К.А. Марджанова (1872–1933).

⁵ Кафе «Бом» располагалось в доме № 37 по Тверской улице и принадлежало одному из участников дуэта «Бим-Бом» клоуну-эксцентрику М.А. Станевскому (1879–1927). В 1920-е гг., сохранив статус богемного заведения, кафе было переименовано в «Стойло Пегаса».

⁶ Ратники государственного ополчения, согласно имеющимся льготам, призывались на действительную службу во время войны. Помимо кокарды общего образца на тулье фуражки они носили особый ратничий крест.

⁷ Возможно, речь идет о Стодневном наступлении (август–ноябрь 1918 г.), которое закончилось поражением германских войск и привело к завершению Первой мировой войны.

⁸ Бабка Лутониха – персонаж «Неугасимой лампы» Б.Н. Ширяева; знахарка и черно книжница.

⁹ «Окопная правда» – фронтовая газета большевиков (1917–1918).

¹⁰ Орден Святого Владимира (1782–1917) – боевая офицерская награда, которая жаловалась непосредственно за военные подвиги.

¹¹ Свяцяны – ныне Швянчёнис, город на востоке Литвы. Кантор (хаззан) – человек, ведущий богослужение в синагоге.

¹² Осьминник (осьмина) – русская единица площади, равная 1/8 десятины (~ 1350 кв. м).

¹³ На Воздвиженке находилось Александровское военное училище, где во время октябрьских событий 1917 г. располагался штаб Московского военного округа, а находившиеся здесь юнкера и офицеры в течение нескольких дней держали оборону против большевиков.

¹⁴ Поминальное блюдо, политая медом вареная пшеница.

¹⁵ Бергсон Анри (1859–1941) – французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни.

¹⁶ Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951), музыкант, дирижер, композитор.

¹⁷ Анзерский – второй по величине остров Соловецкого архипелага (после Большого Соловецкого), на котором также располагались монашеские скиты.

¹⁸ Спасо-Преображенский собор – одно из первых каменных зданий на территории Соловецкого монастыря, был построен стараниями святителя Филиппа (Колычева; 1507–1568) в 1558–1566 гг.

¹⁹ Елень (церк.-слав.) – олень.

²⁰ Филипп Московский (Колычев), до избрания на московскую кафедру был игуменом Соловецкого мона-

стыря. *Никон* (Минов; 1605–1681), патриарх Московский и всея России (1652–1666), был постриженником Анзерского скита, почитался в Соловецком монастыре как местночтимый святой. *Авраамий Палицын* (ум. 162?), постриженник Соловецкого монастыря, келарь Свято-Троицкой Сергиевой лавры, историк, писатель, один из активных деятелей народного освободительного движения в годы Смутного времени (1598–1613). Похоронен у южной стены Спасо-Преображенского собора Соловецкой обители.

²¹ «Сим победиши» – ставшая воинским девизом фразы, которую равноапостольный император Константин (272–337) увидел во сне перед удачной для него битвой у Мульвийского моста близ Рима над превосходящими силами неприятеля.

²² «Крылатый Предтеча» – появившаяся в XIII в. и основанная на ветхозаветном пророчестве иконография, изображающая Пророка, Предтечу и Крестителя Господня Иоанна в виде ангела с крыльями.

²³ Мф. 10, 34.

²⁴ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) – генерал, организатор Первого Кубанского («Ледяного») похода (февраль–май 1918 г.), участником которого был Б.Н. Ширяев. Погиб во время артобстрела.

²⁵ *Текинский конный полк* (1885–1917 гг.) – элитное военное соединение, состоявшее из туркмен, охранявших штаб Л.Г. Корнилова.

²⁶ Представитель французских туземных войск колониальной Франции, которые принимали активное участие в Первой мировой и Гражданской войнах.

²⁷ Начальные слова приказа генерала А.И. Деникина (1872–1947) от 14 декабря 1919 г., на тот момент – Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР); важнейший принцип Белого движения.

²⁸ Два самых известных одесских кафе, находившихся через улицу друг от друга.

²⁹ Версия сатирического стихотворения поэта-монархиста Владимира Мятлева (1868–1946), в 1918–1919 гг. проживавшего в Киеве и Одессе, в котором отражена реакция на создание гетманом П.П. Скоропадским (1873–1945) государства Украины.

³⁰ *Зельц* – вареное прессованное колбасное изделие в оболочке или банке. *Вурст* (нем.) – колбаса.

³¹ *Энно Эмиль* – французский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, инициатор Ясского совещания, на котором в ноябре 1918 г. произошла встреча представителей Белого движения и стран Антанты.

³² *Бирон Эрнст Иоганн* (1690–1772) – фаворит императрицы Анны Иоанновны (1693–1740), регент Российской империи, который отличался жестокими методами управления.

³³ Хороший (фр.)

³⁴ Поцелуй меня, моя малышка (фр.)

³⁵ *Д’Эспере Франше* (1856–1942) – маршал, Верховный комиссар Франции на Юге России.

³⁶ Шклов, город неподалеку от Могилева, где в XVII в. была построена каменная синагога.

³⁷ Французская военная эскадра была выведена из Черного моря к маю 1919 г. из-за мятежа матросов, выступавших за прекращение интервенции на юге России.

³⁸ Возможно, имеется в виду генерал-лейтенант Н.С. Тимановский (1889–1919), возглавлявший с начала 1919 г. Отдельную Одесскую стрелковую бригаду Русской Добровольческой армии, с которой впоследствии отступил в Румынию.

³⁹ *Мундштук* – здесь: часть удила (приспособления для взнуздывания лошади).

⁴⁰ Кокарда на фуражке польских военных с изображением орла.

⁴¹ Я польский улан. Я не русский, мой полк – там (фр.)

⁴² Польский орел (фр.)

⁴³ Капрал (фр.)

⁴⁴ Нет, черт меня возьми! (фр.)

⁴⁵ Так на русском севере называли Северный Ледовитый океан, а также входящее в него Белое море.

⁴⁶ *Филипповский скит* (Филиппова, иначе Иисусова, пустынь), расположен в 2 км от Соловецкого монастыря. Основание пустыни связано с именем святителя Филиппа, который избрал это место для своих молитвенных подвигов в 1540-х гг. В середине XIX в. здесь были построены церковь в честь иконы Божией Матери «Животворящий источник», две часовни и кельяный корпус для братии. В 1920-х гг. в Филипповой пустыни был организован биосад для содержания и одомашнивания животных (олень, лиса, соболь, песец). В 1935–1936 гг. в пустыни действовала лаборатория Йодпрома.

⁴⁷ На Соловках есть входящее в судоходную систему озеро Валдай, где в лагерное время располагалась одна из командировок СЛОНа, но скита с таким названием никогда не существовало. Возможно, писатель имеет в виду Иссаковскую пустынь или Свято-Вознесенский скит, которые подобно озеру Валдай находятся в северо-западной части Большого Соловецкого острова.

⁴⁸ *Савватиево (Савватьево)* – место поселения преподобных Савватия (†1435) и Германа (†1479), расположено на севере Большого Соловецкого острова. Впоследствии здесь образовалась пустынь, в которой была сооружена часовня во имя преподобного Савватия и несколько келий. В 1920–1930-е гг. в Савватиево располагались политизолятор, центр лесозаготовок, отделения сельхоза и Соловецкой тюрьмы.

⁴⁹ Большой Заяцкий остров, с середины XVI в. был «пристанищем» для кораблей, включающим каменную гавань, людскую избу и поварню. В конце XVII в. сюда была перенесена Иоанно-Предтеченская часовня, которую в 1702 г. по приказу Петра I перестроили в церковь во имя апостола Андрея Первозванного. В XIX в. в Андреевской пустыни появились деревянный корпус с покоем для соловецкого архимандрита и хозяйственные сооружения. В лагерное время комплекс зданий использовался для нужд штрафного изолятора, в котором содержались беременные, женщины, страдающие венерическими заболеваниями, и узницы, наказанные в административном порядке.

⁵⁰ Тропарь Святой Пасхи на румынском языке.

⁵¹ *Павлония* – небольшое субтропическое дерево с красивыми и ароматными цветами.

⁵² *Било* – металлическая доска для подачи сигналов; использовалась на Руси до распространения колоколов. В «сполошное било» звонили во время бедствий («сполохов»).

⁵³ Имеются в виду Степан Разин, Емельян Пугачев и легендарный разбойник Кудеяр.

⁵⁴ Боевой клич казаков.

⁵⁵ *Фактор* (польск.) – торговый посредник или поверенный в торговых делах.

⁵⁶ Возможно, имеется в виду корнет Святополк-Мирский (1895–?), который 26 июня 1919 г. был направлен из румынского г. Тульча в Новороссийск на корабле «Виолетта».

⁵⁷ Песня Кавказской туземной конной дивизии («Дикой дивизии»; 1914–1918).

⁵⁸ Служивший в дивизии генерал-майора М.Г. Дроздовского (1881–1919).

⁵⁹ Имеется в виду «бриллиант», или «бриолин» (фр. brilliant – «блестящий») – средство для волос, придающее им блеск.

⁶⁰ Фрагмент песни, которая пелась на мотив «Яблочко».

⁶¹ ОСВАГ (Осведомительное Агентство) – информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии и ВСЮР.

⁶² Корниловцы – военнослужащие Корниловского ударного полка в составе Русской императорской армии и частей белых армий в годы Гражданской войны.

⁶³ Домашняя скотина (укр.)

⁶⁴ Бронепоезд был сформирован в июле 1918 г. для выполнения боевых задач на Кубани. Впоследствии использовался на Северном фронте и в Центральной России. В феврале-марте 1920 г. принимал участие в военных действиях в районе Армавира и Туапсе, где и был подорван.

⁶⁵ *Казанович Борис Ильич* (1871–1943) – генерал-лейтенант, участник Белого движения, командующий войсками «Туркестанской армии» (октябрь 1919 – февраль 1920 гг.), которая была сформирована при поддержке Британской миссии в Туркестане.

⁶⁶ Серый варан (туркм.)

⁶⁷ *Сабля* (туркм.)

⁶⁸ *Духонин Николай Николаевич* (1876–1917) – генерал-лейтенант, в ноябре-декабре 1917 г. исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего Русской армии. Убит во время солдатского самосуда. Отправить в «штаб Духонина» – расстрелять.

⁶⁹ *Мирза Кучек-Хан* (1881–1921) – персидский военный деятель, глава временного правительства Гилянской республики (1920–1921), расположенной около южного побережья Каспийского моря.

⁷⁰ Город в Северо-Восточной части Ирана.

⁷¹ *Умер* (туркм.)

⁷² *Нет* (туркм.)

⁷³ Место хранения монашеской или мирской одежды (*рухляди*), в данном случае – опись предметов церковного обихода.

⁷⁴ В воспоминаниях князя Ф.Ф. Юсупова, который в июле 1913 г. сопровождал в паломнической поездке в Соловецкий монастырь вел. кн. Елизавету Федоровну, прославленную в наше время в лике святых, встречается такое упоминание о посещении лесной келии монаха-отшельника: «Об одной из служб сохранились у меня особенно мрачные воспоминания. Пришли на неё четверо черноризцев-отшельников. Клобуки они скинули, виднелись изможденные лица. Босые ноги и голые черепа были словно черной их ризе белая оторочка. Одного из них мы посетили в лесу, в землянке, где жил он. В узкий проход в земле в неё входили, верней вползали, на четвереньках. В такой вот позе и в монашеской рясе Великую Княгиню я сфотографировал, и после она много смеялась, глядя на карточку. Отшельник наш лежал на полу. Всего убранства в его келье была икона Иисуса с лампадкой. Он благословил нас, не сказав ни слова» // *Юсупов Ф.Ф.* Мемуары. – М.: Захаров, 2004. С. 144.

⁷⁵ Ин. 1, 11.

⁷⁶ Пожар, который начался в ночь с 25 на 26 мая 1923 г., продолжался трое суток и повредил практически все постройки, расположенные на территории центрального монастырского двора. Спустя несколько дней после окончания пожара в монастырь начали прибывать первые заключенные СЛОНа.

⁷⁷ Еккл. 1, 6.

⁷⁸ Приведенная в оригинале датировка, скорее всего, ошибочна, т.к. по косвенным данным Б.Н. Ширяев прибыл на Соловки 17 ноября 1923 г.

Ольга НЕЧАЕВА

Больно не было

– Как думаешь, долго еще дождь будет идти?

Олеся запрокинула голову наверх и посмотрела сквозь мутную полупрозрачную пластиковую крышу остановки. Темно.

– Часа три, – сказала она, переводя взгляд на осунувшееся лицо Вадика. Он усмехнулся.

– Врешь. Посмотри на лужи. Пузырей-то нету. Скоро того... кончится.

– Ну, кончится, пойдем пешком тогда.

– С чего это? Уже двадцать минут ждем этот долбаный автобус, как дебилы! Сиди давай. Приедет скоро.

– А я и так сижу.

– Вот и сиди, дура!

Олеся посмотрела на Вадика, но ничего не сказала. Так они и сидели, молча. Олеся как-то ссутулилась, подперла правой рукой щеку. Вадик закрыл глаза.

– Вадь, а мне ведь даже больно не было. Ни капельки.

Дождь методично выстукивал свой ритм по крыше, а Вадим не отвечал.

– Я вообще ничего не почувствовала, представляешь? Просто раз, и конец.

– Ты же под наркозом была! – рявкнул Вадик.

– Да-да, была, просто все равно так странно. Почему мне не было больно?

– А ты хотела, чтобы больно было?

– Не знаю. Я думала, что непременно больно будет. И ничего. А ему больно было, как думаешь?

Вадик схватил ее за запястье и сильно сжал руку.

– Олеська, заткнись!

– Отпусти. Мне больно.

– Не пущу. Может, теперь хоть что-нибудь почувствуешь!

– Да отпусти ты, бешеный! – она резко дернула руку, но Вадик крепко вцепился

в нее. Нижняя губа Олеси слегка оттопырилась вниз. Это был верный знак, и Вадик разжал пальцы.

– Только не реви! – но было уже слишком поздно. И темно. Олеся всхлипывала, отвернувшись от Вадика.

– Хватит, Олесь. Прости.

– Уб... хммм... м... иии... ла... а.

– Ну чего ты там бормочешь? Хватит. Не плачь.

– Это я... уби... ииии.

– Что ты? – Вадик подвинулся к Олеся вплотную, обнял ее за плечи. Он больше ни о чем не спрашивал. Олеся все еще рыдала, но уже не так страшно, дышала ровнее.

– Смотри, дождь-то заканчивается. Хочешь, правда, пешком пройдемся?

У Олеси завибрировал телефон. Она долго возилась с молнией кармана, пальцы ее плохо слушались.

– Давай я достану.

Вадим быстро достал телефон. На экране светилось одно-единственное слово: «Оставляй». Он резко дернул рукой в сторону, но по Олесинуму мучительному взгляду было понятно, что она успела прочитать.

– А дождь-то снова пошел, – выдавила она из себя.

Подъехал автобус. Две беременные женщины сошли на остановке. Олеся словно приросла к скамейке.

– Олеська, поехали, пожалуйста. Хватит.

Она тяжело встала. Подошла к дверям автобуса. Обернулась:

– Плохой ты брат, Вадя. Я одна поеду, а ты пройдишь пешком.

Вадик замер на мгновение, но потом подался вперед, за Олесей. Он перехватил ее взгляд. Такой знакомый, жалостливый, из детства, когда Олеся просила его остаться с ней дома поиграть, а он убегал во двор к друзьям. Только сейчас она просила об обратном. И он попятился назад. Двери закрылись, и она уехала. Лужи пузырились.

«Слово на страдания святого великомученика Вонифатия» преподобного Ефрема Сирина

Перевод с греческого, предисловие и комментарии Алексея Пернбаума

Среди многочисленных греческих трудов святого преподобного Ефрема Сирина сохранилось небольшое житие: «Слово на страдания святого великомученика Вонифатия»*.

Рукопись происходит из афонского Иверского монастыря и вошла в составленный К.Г. Phrantzoles сборник греческих проповедей преподобного Ефрема. Сохранилось несколько греческих житий святого Вонифатия: анонимные (ВНГ, № 279–280) и принадлежащее преп. Симеону Метафрасту (X в.) (PG. 115. Col. 241–257; ВНГ, № 281), а также латинские, в том числе гимн франкского хрониста Флодоарда Реймского (X в.) (PL. 135. Col. 747–750).

Римский мученик Вонифатий пострадал при императоре Диоклетиане приблизительно в 290 году в киликийском городе Тарсе. Память его отмечается Православной церковью 19 декабря. Известны два первоначальных храма во имя святого Вонифатия. Один из них небольшой, который его госпожа праведная Аглая (Аглаида) построила в своем поместье, расположенном в 50 стадиях от Рима, где с почестями захоронила мощи святого. Другой храм, построенный в VII веке, находится в Риме на Авентинском холме. В X веке он был перестроен и расширен, и учрежден монастырь во имя Вонифатия и преподобного Алексия, человека Божия**.

Святой мученик Вонифатий служит для всех христиан образцом покаяния после небрежно проведенной жизни: искренним покаянием во Христе победил наиболее тяжкие грехи – невоздержание, нетрезвость, наслаждения плоти. И, подобно Евангельскому благоразумному разбойнику, в краткое время сподобился стяжать

* Λόγος εἰς τὸ μαρτύριον τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Βονιφατίου. *Ephraem Syrus Sermo in martyrium sancti Bonifatii magni martyris* (e cod. 4887.767 Monasterii Iviron in Monte Athonis, fol. 44v). *K.G. Phrantzoles, Ὁσίου Ἐφραίμ τοῦ Σύρου ἔργα*, vol. 7. Thessalonica: To Perivolitiss Panagias, 1998. С. 187–198.

** См.: *Бугаевский А.В. Вонифатий Римский // Православная энциклопедия. – М.: Православная энциклопедия, 2000 –; Т. 9, 2005. С. 321–323.*

мученический венец. В предлагаемом варианте его Жития святого Вонифатий называется не только мучеником, но и великомучеником. И основанием такого его почитания еще из древности служит, думается, как претерпение им за веру особо тяжких мук, так и несомненная общепольза его подвига, промыслительно Богом положившего его в ходатая для всех обращающихся к нему в молитвах от злого недуга пьянства.

На поучительный характер этого жизнеописания указывает начало его Жития преподобного Симеона Метафраста:

Борьба других Христовых мучеников приносит большую пользу старательным: ибо ими показывает общей природы чудеса и величайшие подвиги. Она изображает также Христа побеждающего, и противника побежденного и явно посрамленного. Кроме того она нечестивых самым очевиднейшим образом обвиняет, а благочестивым наиболее дает силу и укрепляет, и более ревностных постоянно поощряет к духовному состязанию. И это мы видим в тех, в которых и остальная часть жизни была в согласии с мученичеством, и от детства выросших в следовании правилам добродетели. Но если кто началом такой жизни пренебрег, но позже настолько воссиял в добром, что возмог вдруг восхитить мученический венец, то что может быть превосходнее этой благодати у благочестивых? Ведь, естественно также то, что, помимо всякой надежды, завершается Христом, и является более приятным, чем то, что происходит обычно. Но в этом также очевидно разглашается и обретение погибшей овцы Господом. Итак, таковым мы узнали Вонифатия, этого славного Христова мученика. Его борьба не является достойной презрения, но достойна того, чтобы ее передать в письменном виде*.

И ныне Бог молитвами святого мученика Вонифатия помогает нам стать на истинный путь покаяния, как Он помог некогда это сделать этому святому!

Бог человеколюбивый, Который промышляет о спасении человеков: сказавший через Пророка, не хочу *смерти грешника*, но чтобы *обратиться, и живу быти ему*¹; сказавший: *не пришел призвати праведные, но грешные на покаяние*²; скорый на обращение и многий в щедротах; сказавший, *когда обратишься, восстанав и воздохнешь, тогда спасешься*³; давший нам пример спасения к обращению к Нему: Сам Собственной Своею благостию промышляя о нас, образец нам дает во спасение, [уча] не отчаиваться в себе, если попадем когда от врага в [сети] греха, но надеяться на неизреченную милость Его благости и неизмеримые щедроты Его сострадания. Многие ведь уловленные и запутавшиеся в тяжких грехах, тем не менее, когда покаются, получили победные венцы. Одним из них был и блаженный Вонифатий с его госпожою, о которых я поведаю вам.

Жила в Риме некая жена по имени Аглаида, дочь [патриция] Акакия, которая происходила от доброго консульского рода. Став госпожой над многими богатствами, она имела в своей власти множество рабов. Имела же она и одного раба, превосходящего всех, которого звали Вонифатий, который [, однако,] пре-

* PG 115, 241.

бывал во всяком позорном грехе, ибо был он и пьяницей и блудником, и другом всему, что ненавистно Богу. Но при этом он имел и три добродетели: был гостеприимен, щедроподателен и милостив. Если когда видел неких путешествующих, то обращался со всяким усердием и расположением, чтобы услужить им; обходил переулки и улицы, доставлял нуждающимся все необходимое.

По прошествии времени под действием благодати Божией госпожа его пришла в умиление, призвала его и говорила ему: «Брат Вонифатий, ты знаешь сколь беспорядочным грехам мы предались, не рассуждая, что должны предстать перед Богом и дать ответ в том, что совершили в сей жизни. И ныне мы слышим, что Христиане утверждают, что если кто послужит святым ради Христа подвизавшимся и пострадавшим за Него, то он делается соучастником с ними в Страшный день праведного суда Владыки нашего Иисуса Христа. И ныне я узнала, что рабы Христа подвизаются против диавола на Востоке и предают свои тела на истязания, но не отвергаются Христа. Итак, иди и принеси нам мощи святых мучеников, чтобы, послужив таковым, и построив молитвенные дома, достойные их подвигов, и нам и многим другим посредством их спастись».

И взял молодой раб достаточно золота для выкупа мощи святых мучеников и для раздачи бедным, и двенадцать лошадей, и трое носилок, и миро для погребения святых. И, отправляясь, говорил Вонифатий своей госпоже: «Госпожа, если найду мощи святых, я могу их принести тебе, если же не найду, и принесены будут тебе мои мощи, примешь ли их во имя святых?».

Отвечала ему госпожа его: «[Ныне *далече*] *сотвори от тебя*⁴ пьянство и пустословие, и так отойди, помня, что ты должен принести мощи святых мучеников. Я же, как есть грешница, поспешу принять их. Бог же, ради нас принявший образ раба⁵ и проливший Свою кровь для спасения рода человеческого, Сам пошлет Ангела Своего пред тобой и направит стопы твоя в Его благоутробие, и исполнит желание мое, прощая грехи мои».

Итак, когда изошел Вонифатий, на пути помышлял в себе, говоря: «Раз я намереваюсь нести мощи святых мучеников, то должен не касаться ни мяса, ни принимать вина, поскольку и я недостойный и грешник». И возведя очи на небо, сказал: «Владыко Боже, Единородного Своего Отрока Отец, подай мне помощь, благоустрой путь мой, которым я иду в поисках их, чтобы прославилось Имя Твое Святое во веки. Аминь».

И, совершив молитву, продолжал путь.

Поэтому войдя в город Тарс и разузнав, что святые Христовы мученики подвизаются за Имя Господа нашего Иисуса Христа, [Вонифатий] сказал спутникам своим: «Братия, шедше, найдем гостиницу, и там дайте отдых животным; я же иду посмотреть на достолюбезных свидетелей [Веры Христовой], которых сильно люблю».

Придя же в народное собрание, он увидел святых свидетелей [Христовых] в мучениях. Один висел вниз головой над разведенным огнем; иной обезображен; иной распостерт на четырех деревьях; иной распилен палачом; иной с вывихнутыми назад руками и ногами, и таким образом рукоятками и палка-

ми был ударяем палачами; иной с отсеченными руками и ногами, и таким был оставлен. И таковые истязания были вообще лютой тьмой для любопытных: более же правильно сказать, что в них можно было видеть диавола побеждаемого, рабов же Божиих – увенчаемых.

Когда подошел Вонифатий, то стал целовать святых свидетелей [Христовых], находящихся в мучениях, – мужей числом двадцать – и, возвысив голос, сказал: «Велик Бог Христианский! Велик Бог святых мучеников! Молю вас, рабы Христовы, помолиться обо мне Богу, чтобы и я стал соучастником ваших подвигов против диавола!».

И, припав к ногам святых мучеников, обнимал их, лобызая и говоря: «Подвизайтесь, страдальцы Христа и мученики, и попирайте диавола! Немного потерпите, чтобы принять вам венец. Мал труд, и многое упокоение: непродолжительна пытка, и невыразимо последующее. На земли пытается тело палачами, а в будущий век оно прославляется Ангелами».

Правитель же устремил взор на толпу и, увидев его, сказал: «Кто это такой, не выказывающий нам почтения и говорящий такое о богах? Приведите его на наш суд».

И спросил его правитель: «Скажи ты, кем являешься; ибо ты отверг суд [наш]».

Святой Вонифатий отвечал: «Я Христианин и, имея Владыку Христа, отвергаю тебя и суд твой».

Начальник произнес: «Скажи, как твое имя?»

Он же отвечал: «Уже сказал тебе, что я Христианин. Если же хочешь узнать мое имя, [данное мне родителями], то зовусь я Вонифатием».

Начальник же сказал: «Прежде чем я [отдам повеление] прикоснуться к твоей плоти, приступи и принеси жертву богам!».

Вонифатий отвечал: «Сказал уже тебе, что я Христианин! Христов раб есмь, и не приношу жертву демонам. Итак, если что желаешь творить, твори скорее. Тебе предлежит тело мое».

Правитель, разгневавшись, повелел повесить его вверх ногами и усердно строгать. И столь строгали его мучители, что обнажились и кости его. Святой же мученик на это не отвечал, но устремлял глаза на [других] святых мучеников. И повелел правитель прекратить его истязания.

По прошествии же часа говорит к нему начальник: «Принеси жертву, несчастный, и пожалей сам себя!».

Святой же отвечал: «Не стыдишься ли, преступнейший, говоря мне принести жертву, мне не терпящему даже слышать о пустых и погибших идолах?».

И расвирепев, правитель повелел приготовить острые иглы и вонзить их под его [Вонифатия,] ногти. Но святой, возрев на небо, невозмутимо терпел боль. Когда же правитель увидел, что Вонифатий не чувствовал мучений, он повелел раскрыть ему уста и вливать в них расплавленное олово. Блаженный же борец Христов, возрев на небо, молился, говоря: «Благодарю Тебя, Владыко Иисусе Христе, Сыне Божий, и молюсь, прииди, чтобы укрепить меня, и облег-

чи эти мои труды, и не попусти мне уступить этому скверному правителю! Ты знаешь, что я так страдаю за Имя Твое Святое».

И, завершив молитву, Вонифатий возопил к святым мученикам, говоря: «Молю вас, рабы Христовы, помолитесь за меня ко Христу, ради Которого я подвизаюсь!».

И святые как едиными устами сказали: «Господь наш Иисус Христос Сам пошлет Ангела Своего, и избавит тебя от сквернейшего этого судьи, дабы ты завершил течение свое в Господе».

И когда они это сказали, то остыло олово и нисколько не причинило святому вреда.

И было восклицание множества, говорящих единым гласом: «Велик Бог Христиан! Велик Бог рабов Его. Сыне Божий, спаси нас! Ибо мы все в Тебя веруем и к Тебе прибегаем».

И подвигся весь народ, и сокрушил судилище, и правителя забросал камнями. Начальник же, видя волнение, встав, удалился, убоявшись толпы.

Утром же, сев опять на судейском месте, он повелел привести святого. Когда же тот предстал пред ним, обратился судья к нему: «Почему, жалкий, так беснуешься, имея свою надежду на Человека, на Сего распятого иудеями как злодея?».

Святой же Христов мученик произнес: «Замкни и не отвержай скверные свои уста, помраченный умом⁶: Ведь Владыко мой Иисус Христос это терпел, желая спасти род человеческий».

Правитель же, разгневавшись, повелел наполнить котел смолою и, растопив смолу, ввергнуть туда святого вниз головой. Святой же Христов мученик, сотворив знамение Христово⁷, был вброшен в котел: но Ангел Господень, сойдя с неба, прикоснулся к котлу, и он тотчас разрушился словно воск и попалил нечестивых мужей около пятидесяти.

Тогда начальник, убоявшись силы Христовой, удивлялся мужеству мученика и повелел мечем отсечь его главу, сказав: «Сему, не повиновавшемуся ни законам царя, ни подчинившемуся моему приказанию, наша власть повелевает претерпеть наказание усекновением главы».

Сопровождающие воины со всякой поспешностью взяли его от судилища. Святой же Христов мученик испросил у мучителей, чтобы дали ему малое время помолиться. И обратившись на восток, он молился, говоря: «Господи, Боже Вседержитель, Отче Господа нашего Иисуса Христа, помоги рабу Твоему, и прими мою душу в мире. Да не воспрепятствует мне скверный и кровожадный змий; да не поразит меня в лукавстве своем; да не прельстит меня во лжи своей по причине мною содеянных в жизни этой грехов. Но упокой меня вместе со святыми Твоими мучениками и народ Твой избави от всякой скорби. Ибо Тебе подобает слава и поклонение во веки. Аминь».

И когда он закончил молитву, то был усечен палачом, и из раны его изошли кровь и молоко, так что все, возвысив гласы, воскликнули: «Слава Тебе, Иисусе Христе, таковую благодать дающий любящим Тебя!».

И уверовали в Господа многие мужи.

Обходили же друзья Вонифатия [город] и искали его. И не найдя, начали говорить между собой: «Он ныне, верно, возлежит и веселится в непотребном доме или в харчевне, а мы напрасно обходим и ищем его повсюду».

Когда же они так размышляли, случилось им встретить брата комментарисия⁸, и спросили его: «Не видел ли ты здесь одного странника [из Рима]?».

Тот же ответил: «[Вчера некий] чужестранец пострадал за Христа и усечен во главу».

Они спросили его: «Где же он?».

«На ристалище», – ответил он. Тогда [сам, в свой черед, он] спрашивает их: «А каковы его приметы?».

Они описали его: «Он невелик ростом, имеет рыжие волосы, носит короткий плащ».

«Наверное, он есть тот, которого вы ищете, – сказал он им, – кто был [недавно здесь] замучен».

Они же не поверили и говорили ему: «Тот, кого мы ищем, – распутник и пьяница, и это, как известно, не делает мучеником!».

Но брат комментарисия сказал им: «Почему бы вам самим не отправиться на ристалище и не поглядеть на него?».

Услышав это, последовали они за ним до места, где проходила борьба, и он показал им лежащее его тело. И сказали ему молодые рабы: «Просим тебя, покажи нам главу его».

И, отошед, он принес им и главу мученика. Лик же святого⁹, увидев товарищей своих, улыбнулся им в Духе Святом: и признав его, друзья оплакивали его горько и говорили: «Не вмени нам во грех, что столько говорили против тебя, раб Христов!».

Затем сказали они начальнику: «Сей есть тот, кого мы ищем, но просим тебя, отдай нам его!».

На что начальник им отвечал: «Не могу вам отдать мощи даром».

И, дав ему достаточно злата, они взяли мощи святого мученика Вонифатия, помазав его различными благовониями и повив плащаницами, положили в ковчег, и отправились в путь свой, радуясь и прославляя Бога о совершении¹⁰ святого мученика.

Ангел же Господень [в это время] явился к госпоже его Аглаиде, сказав: «Приими же некогда твоего раба, ныне же мученика Христова и нашего брата и сослужителя: прими как господина и упокой его достойно: ибо ради него будут прощены все твои грехи».

И восстав Аглаида с трепетом, созвала почтенных клириков, и с молитвами и с восковыми свечами отправилась навстречу мощам святого. И она поместила их на расстоянии пятидесяти стадий от города Рима, построив молитвенный дом, достойный страданий его, в котором доньше прогоняются демоны и изгоняется всякая болезнь молитвами святого мученика Вонифатия.

Блаженная же Аглаида отреклась от мира, и все свое имение раздала ни-

щим, и посвятила себя вместе с ее служанками целомудрию и воздержанию, и сделалась настолько честной, что получила от Бога благодать изгонять бесов.

Пожив же в подвижнических трудах лет пятнадцать, так она скончалась¹¹. Ходатайствовал ведь за нее святой мученик, достойно подвизавшийся во славу Христа истинного Бога нашего, Которому слава и держава со безначальным Его Отцом и со Всесвятым Его Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иез. 18, 23.

² Лк. 5, 32.

³ Ис. 30, 15.

⁴ Иов. 11, 13.

⁵ Фил. 2, 7.

⁶ «Ибо кто не ожидает Воскресения и не верит в него, тому лучше было бы не родиться. Как назову тебя, помраченный умом?». Св. Ефрем Сирин. «Об утверждающих, что нет Воскресения».

⁷ τὴν ἐν Χριστῷ σφραγῖδα.

⁸ *Комментарий* – начальник над тюрьмами в Рим-

ской империи и делопроизводитель при судебных процессах, производивший предварительные расследования над обвиняемыми, особенно над христианами мучениками.

⁹ ἡ ὄψις τοῦ ἁγίου.

¹⁰ *...Седьмь дней, дондеже день скончается, день совершения вашего. В седмь бо дней совершите руки ваша* (Лев. 8, 1).

¹¹ В житии святых свт. Димитрия Ростовского говорится о 18 годах, проведенных Аглаидой в покаянии. У Мегафраста же, как и у св. Ефрема, говорится о 15 годах (PG. 115. P. 257).

О воспитании детей. О таинстве исповеди

О воспитании детей

Горюете о детях. На то вы мать, чтоб о детях горевать. Но приложите к гореванию молитву... И Господь устроит детей. Поминайте мать блаженного Августина. Плакала-плакала, молилась-молилась! И вымолила, и выплакала, что Августин опомнился – и стал, как следует быть.

Свят. Феофан Затворник (1815–1894)

Молитва только и может преобразить человека, особенно молитва родительская. Родители, не молящиеся за своих детей, совершают преступление.

Архим. Борис (Холчев) (1895–1971)

Человек дает ребенку свою плоть. Бог вкладывает в него душу. Бог дает каждому человеку Ангела Хранителя, который помогает ему на протяжении всей его жизни... Своим детям помогайте до определенного момента, после вверяйте их Богу... Многие люди видели своего Ангела. Стоит увидеть его, и не захочешь ничего другого! Маленькие дети, когда смеются, видят своих Ангелов Хранителей.

Вы должны научить маленьких детей молиться, потому что их слышит Бог. Но чтобы молитва вошла в их сердце, она должна быть сердечной, а если не такова, то не приносит пользы. Сколько можете, учите детей добру сейчас, пока они маленькие, чтобы и они поняли, в чем заключается главный смысл жизни.

Слова афонских старцев, переданные архим. Иоанникием (Коцонисом)

Для воспитания детей – самое важное, чтобы они видели своих родителей живущими большой внутренней жизнью.

Почему так важны впечатления детства? Почему важно торопиться наполнить сердце и ум ребенка светом и добром с самого раннего возраста? В детстве – сила доверия, простота, мягкость, способность к умилению, к состраданию, сила воображения, отсутствие жестокости и окамененности. Это именно та почва, в которой посеянное дает урожай в 30, 60 и 100 крат. Потом, когда уже окаменеет, очерствеет

душа, воспринятое в детстве может снова очистить, спасти человека. Оттого так важно держать детей ближе к Церкви – это напитает их на всю жизнь.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Помню один разговор с Камю*. Он спросил, как, по-моему, уместно ли ему, атеисту, посылать детей на первое причастие. Это произошло сразу же после моего визита в Базель к Карлу Ясперсу**, которому я задал вопрос о католическом воспитании детей. Ясперс ответил мне, что сам он протестант и к католицизму относится неприязненно, но детей следует воспитывать в духе своей религии, чтобы приобщить их к библейской традиции, а потом они сами сделают выбор. Приблизительно таким был смысл и моего ответа Камю.

Чеслав Милош (1911–2004)

О таинстве исповеди

Между страстными бывает один страстнее другого, и некоторые самые скверны свои исповедают со сладострастием и услаждением.

Преп. Иоанн Лествичник (VI–VII вв.)

В исповеди слабая память не оправдание; забывчивость – от невнимания, несерьезности, черствости, нечувствительности к греху. Грех, тяготящий совесть, не забудется.

Общее обыкновение – не говорить о грехах против 7-й заповеди, как будто это не относится к исповеди – это, де, моя частная жизнь; многие, живущие в незаконных связях, и не упоминают о них, пока не спросишь, считая это дело вполне естественным.

Есть религиозность, тесно спутанная с эмоциями эстетическими, сентиментальными, страстными, легко уживающаяся с эгоизмом, тщеславием, чувственностью. Люди этого типа ищут похвалы и хорошего мнения о них духовника, исповедь их очень трудна, так как они приходят на исповедь, чтобы пожаловаться на других, поплакать, они полны собой, легко обвиняют других. Недоброкачество их религиозной экзальтации лучше всего доказывается легким переходом к раздражительности и злобе. Люди этого типа дальше от возможности настоящего покаяния, чем самые закоренелые грешники.

Иерей Александр Ельчанинов

Каждая исповедь должна быть такой, как будто это – последняя исповедь в нашей жизни... потому что всякая встреча с Господом, с Живым нашим Богом – предварение последнего, окончательного, решающего нашу судьбу суда.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

* Альбер Камю (1913–1960) – французский философ и писатель, атеист.

** Карл Ясперс (1883–1969) – немецкий философ.

В чем смысл исповеди, такой, какой существует и практикуется она сейчас? <...> В ней очевиднее всего метаморфоза христианства, Церкви. Церковь родилась как реальность, противостоящая и внешне, видимо, и еще больше – внутренне, невидимо, – миру сему. Метаморфоза же ее заключается в том, что она стала постепенно, а теперь уже и окончательно – религиозным «обслуживанием» мира. Изначально таинство покаяния было целиком сосредоточено на одном: на измене Церкви, то есть воплощаемой и являемой ею реальности. Грех осознавался прежде всего как измена «новой жизни», выпадение из нее. Он был разрывом, отпадением, предательством, так же как святость понималась не как «нравственное совершенство», а как «онтологически» верность Христу и Его Царству. Нравственное учение Евангелия – эсхатологично, а не «этично». Сущность греха – не просто нарушение «закона», а отпадение от Бога и от жизни, от подлинного «вожделения». И, во-вторых, сущность его для христиан как измены Христу, отпадения от Него и от Церкви как Им данной жизни. Таким образом, таинство покаяния – это возврат, это возвращение, путем раскаяния, в «новую жизнь», уже данную, уже явленную...

Современная исповедь обращена, однако, не на то, не в этом суть ее, а в некоем «моральном» регулировании жизни в «мире сем», регулировании его собственных «законов». Иными словами, таинство покаяния было вначале отнесено не к нравственному закону, а к вере и к греху как отпадению от веры («верующий в Него не грешит»^{*}). Теперешняя исповедь есть разговор о нарушениях «нравственного закона», о слабостях и греховности, но без «отнесенности» к вере. И ответ в нем – не о Христе, а что-то вроде «старайтесь побольше молиться...», «боритесь с искушениями...».

Как и все в христианстве, таинство покаяния – эсхатологично. Оно есть возврат человека в вожделенное Царство, в «жизнь будущего века». А чем стало оно – я просто не знаю, и как, в каких «категориях» понимать и объяснять это «разрешение грехов» после трехминутного разговора о «слабостях» – тоже не знаю.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Когда человек ко мне приходит со своим грехом, я этот грех воспринимаю как свой, потому что этот человек и я – едины. И те грехи, которые он совершил действием, я непременно совершил мыслью, или желанием, или поползновением. И поэтому я переживаю его исповедь как свою собственную. Я иду ступенька за ступенькой в глубины его мрака. Когда я дохожу до самой глубины, я связываю его душу со своей и каюсь всеми силами своей души в грехах, которые он исповедует и которые я признаю за свои. Он тогда становится охвачен моим покаянием и не может не каяться. Он выходит освобожденным, а я по-новому каюсь в своих грехах, потому что мы с ним едины сострадательной любовью.

Слова неназванного священника, переданные митр. Антонием Сурожским

---

^{*} 1 Ин. 3, 6.

«Царство Божие – здесь»

Избранные записи в Фейсбуке последних лет

Древние греки говорили: «Если хочешь быть сильным – бегай, хочешь быть красивым – бегай, хочешь быть умным – бегай».
Ангел добавил: «Бегай людей – и спасешься».

Сколь многое говорят о людях – в маршрутке, на улице, всюду – позывные их мобильных!..

Если бы я написал когда-нибудь книгу «Светские святые», то непременно написал бы про Гумилева и его школу поэтов.

Про гулкие залы во вдавленном в мерзлый кал Петрограде, про собирающихся на литературные вечера поэтов и их читателей, пришедших слушать стихи, числом менее пальцев на отмороженной кисти, трясущихся от холода во фраках над быстро остывающим стаканом морковного чая, одним на всех...

Про то, что тьма внешняя – ничто перед светом внутренним.

Большой грех – маленький грех, смертный грех – несмертный грех...

Когда с трудом пробираешься по узенькой горной тропе над пропастью, какая разница, что тебя уьет – огромный кусок скалы, сорвавшийся сверху, или маленький камешек в ботинке, заставивший твою ногу сорваться с тропы.

Мне кажется, мы (христиане) до сих пор не очень понимаем, в чем суть дела с прославлением во святых царя Николая.

Сколько бурной волны вокруг всего этого было нагнано, помните? От дремучего царебожия – до резкой критики и хулы.

«Он курил!.. Он выпивал!..» – смешно. Слово святые рождаются, как киндер-сюрпризы, в прочной целлулоидной капсуле, охраняющей от грехов и немощей.

«Распутин!..» Как будто в этом мире есть хоть одна медаль без оборотной сто-

роны, хоть одна дорога без грязи и колдобин, хоть одно лекарство без побочных вредных последствий...

«Он был плохой правитель!.. Он дал развалиться России!..» – и это тут, в общем, не очень-то при чем. Церковные святцы – не гражданские. Да и много ли мы, к слову, знаем хороших правителей?.. Хороший – это какой?.. Тот, что сделал свою страну на какой-то срок авторитетной на международной арене? Сталин, Ксеркс, Бонапарт, Гитлер? Или (ближе к христианскому представлению) добрый к своим подданным?.. Затрудняюсь назвать имя – разве что Мальчик-Звезда из последнего абзаца сказки Уайльда (и тот правил недолго, а преемник его, как сказано, был тираном).

По-моему, смысл тут такой: человек, становясь христианином не по внешности, а по-настоящему, неизбежно вступает в конфликт с миром сим, гоним миром, берет на себя тяжелейший крест – именно не властвования и управления, а сохранения себя как христианина. А власть – одно из мест мира сего, где сохраниться как христианину невыносимо тяжело, где этот конфликт проявляется наиболее ярко, потому что нет больших антагонистов, чем власть кесаря – и власть Христа. «В мире будете иметь скорбь» – эти слова наглядно сбываются на любом властителе, прославленном во святых, а наглядность – как раз и есть одна из задач канонизации.

И этот смысл актуален для всех нас, считающих себя христианами, актуален всегда и особенно сегодня.

Люблю эту икону – Петр и Павел обнялись.

Рыбак и фарисей, простец и образованнейший знаток Закона, галилейский сельчанин, плоть от плоти лилий полевых, и горожанин, гражданин гигантского, на полмира, мегаполиса (кеды-рюкзачок-айфон-айпад, какая разница, в Москве я, в Питере, в Саратове, в Нью-Йорке, среда обитания одна и та же – поле вай-фая... Отец Мень писал, что в писаниях Павла мы не найдем упоминания о природе, он ее не замечал) – разные.

Но – вместе.

Единые в любви к Христу.

Символ Церкви: как бы мы все ни грызлись, патриоты – космополиты, простецы – мудрецы, консерваторы – либералы, Церковь заключает в свои объятия – всех.

Рассказали: на вопрос, чего нельзя допускать в поэзии, Александр Аронов* отвечал: «Врать и говорить правду».

Движемся ли мы вверх или вниз – видимо, скорее вопрос веры, чем некоего «объективного знания»...

В связи с этим думаю: страдания и скорби души – признак не только жизни (мертвое – не болит), но и признак нашего роста, изменения (сознаваемого, видимого нами, или не очень) – со ступени на ступень, из силы в силу.

Так режется зуб, до поры – причиняя боль.

* Александр Аронов (1934–2001) – поэт, журналист. (Здесь и далее прим. ВС.)

Побираясь в вагоне метро, небольшая, лучащаяся миром старушка тоненько, дребезжаще мелодично поет «Святый Боже» и «Царицу Препоблагу». На поданную денежку – сказала мне: «Да ничего, милоч. Ты только помни, что на всё – Его святая воля. А смерти нет. Все мы живы». Сказала так просто и уверенно, что я не мог с ней не согласиться.

На исповеди:

Лихорадочно роется в сумочке, на ресницах повисают крупные слезы...

– Что случилось?

– Грехи дома забыыыыылаааа!..

(Сразу на ум – классический сарказм школьного учителя: «А голову не забыла?» Или так: «Где грехи?» – «Дома...» – «У меня дома – дойная корова!.. Марш за грехами! И чтоб пришла с родителями!..» И так далее.)

НЕДЕЛЯ О СЛЕПОМ

Вековечный вопрос: «За что?!»

Готовый ответ: «Дети болеют за...»

Господь проигнорировал вековечный вопрос.

И задался другим: что делать?

И немедленно исцелил слепого.

Побывал на фотовыставке.

Зал «Животные, у которых нет шеи» полон восторженных зевак.

В зале «Люди, у которых есть мозги», пусто...

Как иногда понять, что Бог есть любовь, пока не испытаешь, что Он есть правда и гнев.

Как понять это нам, для которых «я люблю» чаще всего означает «я нестерпимо хочу».

На исповеди.

Достаёт привычным жестом листочек с грехами, вздыхает: «Одни и те же, одни и те же... Думаю, листочек можно заламинировать для удобства...»

Два верстовых растения, два ствола в заснеженном пространстве начала прошлого века – «Распад атома» Иванова и «Записки Мальте Лауридса Бригге» Рильке... И то, и другое корнями растут из христианства, цветут его цветом, болеют его тлей и грибками, одной зимой застаны, одним снегом засыпаны.

И там, и там – рассматривание содержимого мусорного ведра, освещенного неотменимыми лучами предстоящей тьмы, вопрошенного ее гулками вопросами... Только вот после «Мальте» – как хочется жить, как крепнет сердце, какая надежда.

Как по-разному свет Христов преломляется в толще человеческого стекла, наспех и толсто напластованного, с песком отлитого!..

Интимные отношения: либерализм – защита человека от Бога, фундаментализм – защита Бога от человека.

– Ох, батюшка, что-то веселюсь весь день!.. Это, наверно, грешно?

– Да нет, думаю, не грешно. Грешно – это когда среди веселья, бывает, вдруг получишь по носу от жизни – и сразу так сильно впадешь в обиду, обескураженность, маловерие, уныние, а главное – теряешь благодарность Богу, словно этот удар по носу куда фундаментальнее и главнее, чем веселье...

Вот это мне так понятно и близко – «всякое житейское отложим попечение»...

(И, к слову, мне так страшно бывает, когда Церковь и служба становится для меня – житейским попечением, а не «взят в руки целый мир, как яблоко простое»* ...).

Здесь у нас, в Сергиевом Посаде, на 9-м этаже – балкон.

Не балкон, а лоджия – метров шесть длиной.

Не застеклена (дорого).

Зато летом хорошо, или вот в такие дни, как сегодня...

Прямо перед глазами, как в раме, всю ночь – Большая Медведица.

И – особая тонкая грусть – далекий самолет, время от времени медленно мигает, подает сигналы нам, которые внизу: «Вы живы? мы – живы... мы летим».

Думаю вот о чем: ум, рацио – чего часть, тела или души?

Если тела – то и сгниет, и ляд бы с ним, с тленным-то.

А если души – то почему душа часто бывает безмозглая?

Во сне, например.

Прямо всё ее во сне «впечатляет»; всякая дребедень – как откровение; а проснешься – тьфу, да и всё.

Где во сне – рацио? Где ум?..

Еще думаю: апостольское зачало** было из второго послания к коринфянам (то-то общинка проела печень ее основателю и отцу духовному!..), то место, где Павел просил у Бога отнять у него немощь, а Бог ему: успокойся, мол, сила Моя в твоей немощи совершается.

Что такое моя немощь, думаю я? Это такая пустота в том месте, где должны быть мои силы. А когда много моих сил – так распирает, что Христу и протиснуться некуда. А почему эта моя сила – такая дурная? А потому что она – инструмент, а в руках-то он у кого? У того, кто в сердце сидит. А там, в сердце, такой гадюшник...

Это словно бы мощный автомобиль – а за рулем пьяный водитель... Нет уж, говорит Бог. Дай-ка ключи и вылезай из-за руля, лучше Я поведу.

От греха подальше.

Пока не протрезвешь.

* Строка из стихотворения О. Мандельштама «Вот дароносица, как солнце золотое...»

** Зачало – часть текста Евангелия или Апостола, предназначенная для богослужебного чтения в церкви в тот или иной день года.

Умилил на причастии один младенец.

Года, наверно, полтора, не более.

Увидев чашу, еще издали вытянулся к ней во всю свою длину (торчал стоймя у папы на руках, а вытянулся – и папа еле удержал его за коленки) и разинул глаза и рот во всю ширь, как жулан.

А причастившись, тут же опять вытянулся и поцеловал чашу в верхнюю часть, да так смачно, что иного выражения, как «влепил поцелуй», и не подберешь.

Контрастный душ, или как там это называется – разрыв шаблона...

Это, например, когда в течение каких-нибудь пятнадцати минут один радостно и взволнованно говорит, что вот у него сию минуту жена в роддоме рождает долгожданного ребенка – а тут же другая подходит: «Благословите сделать аборт»...

Архимандрит Софроний (Сахаров), из книги «Рождение в Царство непоколебимое»:

«Нет сомнений, что христианский персонализм представляет собою исключительное совершенство, и как таковое трудно постигаем.

Современный коммунизм – также есть отрицание персонализма. Взяв некоторые из положений Христа и отбросив другие, более существенные, марксисты невероятно снизили понятие о человеке. Их антропология весьма приближена к зоологии. Как образ Абсолютного, человек является ценностью, высшей, чем весь остальной космос, и единая человеческая личность, достигшая предельно возможного познания Вечного Бога, изменяет достоинство всей земли.

Думаю: разве тут речь только о том, что мы в России разумеем, если произносят «коммунизм» или «коммунисты»?

Нет, конечно.

Коммунизм (имею в виду не Маркса или конкретные политические и исторические реалии разных стран и периодов, а сам дух) основательно отравил христианский мир.

Современная антропология – неважно какая, либеральная, противоположная ей, религиозная ли, – тоже, увы, приближена к зоологической... За любым хором идеологических витий, орущих, взывающих, обличающих, резонирующих, нападающих, защищающихся – слышен один и тот же подтекст: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб».

Предновогоднее.

Вошел вчера в метро – в вагоне пахнет мандаринами.

Стоит у входа мужик – типичный бык-боевик из 90-х: мощная красная шея, стрижка ежиком, боксерский сдвинутый нос, мощные челюсти катают жвачку, выражение глаз соответствующее, кожаная короткая куртка, голдовая гайка на крепком пальце... Поднял взгляд на вагон, окинул его скучающе – и опять опустил. Пригляделся я: в книжку опустил. Еще пригляделся к обложке: Гоголь, «Миргород». Так-то... Не суди по внешности.

За ночь потеплело. Утром выношу мусор – две дамы средних лет и собачка у мусорного бака. Обрывок разговора: «Да ну его, я его и не включала... Чего там смотреть? Одни легенды ретро на всех каналах, старичье чуть живое... всякие сисикетчи с кутуньями и чингисханами под фанеру морщинами трясут... жутко... ночь живых мертвецов...» – «А мне их жалко... притащили их из домов престарелых в Россию... где они еще нужны, где их помнят, кроме как у нас...»

Собачка в кислотно-фиолетовой попонке нюхала мусорный бак и мелко тряслась в снегу на тонких своих паучьих ножках.

Посмотрел я ввысь, прислушался... поют где-то. Далеко и тихо, но явственно.

Там, за снежным покрывалом, весело трещит золотая огненная печь, и радостно поет трио под управлением ангела: «Благословите Его, снег и мороз, скорбь и веселье, год ушедший и год пришедший, вчерашние слезы и завтрашняя любовь, благословите, вся дела Господня, Господа».

Господи, пожалуйста, пошли прямо сейчас Твоих ангелов тишины, мира, отдохновения – ко всем тем, кто сию минуту мучается и мается муками души и тела, кому сейчас больно, тошно, одиноко, безверно, уныло и страшно. Господи, приведи всех нас в чувство, память и жизнь – всех, кто разъединен и не в силах помочь друг другу, кто бессилен, немощен и ничтожен.

Всем нам, дорогие православные братья и сестры, знакомо – из всяких книжек, из проповедей батюшек и проч. – выражение-повеление: «сохранить чистоту своих крещальных риз».

Оно так.

Только я, например, даже не думал, а сегодня задумался: ризы-то эти – одежда не столько праздничная, сколько рабочая.

Крещение – не итог, но начало.

Шел со службы, случайно встретились с прихожанкой. Замечательная старушка!.. Далеко за 70, пережила перелом шейки бедра, но – бодря, всюду ходит с палочкой.

Остановились, говорили о том да о сем...

Она рассказывала о своем детстве, которое всё прошло в коммуналке, в доме неподалеку, теперь уж давно не жилком (окрестности Дома композиторов). И не о том, как можно было бы предположить, что де вот как не в лучшую сторону изменилась Москва, никаких жалоб и всего такого, – а просто о жизни...

Рассказывала о своей маме, происходящей из породы, которая называется «теперь таких почти не делают»; о том, что, когда соседку по коммуналке врачи отправляли подлечиться, а та отказывалась, потому что одна и четверо детей, эта мама безапелляционно сказала: «Поезжай непременно. А детей я пока к себе возьму... Ну и что, что четверо? Справлюсь. Просто, когда буду варить суп на своих пятерых, добавлю туда лишних пол-литра воды – на всех хватит!..».

И еще, когда говорили о том, каково быть несовременным, каково вписаться/ не вписаться в ту или иную среду, пришли к мысли: у каждого из нас в жизни есть данная от Бога уникальная, замечательная возможность – оставаться самим собой.

Одна прихожанка взволнованно говорит мне: «Я так переживаю, наверно чем-то нагрешила – во время службы вы на меня не смотрели!..». А другая сказала мне, тоже взволнованно: «Во время проповеди вы всё время на меня смотрели – я переживаю, может, я умру?..».

Вот и пойми.

Может, солнцезащитные очки надевать?..

Поэзия – вечна и победительна.

Только вот поэт – слаб, немощен и стареющ...

Притча о блудном сыне; наши домыслы о ней: младший – то, старший – сё...

И младший – не образец (вот отъестся в отчем доме – да и, поди, опять за старое, свинью ведь сколько апельсинами ни корми, она всё в рожцы смотрит?..), и старший – не «отрицательный персонаж», но любящий отца и послушный ему трудыга; но притча, видится, не об этом.

Об этом, человеческом, ежели домысливать да притчами причитывать – конца-краю не будет.

Она – о другом. О данном ясно и недвусмысленно *здесь-и-сейчас*, не грядущем в туманном будущем, не выискиваемом в прошлом: в вечном. Обнаруживаемом во времени, в его суете и быстротечной тленности – вечном.

О неизменной милости и любви Отца.

Чего-то вдруг вспомнил ни к селу ни к городу...

В оные дни моего первосвященства (когда то есть я только-только стал священником) освящал я дом. По всем комнатам мы, как положено, поставили свечи, а поскольку подсвечников не было, то поставили свечи в пластмассовые стаканчики. Свечи горели во все время освящения, потом мы их погасили, а одну – в комнате, где жил сын хозяйки, – забыли... После освящения мы предались увлекательной никодимовой беседе, из серии: «2538 недоуменных вопросов к батюшке». Беседу нашу прервал запах гари: непотушенная свеча, догорая, расплавила стаканчик и подожгла письменный стол. Стол мы погасили. Мне, помнится, было страшно стрёмно за свою рассеянность, но хозяйка (неофитка) была просто счастлива. «Вот!! – говорила она. – Это потому, что он у себя в комнате слушает этот бесовский рок металлический!!.. Вот, говорила я ему, – вот оно и доказательство!.. Не терпят бесы святыни!».

Говорили о чуде.

Урс фон Бальтазар: «Чудо – слово для глухих».

Или слова Наталии Трауберг о том, что мы не понимаем происходящих собы-

тий, в том числе чудес, потому что смотрим с изнанки и видим узелки и торчащие нитки, но если зайти с лицевой стороны, мы увидим, что ангел вышивает полный смысла и красоты узор.

Вспомнил – давно это было – двух горячих православных-неофитов, художников, которые как-то келейно выпивали и один другому сломал руку в пылу разговора о том, чем отличается Ефрем Сирин от Исаака Сирина.

Вселенская родительская суббота.

Господи, дай мне радость встречи с теми из них, кого люблю и помню... И трижды любви и мужества – встретить тех, кого мнил исчезнувшими с глаз долой и из сердца вон.

Прости мою глупость: я воображал, что наша жизнь не вечна.

На вокзале – платные туалеты, на одной двери табличка: «Для людей с ограниченными возможностями».

Подходит мужик, на вид – вылитый Велюров, явно с похмелья, глаза как у спаниеля... «Нельзя ли мне, в виде исключения? Я как раз в возможностях ограничен – нет денег...»

Такова была мощь его обаяния, что дама-контролер растаяла и пустила.

Вчера в беседе возникло: «Надо срочно подумать, что Церковь сегодня может дать обществу!..» Автоматически в голове – как ряд костяшек домино, одна за другой – всякое знакомое с приставкой «христианское»: миссия, благотворительность, культура, etc...

Думаю: да все уже, что могла в *этом* отношении Церковь, дала миру за две тысячи лет. И процвела уже многообразная христианская цивилизация, и отцвела, и вторично процвела... Одно неизменно актуально остается: весть о том, что Царство Божие – здесь (для немногих имеющих уши слышать). И что – любить Бога и – наипаче, на практике, для мира – ближнего (сия целина всегда непахана – со всяким новым человеком, рождающимся на свет).

Народ, государство; народность, государственность... Как совместить – с христианством?

Не знаю.

Думаю: христиане (предвижу болезненно бесконечную прю о том, кто именно суть христиане, но это, увы, наверно, неизбежно) – и есть уже *новый* народ, и Царство Христово – *новое* государство, но именно что – «новое».

На совершенно *иных* основаниях, чем основания народов и государств. Генетически иных.

Павел Евдокимов* в главе «Православия», посвященной таинству исповеди, го-

* Павел Евдокимов (1901–1970) – писатель, философ и богослов русского зарубежья, преподаватель Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, доктор философии и богословия.

ворит об этом таинстве (разумея весь процесс, а не только момент разрешительной молитвы у аналоя), как о хирургическом действии над одиночеством, в которое ввергает душу грех: «...Провести операцию над смертельным одиночеством, чтобы восстановить течение общения».

И еще очень важно: как быть с тоской по утерянной невинности, с угрызениями *после* исповеди: «Снова стать свободным означает уметь использовать свое прошлое для созидания настоящего, иметь возможность преодолевать свое прошлое как автоматическую причину нашего состояния».

А было вчера – Торжество Православия.

И вот о чем можно сказать, как именно торжествует Православие?

А оно ведь таки торжествует.

Прежде всего, тем, что торжество Православия есть торжество правды Христовой.

Любви и правды, неотделимых друг от друга.

И сие торжество есть, несомненно, – победа над идолами.

Идолами мира сего: успеха, силы, правды, государственности, мощи и прочего.

И внутренние идолы: гордыни, самосуда, неверия, усталости-цинизма...

Идолы ведь страшны чем? Тем, что они требуют себе – жертв.

Служа идолу, приносишь в жертву – своих близких, друзей, или – свое, то, что есть в тебе лучшего.

Наш Бог – Он другой: Он сам принес Себя в жертву, и от нас ничего не требует. Кроме (не Он требует, но это важно) – благодарности.

«Милость мира, жертву хваления»*. Вот это и есть жертва – наша благодарность за всё. (А как я знаю по себе и по отзывам людей, это очень тяжелая жертва).

В тех, кто любит Христа и заповеди Его, – не просто подчиняется, но *любит*, – в тех и есть торжество Православия.

«Нет мудрее и прекрасней средства от тревог,

чем ночная песня шин.

Длинной-длинной серой ниткой стоптанных дорог

штопаем ранения души...»**

Как мне это понятно и знакомо.

У дальних дорог действительно каким-то неведомым образом есть это свойство – так или сяк врачевать прошлое (врачевать, примечу, хотя и явственно, но довольно грубо, именно «штопать», сшивать надежными, но грубыми стежками, суровой ниткой, цыганской иглой; дороги в этом смысле – не косметический нейрохирург, а добротный деревенский ветеринар...).

Как же это, Господи! спрашивал я не раз, – домашний рефлексивный мальчик-книголюб, который всегда хотел оставаться дома; и вот ему, как назло, выпало

* Из анафоры (центральной молитвы Божественной литургии) свят. Иоанна Златоуста.

** Из песни Ю. Визбора «Ночная дорога».

большую часть жизни – дороги и дороги (даже и в армии-то служил – на БАМе, в железнодорожных войсках); и ветер весны пахнет углем и лизолом, и рюкзак – мой дом родной...

Но когда дорога рискует превратиться – в бегство, остро понимаешь: бежать некуда, мир мал. Бежать ты можешь, избежать – нет.

Господи, закон Твой – как оцет.

Только оцет паче меда устам моим.

Читаю опубликованную на «Правмире» беседу с о. Алексеем Уминским про исповедь, под названием «Может ли духовник ошибаться».

Дельная беседа. Дал и я на нее ссылку на своей странице в Фейсбуке, чтоб посещающие эту страницу тоже почитали, и в качестве эпиграфа поставил цитату: «Вообще, в духовном руководстве священник не берет ответственность за поступки другого человека. Он помогает человеку. Он может им руководить, давать пример, направлять...»

А потом долго сидел и думал: оно всё так, но что меня смущает в этой цитате, что, как заноза, не дает покоя?

И понял: слово «руководить».

К сожалению, за шестнадцать лет своего служения я немало насмотрелся на то, как помянутое «руководство» на практике превращается – в то, что называется «манипулирование».

Читающий спросит: но ведь ты и сам священник, ты-то избежал искушения манипулировать людьми?

Сложно ответить... Я не то чтобы «избежал» – а просто так получилось, что и сам никогда к этому не стремился, у меня были – и есть – другие интересы, и Бог меня, по Своей милости, от этого отвел. Но что такое искушение манипулировать доверившимся тебе человеком существует – знаю, и насколько оно сильно – понимаю.

Представьте себе: некий человек, обычнее всего – неофит, решил кардинально переменить свою жизнь, от разгула страстей и бесплодного поиска смысла своей жизни – пришел в Церковь, по зову Христа. И вот он пришел – и сразу же включился в православный дискурс, и начитался книг про «послушание», монашеских патериков и т.д. А тут ему еще и на приходе все время окружающие говорят, что «послушание паче поста и молитвы», и тут же включается внутри этого человека извечное падшее желание сложить с себя ответственность за свою жизнь (нам, людям советской генерации, это знакомо: «Сталин думает за нас!»), свой выбор и свои поступки (в беседе о. Алексея про это «сложение-с-себя» ответственности – немало сказано). Дескать, как хорошо, я-то да, грешник, но есть же наконец-то кто-то, кому «по должности положено» символизировать собою *правильность*.

Именно критерий «правильности» на первом месте у всех, оценивающих Церковь. Как у верующих, защищающих, зряче или слепо, всякое движение церковное как исконно «правильное», так и у нападающих на Церковь, ставящих ей на вид ту или иную «неправильность» ее членов, ту или иную «ошибочность» действий

ее институций. К слову: но вообще-то, ведь то, что само понятие «правильности» живо в сердцах людей, пусть оно и страшно искажено, пусть и превратно понимаемо и т.д., вселяет в меня, например, радость и надежду: как бы человека ни гнобил мир сей, как бы человек ни вел себя по-скотски, как бы ни пал ниже городской канализации, но раз он ищет «правды», раз чувствует, что вот да, я такой и сякой, но *надо мною* должна же быть Высшая Правда, – значит, не все потеряно, значит, жив Бог и жива душа наша!..

И вот человек, которого мы отныне именуем «прихожанином», то есть по отношению к клирикам неким «унтерменшем» (как тут не вспомнить знаменитый эпизод, рассказанный евангелистом Иоанном, про «профи»-священников, вынесших вердикт: «Этот народ невежда в законе, проклят он»^{*}), отдает себя в руки «спецов». Сколько мы знаем поломанных жизней – поломанных потому, что «батюшка не благословил любить эту женщину, а я полюбил; батюшка не благословил любить светскую культуру, а я не мог перестать» и т.д. И не только в переносном смысле: есть, увы, на счету совести этих «младостарцев» люди, не вынесшие послушания – и выбросившиеся из окна, вскрывшие себе вены, отчаянно сведшие счеты с той своей жизнью, которую их скороспелые духовники объявили «безблагодатной»... Есть. А оные «младостарцы» теперь учительно рассуждают, насколько позволительно поминать сих самоубийц... Страшно, родные мои. Мне, например, – страшно.

«Никто из нас другим не властелин, хотя поползновения зловещи...»^{**}

В данном контексте слова поэта для меня звучат ясно и верно, не менее ясно, чем слова Откровения Божия.

Для нас, священников, поползновение манипулировать людьми, тем более восплаемое, чем более покорными и «чающими движения воды» приходят к нам на исповедь или «за советом» главопреклоненные люди, – это искушение. Классическое искушение дьявола, искушение властью. Искушение вековое, глубинное, понятное – в ярком и ясном свете Евангелия – всякому.

Что делать, чтобы бороться с сим искушением?

Просить Бога о помощи – мы ведь не одни, Он всегда рядом с нами. Это – прежде всего.

Думаю, не более того, что предлагает нам Церковь, например, во дни Великого поста в молитве Ефрема Сирина: «Даруй ми, Боже, зрети *моя* прегрешения».

Моя.

Не чьи-то еще.

Вот это трезвое зрение своей падшести и грешности, о брате и сослужителе, когда мы смотрим на себя в зеркало, в тот редкий час, у каждого – свой, когда ни крест, ни ряса не защищают нашу «статусность» от света Правды, способно дать нам силы увидеть и тех, пред которыми мы поставлены священниками. наших прихожан, наших ближних.

Мы ясно видим, что мы, и священники, и прихожане, – сущностно *равны* пред Богом и Его судом. Не лучше и не хуже друг друга – но словно больные в огромной

^{*} Ин. 7, 49.

^{**} Из стихотворения Иосифа Бродского «Подсвечник».

больнице, в которой все страдают, и какая разница, болит ли у тебя рука, нога или еще какая-то часть тела...

Еще раз напомню – все, что я тут говорю, это не «вероучительное», но не более чем мои личные мысли и чувства.

Так вот. Я поступаю так: я сразу говорю пришедшему ко мне на исповедь или на беседу (есть и такое – человеку просто надо высказаться кому-то... Один мой собрат-священник говорит: «Многие не умеют каяться. Как только они ко мне подходят и говорят: «у меня ситуация» или «у меня проблема» – так сразу и знаю, что не ради исповеди они пришли, не в грехах каяться, а просто поговорить!..»), – что я ему не смогу помочь. В том смысле, что не владею секретом, волшебным словом, что я не гуру и не гендальф. Что мы *вместе* будем предстоять перед Богом, поскольку и я не более чем человек-грешник. И что тщетно от меня ждать чудесного «совета» – но мы будем вместе просить Бога о помощи.

Но – *вместе*.

Но ты, грешник, – не один.

То, что я скажу тебе, руководствуясь Евангелием, примером св. отцов и в чем-то просто своим опытом – не непререкаемое веление. Это просто мое соображение. Ты волен поступать – или не поступать по нему. Потому что у тебя есть Богоданная свобода выбора и свобода поступка. И именно этого добивается от тебя Бог – не столько того, чтоб ты вел себя «по правилам», сколько того, чтоб научился сам принимать решения и поступать по ним, то есть – чтоб стал соратником Богу. Если ты не принял наше совместное решение, если видишь, что слова батюшки превышают твою меру, – приди снова, мы это обсудим. Я всегда готов тебя встретить и выслушать, я тебя не отвергну, мы вместе перед Его Лицем. Я тебя не брошу – просто потому, что и меня, и нас вместе не бросает Христос. И втроем – ты, я и Он – мы что-то придумаем.

Я, ты знаешь, слаб, немощен и никчемн, хотя на мне ряса и крест. Я, слушая тебя, кое-как держусь сам за аналой, на котором лежат крест и Евангелие. Но мы – *вместе*. Христос незримо предстоит, приемля исповедание твое, как говорится в молитве перед исповедью. Он тут. И я могу только побыть с тобою рядом, набравшись терпения, выслушать тебя не только с твоими грехами, но и с теми самыми проблемами и ситуациями, посочувствовать, благословить тебя как моего брата или сестру и в лучшем случае препроводить тебя к Нему – просто потому, что Суд Божий для нас всех одинаков, и этот Суд начался и идет всегда. Уже сейчас. Сию минуту.

«Вот, они приходят на исповедь не каяться, а поговорить о проблемах и ситуациях, они просто хотят, чтоб их утешили!..» А что, утешение и простое внимание к человеку – так уж мало, братья-сослужители? Я вспоминаю слова исповедника и подвижника XX века о. Алексия Мечева: «Утешайте, утешайте народ Божий! Утешителем – Дух Святой назван».

(Продолжение следует.)

Николетта ПРОЗОРОВА

На улице Уездной

Ташкентский толстовец

Когда он появился у нас, на улице со староташкентским названием Уездная*, в десятиквартирном доме № 2 – неизвестно. Кажется – он был всегда. Представлялся кратко «Кузьмич». Старожилы, в том числе и мои родители, охотно опекали Кузьмича. Полного своего имени он не назвал, да никто и не спрашивал. Где он жил и как – не рассказывал. Это был просто «наш нищий Кузьмич». И не просто нищий, а как назвали бы сейчас – «нищий-профессионал». Пять дней в неделю он, не топясь, «обходил дозором владенья свои». Субботу и воскресенье отдыхал, как он говорил, в своей «храмине». На очередной сходке двора решили, что «храмина» – это его «обитель». Кузьмич был очень замкнут, поэтому вопросов не задавали. Обо всем узнали много позже...

Высокий лоб интеллигента, зоркий, все подмечающий взгляд из-под кустистых бровей, длинная «толстовская» борода, спокойная осанка бывалого человека. В то же время в Кузьмиче чувствовалась степенная кротость русского крестьянина, странника-нищего, каких было много на Руси. Носил он крестьянскую косоворотку, любимую графом Толстым периода «хождения в народ»; одежду дополняли порты и онучи, заправленные в высокие ботинки, застегнутые кнопками, которые любили трогать дети нашего двора.

Рассказывали, что, впервые появившись в нашем доме, он произнес скороговорку, ставшую знаменитой на всю Уездную: «Господь, господя, подь, подь, подподя – Христова», – и пока все молчали, тихо ушел. Ушел на несколько дней, которых нам хватило на ее «вольную» расшифровку: «Господа, господа – подайте, подайте ради Христа».

Вскоре наш Кузьмич появился снова. За плечами его покоилась торба и складной стульчик-«табурет», на зависть всей детворе. Сел на свой стульчик, открыл мешочек и достал оттуда так называемый «кирпичный чай» и кусочек сахара. Сердобольные хозяйки быстро принесли кипяток, хлеба и немного пирога, которые были приняты с поклоном. Чай пил долго и обстоятельно, вприкуску, а хлеб и пи-

* Позже была переименована в улицу Акмаля Икрамова. (Здесь и далее прим. ВС.)

рог аккуратно завернул в «тряпицу» и положил в мешок. Куда, кому и зачем?.. Вообще интерес к Кузьмичу не пропадал никогда.

Однажды он впервые пришел вечером и, нарушив свой обет молчания, начал говорить много и вдохновенно о «духоборцах» или «духоборах», прижимая к груди фотографию Толстого в скромной, но красивой рамке. Собрался весь наш двор, затем подошли и другие; в полной тишине звучал красивый баритон Кузьмича. Его рассказ был необычайно интересен. «Духоборцы» – это большая русская община, которая стала переселяться в Канаду. Толстой, поддерживая главную идею «духоборцев» – непротивления злу насилием, помогал их переселению в чужую страну, много сделал, чтобы они могли сохранить на чужбине русские обычаи и традиции. Весь же облик Кузьмича-оратора, его грамотно построенная речь заставляли поневоле усомниться в крестьянском происхождении этого человека.

Следующим неожиданным поступком Кузьмича стала его дружба с Кандауровым, дальним родственником промышленника Иванова, которому прежде принадлежал наш дом. Кандауров жил в маленькой комнатке, где в свое время обитали слуги Иванова. В ней стояли три предмета: кровать, стол и шкафчик с портретом Толстого, а теперь еще и раскладушка Кузьмича. Старожилы нашего двора все это хорошо помнили. И опять Кузьмич удивил: по протекции Кандаурова устроился на работу в скромную нотариальную контору письмоводителем. На очередной «сходке» задавали друг другу вопросы: а как же теперь его обитель-«храмина»? И почему, как и прежде, он исчезал поздно вечером, наполнив авоську едой? Куда, кому, зачем и отчего?

Сам Кузьмич заметно похорошел, побрился, приделся, повеселел. Вся Уездная радовалась, что «нищенство» Кузьмича закончилось.

Но радовались недолго. Наступил страшный 1937 год, изменивший судьбы нашего двора, близлежащих дворов и улиц.

Все чаще стали появляться «люди в штатском», доносы неизвестных добротов, вызовы на «собеседования». Первым стал инженер С. Щукин, одно время проходивший стажировку за границей. Затем работник УзСовПрофа Н. Богданов, известный тем, что не брал «мзды». А уже потом открылось дело «Кузьмича и Кандаурова». В присутствии понятых, мужчин нашего двора, опечатали небольшой дом Кузьмича, называемый им в целях конспирации «храминой», закрыли собранную им библиотеку, которую позже передали в фонд Государственной библиотеки «Профинтерн». И, наконец, увели с собой Ольгу Николаевну – няню сына Кузьмича, Владимира. О сыне своем и его няне, по понятным причинам, Кузьмич не говорил никогда. Мальчика сдали в детский дом. О Кандаурове позже упоминалось лишь то, что он прежде был офицером белой армии.

Вызывали на «собеседование» и моего отца, Георгия Прозорова, продержали долгих три дня, о которых он никогда и никому потом не рассказывал. В то время он работал одним из ведущих инженеров проекта строительства Большого Ферганского канала, и в декабре 1939 года в Кремле, что было большой редкостью, Михаил Иванович Калинин вручил ему орден «Знак почета». А в январе 1940 года он получил благодарность и Почетную грамоту за участие в строительстве Южного Ферганского канала. Все эти награды наша семья бережно хранит до сих пор.

За прошедшие годы мы пытались найти Владимира, сына Кузьмича, но безуспешно. Встреча с ним состоялась лишь в 1953 году: к нам постучали в дверь, и мы увидели очень симпатичного, скромно одетого молодого человека, который еще с порога представился: «Новиков Владимир Кузьмич».

За чаем с бабушкиным пирогом Володя рассказал немного о многом. Матери своей он ни разу не видел, но очень любил свою няню Ольгу Николаевну, которая ради него и его отца переехала из Самарканда в Ташкент, где окончила женскую гимназию.

В дальнейшем рассказ будет идти от первого лица, как я его и запомнила:

«Ольга Николаевна приехала в дом, подаренный ей в свое время П.П. Ивановым. Она научила меня читать и писать, любить книги. Помогал ей вести хозяйство старый денщик по прозвищу Кузьмич. Сейчас я понял, почему отец назвался Кузьмичом. В самые тяжелые годы он стал играть в «нищего». Приносил в своей торбе продукты, завернутые в «тряпицу». Настоящего имени, отчества и фамилии своего отца я так и не узнал никогда. Фамилию Новиков получил в детдоме, она мне нравится и стоит в моем паспорте, а отчество Кузьмич я оставил как память о своем детстве...».

Так промышленник Павел Павлович Иванов, как оказалось, собрал под свое крыло близких людей из бывшей своей усадьбы. Среди них были Кандауров, Кузьмич, Ольга Николаевна, моя семья и, наверное, многие другие.

В следующий раз Владимир Кузьмич пришел к нам в хорошем костюме, с модным тогда портфелем, откуда достал свой диплом инженера-строителя, выданный Ташкентским Политехническим институтом, который он закончил с отличием.

Вскоре он уехал в Россию строить дома, дороги и свою новую жизнь. Писал, но не часто; письма были из Самары, Новгорода, Дальнего Востока. В них он сообщал, что следит за прессой, знает о гидротехнических стройках Республики Узбекистан. Поздравлял моего отца Г.И. Прозорова со званием «Заслуженного ирригатора Узбекистана» и с тем, что его имя вошло в энциклопедию «Ирригация Узбекистана», вместе с фамилиями той части русской интеллигенции, которая связала свою судьбу с этим краем.

Полкан и другие

Жил в нашем дворе на Уездной улице Полкан – большой, умный, добрый и воспитанный пес. На нем каталась вся детвора, забираясь на спину по двое-трое сразу. А Полкан терпел, катая их по двору, затем стряхивал около огромного, в три обхвата, сруба старого тутовника, где в большом дупле хранились игрушки, а позже, когда ребята повзрослели, – костюмы для театральных постановок. Все это добросовестно охранял наш Полкан.

Незаметно наступила новая пора в жизни нашего двора и всей нашей улицы Уездной. Ушло детство, пришло отрочество. Уличные игры в «казаки-разбойники», когда мальчишки-«казаки» нещадно лупили девчонок-«разбойников», заставили

наших родителей принять меры. Розги и нудные наставления полностью исключались: решили вечерами собирать ребят в нашей большой квартире, где красовалось пианино немецкой фирмы «Герман Майер», привезенное в свое время из Петербурга моей бабушкой Марией Никифоровной, урожденной Веригиной, которая была дворянкой. Приглашали с улицы Учительской* пианистку Алису Аскарловну Геде поиграть вальсы Шопена, а моего отца – полонез Огинского, на альте, подаренном ему знакомым итальянцем – его учителем. Вскоре слушатели стояли и сидели во всех комнатах, которые желающих уже не вмещали. Поэтому «площадка» таких встреч переместилась в «Дом ученых».

«Дом ученых» был своеобразным «привалом» любителей-музыкантов, вокалистов, прозаиков и поэтов. Здесь играл симфонический оркестр, где мой отец исполнял партию первой скрипки, а по праздникам танцевали и в складчину собирали «буфет». Дамам дарили духи «Ландыш серебристый» и коробки конфет ташкентской фабрики «Уртак». Результат всех этих событий был неожиданным. Повзрослевшие ребята решили открыть свой домашний «Театр юного зрителя». Театральные костюмы «добывали» из бабушкиных сундуков; с восторгом примеряли отрезки шелка, кружева, шляпки с перьями и прочее. Особенно пригодились простыни с вензелем хозяев, которые стали театральными кулисами.

Открыли этот театр оперой Чайковского «Евгений Онегин». Исполняли не всю оперу, а отдельные арии – «письмо Татьяны Онегину», арию Ленского и даже басовую партию Гремина. Главным «костюмером» была, конечно, бабушка, постановкой голоса занималась милая Алиса Геде, а «тапером» была я, со своим начальным музыкальным образованием. Оперные голоса искали по всем соседним улицам – Уездной, Долинской, Балыкчинской и Учительской. Искать долго не пришлось – юных исполнителей привели сами родители, которые и заняли гордо места в первом ряду, на принесенных с собой стульях. Своя «ложа» была и у всеобщего любимца Полкана. Во время спектаклей случались и забавные моменты – «солисты» забывали текст или давали петуха. Родители смущались, так как именно они были и режиссерами и критиками одновременно. И тут о себе напоминал Полкан, который критику не выносил. Он неуклюже вылезал из своей «ложи» и принимался визгливо лаять, а когда начинали хлопать, басом перекрывал аплодисменты. Поговаривали, что у него абсолютный слух. Этот удивительный пес прекрасно понимал людей, перепады в их настроении и заслужил звание «психолога». В завершение оперы он получал вкусную косточку.

Только дважды наш добрый, воспитанный Полкан проявил свой «звериный» нрав. Первый раз – когда в наш двор ввалилась толпа поющих и танцующих цыган и сразу же разбежалась по квартирам, которые днем на лето не закрывались. И пока хозяева ничего не могли сообразить, возник главный хранитель нашего двора – Полкан. Он не стал бегать за ними, а просто заревел своим знаменитым басом – и незваных гостей мгновенно как ветром сдуло. Второй случай был во времена Берии: Полкан «отучил» доброхотов вручать в руки повестки о вызове «на собеседование». Их стали бросать в почтовый ящик у ворот нашего дома. Правда,

---

* Ныне улица академика Кары-Ниязова.

временно пришлось нашего «психолога» посадить на цепь. Цепь Полкан воспринял как унижение своего достоинства и объявил голодовку. Спасла ситуацию большая чашка бабушкиных пельменей, которая примирила его с действительностью.

И все же не «Театр юного зрителя», а дача была самым счастливым местом нашего детства и отрочества. Сюда с субботы на воскресенье приезжали отдыхать целыми семьями, с родственниками и толпой ребят. Дача эта была не личная, а государственная и принадлежала сотрудникам системы Госторговли, где моя мама, окончившая женскую гимназию, работала начальником отдела кадров.

Прошло много лет, но хорошее в памяти никогда не умирает: живы запахи ранней весны на нашей даче, которая встречала нас ароматом первых роз и удивляла пышным бело-розовым облаком цветущих деревьев. Полкан тоже крутил своим коричневым теплым носом. На дачу его приводили на поводке, который он старался не замечать, как не обращал внимания и на проходивших мимо дачников. Дача была огромная и тщательно ухоженная. Специалисты-архитекторы нашего «табора» распланировали ее территорию отдельными секторами. Здесь была площадка для теннисного корта, рядом – стол для бильярда, покрытый нежно-зеленым сукном, чуть дальше – большая беседка, увитая плющом, где наши инженеры соорудили лавки и огромный обеденный стол, за которым размещались все дачники. Прямо на земле стоял огромный самовар, который постоянно кипел, на радость всем «чаевникам».

Заведовал самоваром его владелец – сторож дачи отец Федор, служивший ранее священником. Он же в огромном казане готовил ароматный плов с изюмом, а рядом сидел Полкан, ожидая свой любимый мосол. Жил отец Федор с женой-казачкой – статной, немногословной Полиной – и тремя сыновьями в небольшой узбекской мазанке, где для детей они соорудили многоярусные полати. Они любили слушать патефон с пластинками Веры Паниной, Ляли Черной и Клавдии Шульженко. Похоже, это была единственная их слабость. Слабостью же их сыновей был наш Полкан. Была своя слабость и у Полкаши – он любил днем поспать на тахте, и тогда к нему лучше не подходи. В такой же степени он не любил воду. Когда дети купались в большом арыке реки Чирчик, он лежал поодаль и оттуда наблюдал за порядком. Семья отца Федора ухаживала за деревьями, виноградником; они сажали цветы, убирали территорию дачи и охраняли ее. Важно отметить, что за свою работу они получали государственную зарплату и имели возможность платить за обучение и жизнь своих детей в городе. Дачники играли в шахматы, до утра в преферанс, а днем «мучили» ракетку на теннисном корте, где показывал «мастер-класс» Николай Озеров, будущий знаменитый спортивный комментатор*. Он любил узбекский плов, учился есть его руками, привозил ящиками пиво и пил зеленый чай с полюбившимся ему инжирным вареньем. Озеров тепло вспоминал счастливые дни, проведенные на нашей даче.

Разумеется, не все субботы проводили на даче, были и другие интересы. Например, большим успехом пользовались наши домашние концерты, где я играла на пианино, отец на альте, его друг, инженер, немец Райх – на скрипке, а архитектор Виктор Чунихин – на своей виолончели.

---

* *Николай Озеров* (1922–1997) – теннисист, спортивный комментатор.

Об успехе наших концертов говорит то, что летом, когда открывали окна на улицу, возле дома собиралась толпа уличных фанатов. Вели они себя шумно, кричали «браво-бис». Не обошлось без забавного случая, когда однажды, закрывая окна, обнаружили на подоконнике пачку денег. Искать неизвестного благотворителя было бесполезно, а потому отправили гонца за чудесными эклерами из кондитерской немца Эйслера*. Эта кондитерская раньше принадлежала семье Штамм, с внучкой которых, Маргаритой, я дружила. Ходили вместе на Боткинское кладбище, потому что наши «мемориалы» оказались рядом. Там у семьи Штамм до сих пор стоит ваза из розового гранита, некогда увенчанная мраморным ангелом. Позднее ангел «улетел», исчез странным образом.

От богатых предков у Марго Штамм осталась чудесная педальная швейная машина «Зингер», очень пригодившаяся семье в трудные времена.

Кроме музыки, любили футбол. Брали детей пяти-шести лет и шли на стадион «Спартак» смотреть игру молодежной команды клуба «Динамо», где один из ребят нашего двора, Юра Кочетков, был защитником. Мой отец, а потом и я часто общались с ним и его семьей, а телефонную связь поддерживаем до сих пор.

А как не сказать о городском парке имени Тельмана! Туда ходили семьями на целый день по воскресеньям. Уже в 10-11 часов мы были в парке, катались на лодках по озеру, которое позже стало футбольным полем, затем на каруселях – «расписных лошадаках», и смеялись до упаду, когда мой отец, солидный инженер, прыгал с парашютной вышки, а за ним плавно опускалась его широкополая шляпа. Обедали шашлыком за столиками, где постоянным клиентам ставили тарелочки с солеными урюковыми косточками, а вечером шли смотреть очередной фильм в уютный кинотеатр...

А наш Полкан оставался дома с бабушкой. Он заметно постарел, погрузился, но охранял наш двор, как всегда, ответственно и заботился о малышах и стариках. Когда нашего «надежи» Полкана – умного, доброго и обладавшего музыкальным слухом «психолога» – не стало, наш двор и вся улица Уездная осиротели. Плакали и дети, и взрослые, – словно в предчувствии суровых дней Великой Отечественной войны, которая вскоре грянула... Но это уже другая история.

---

* Находилась на ул. Пушкинской (ныне Мустакиллик); после землетрясения 1966 года на месте снесенной кондитерской было построено типовое четырехэтажное жилое здание, первый этаж которого занимал гастроном «Москва».

Виктор МОИСЕЕНКО

В семье и в школе

Сырдарьинские этюды*

После отъезда братишки мы не пропустили в течение двух месяцев ни одной недели, чтобы не посидеть у родителей и, в который раз, не прокрутить в памяти его рассказы. Глубже всех его поняла, конечно, мама. Она боялась, что понадобится много времени, чтобы Лёня действительно прибился к «берегу» и зажил обычной семейной жизнью. В нем или поломалось представление об обыкновенном человеческом счастье, или он только нащупывает это направление.

Но мама удивила нас еще одним открытием. Она поняла, что в старательской артели Лёню держат не только высокие заработки, но и таежная зазноба.

Он однажды нам за столом рассказал историю таежного бобыля-охотника. Тот молодым пареньком «захватил» последний год войны, самые кровопролитные бои для наших войск, спешивших раньше союзников взять Берлин. В мирной жизни себя не нашел, не было и работы. Тогда он ушел в тайгу. Одиночество его разделял горный козел, подобранный им еще козленком. В двадцати километрах от него уже года четыре жила молодая пара с двухгодовалым ребенком. Муж где-то напоролся на двух вооруженных заключенных-беглецов. Что между ними произошло – неизвестно; раненым он дошел до дома и на пороге скончался. Бобыль помог похоронить несчастного, помогал и дальше молодой вдове. Она на год уходила жить в таежный поселок к своей родне. Бобыль навещал ее несколько раз и там, а потом она согласилась уйти с ним в его избушку. На зиму оставила ребенка своей матери, но через месяц вернулась. У них все было хорошо, они подходили друг другу, но ее не принял козел, буквально выживал из дома. Просить хозяина что-либо сделать с козлом было бесполезно. Лёня с какой-то теплотой рассказал, что она поварит у них на участке, как достойно и спокойно себя ведет: на лыжах с ружьем наперехват бегают раз в неделю в поселок к сыну, а стреляет так, что без труда, как куропаток, перебьет в столовой охальничающее мужичье. В этом же смысле Лёня рассказ поняла и моя жена.

* Продолжение. Начало в №№ 4 (XXXII), 2013; 1-2, 3, 4 (XXXIII–XXXV), 2014; 1-3 (XXXVI–XXXVIII), 2015; 1-2 (XL), 2016.

Из двадцати восьми дней, проведенных в семье, более половины ночей он где-то пропадал. Мама была уверена, что он у нас, а я, предупрежденный им, считал, что он у друзей молодости. Но все чаще доходили слухи, что он навещал свою давнюю подругу, уже бывшую замужем. Я ожидал неприятностей со стороны ее мужа – машиниста, сурового мужчины могучего сложения. Мы вместе с ним несколько раз мылись в бане, и он возмущенно рассказывал, как какие-то кабинетные «крысы» после каждой поездки устраивают ему разносы за разную скорость на перегонах и за минутное опоздание на станциях. А мне казалось, что он готовится к более яростному возмущению по поводу моего братишки...

А в целом жизнь у нас шла так, как будто в нее влились дополнительные ручьи успеха, радости, материального благополучия. Успешно завершилось строительство на моем приусадебном участке, выкрасили окна и подоконники. Я мечтал о красивых деревянных воротах – и это устроилось. Справа от ворот поставили сарайчик под уголь.

Мне казалось, мое хорошее настроение изменило мое положение в школьном коллективе. Стало интересно сидеть в кружке пожилых учительниц и слушать их обыкновенные разговоры про жизнь: о чистом утреннем воздухе, которым невозможно надышаться, о кусочке сливочного масла, который они подбрасывают в приготовленный чугунок борща для особого вкуса. О своих болезнях они не говорили. У них была своеобразная клятва: «Учителя всегда здоровы! Учителя всегда готовы!»

В школе происходили большие изменения. Раскрепощение в обществе и время «оттепели» отражалось и на школьной дисциплине. Труднее было и заинтересовывать учеников. Учителя осваивали новые приемы. Кто-то, во время нараставшего в классе шума, вдруг подходил к классной доске и одним махом рисовал мелом идеальный круг. В классе мгновенно наступала тишина. Много желающих было освоить этот прием, но ни у кого не получилось.

Большинство учителей начинали популяризировать свои предметы, вводили занимательные моменты, заимствованные из научных журналов и книг. К этому времени сверху спустили разрешение проводить школьные вечера в предпраздничные дни под «заграничную» музыку и танцы, твист и шейк. Директора школ старались проводить вечера в один день и в одно и то же время, чтобы не было молодежи из других школ и меньше был риск драк и беспорядка. В школе повышался статус молодых учителей. Негласным лидером в этой группе стала учительница химии Валентина Николаевна Оржаховская; она пользовалась авторитетом у всех старшеклассников. Так же популярна была учитель истории Лилия Павловна Маслова и ее младшая сестра учитель математики Элеонора Павловна. Не согласившись с очень жестким режимом управления в средней школе № 1, к нам перейдут три молодые учительницы во главе с Людмилой Ильиничной Воротниковой, своими талантами укрепившие наш коллектив.

Не стояла на месте жизнь и в нашей семье.

Надежной опорой родителей стал младший братишка Витя. Он был студентом первого курса малекского техникума механизации сельского хозяйства, успевал ухаживать за домашней птицей и помогал со всеми работами на огороде. Порази-

тельно изменилась его внешность. Лёня, страдавший в свое время от того, что ему приходилось донашивать за мной одежду, когда он был студентом автодорожного техникума, теперь в редких, но объемных посылках богато разнообразил Витин гардероб. У Вити первого в Сырдарье появились нейлоновые рубашки, плащ из болоньевой ткани, искусственная дубленка. Лёня запретил ему стричься под «чубчик», «бокс», и «полубокс», и Витя брата слушался. Сырдарью в это время накрывала мода на «битловские» лохмы до плеч, которые лишили привычного заработка сырдарьинских парикмахеров.

А мне все чаще встречался машинист Георгий – муж Лёниной подруги юности и пытался заводить длинные разговоры. Он что-то рассказывал и пытливо всматривался в меня, пытаюсь определить меру моего участия в похождениях братишки. Иногда его рассказы приобретали угрожающую интонацию. Он «чихвостили» диспетчеров, их помощников по пассажирским и грузовым перевозкам и особенно недавно введенную должность – анализатора, отслеживающего работу машинистов. Гоша слал им словесные угрозы, но я принимал их на свой и Лёнин счет. Однажды во время такого разговора я стал даже лихорадочно припоминать приемы рукопашного боя, которые отрабатывал во время несения пограничной службы. Но до драки, к счастью, дело не дошло...

Из Гошиных сумбурных рассказов я мог узнать и что-то новое. К примеру, что начальника среднеазиатской железной дороги Кадырова сменил москвич Белопольцев. И что новый начальник принял решение строить два новых железнодорожных моста через Сырдарью у станции Мехнат. Построенная в 1907 году однопутка сдерживала движение через реку, поездам подолгу приходилось простаивать, пропуская состав с другого берега.

Узнал и о том, что Гоша недавно привел из Бреста трофейный немецкий паровоз для музея железнодорожной техники, формировавшегося в Ташкенте, на берегу канала Салар. Трофейные немецкие паровозы в большом количестве использовались в народном хозяйстве Советского Союза. Их осевая формула легко перестраивалась под нашу железнодорожную колею, хотя немцы во время войны предпочитали «перешивать» наши железные дороги под свои оси. Кроме этого мы закупали после войны паровозы в Венгрии и в Румынии. Особенно нашим машинистам нравились румынские паровозы «эрки»*, но сейчас эпоха паровозов уже закончилась. В Узбекистане прошли испытания тридцати трех новых коломенских тепловозов Тэп-70, и они запускались в серийное производство.

А самое полезное из общения с машинистом было то, что он мне неожиданно предложил помочь с выпиской из железнодорожного депо двух тонн изгари – мелких кусочков не прогоревшего в топке паровоза угля. Я отдавал изгарь соседу, все лето готовившему из навоза кизяк. Добавленная изгарь многократно увеличивала тепловую отдачу сушеного навоза, и половиной сосед делился со мной.

Через три года машинист Гоша проведет для моего класса экскурсию по ташкентскому музею железнодорожной техники. Мы поедем по новому мосту через Сырдарью, навстречу нам без задержки через реку будет идти другой состав...

* Паровозы серии «Эр», которые Румыния должна была поставить в счет компенсации ущерба, нанесенного Советскому Союзу во время войны, когда она воевала на стороне Германии. (Прим. ВС.)

На этом и закончились наши напряженные отношения с Гошей. И порой мне кажется, что я эту напряженность сам придумал.

А у нас в семье была одна заветная мечта – посетить места, откуда семья была фактически изгнана: село на берегу средней Волги. Бабушка мечтала о такой поездке и боялась ее. Так и ушла из жизни, не побывав на родине. Я считал, что первым поездку в те места совершу я, но в итоге ее выпало совершить не мне, а негласному лидеру нашего рода, маминой сестре тете Фросе – шумной, всех любящей, во все вникающей, где просят и не просят, пытающейся устроить счастье родных, страны, завода, города Волгограда... Мама как-то предположила, что от ее старшей сестры на заводе, по-видимому, устали, потому тетю Фросю – опытного работника отдела технического контроля – не стали удерживать на работе после достижения пенсионного возраста. Тогда тетя Фрося стала активным членом городских ветеранских организаций, обличала беспорядки, начавшееся массовое воровство на городском мясокомбинате, бедность прилавков в магазинах, разложение милиции, – и от нее, похоже, стал уже уставать город. Тетя Фрося, видно, и сама стала от всего уставать и поехала отдохнуть с нижней Волги в родные места своего детства. А потом приехала к нам.

И вот в феврале 1969 года на перроне ташкентского вокзала я ждал прихода поезда «Волгоград – Ташкент». Уже вышли все пассажиры из третьего вагона, когда в тамбуре показался суetyющийся проводник, спиной к выходу тянувший большой чемодан, а вслед ему стелился густой бас тети Фроси, ругающей узкие проходы, а затем и опасные ступени вагона...

Тетя Фрося очень изменилась и погрузнела. Она продолжала возмущаться поведением проводников, всю дорогу набивавших безбилетниками свободное пространство в вагоне. Тетя ругалась, а я вел ее под руку, в другой руке нес ее чемодан, и она успевала с интересом оглядывать окружающее, заметила много изменений, отметила появившиеся на перроне фонтанчики с питьевой водой. Мы добрались до Самаркандской автостанции, и в автобусе досталось уже водителю, по ходу движения набивавшему проход безбилетными пассажирами.

Тетя не осталась у меня ночевать, попросила сразу отвезти ее до места, к родной сестричке. Моя жена с детьми осталась дома, а я поехал с тетей.

Вся ночь с субботы на воскресенье и все воскресенье этого февраля у меня стоят в памяти глыбой впечатлений, усталости и ощущением больших неожиданных перемен. Не сомкнув глаз, мы слушали тетю Фросю. Не уходили из-за стола ни папа, ни братишка. Мама только успевала доливать кипятка в чайник, а мы ломали в кулаках волгоградские маленькие сушки. Утром мы пошли на кладбище. Зайдя за ворота, тетя Фрося со словами: «Мама простит, мама поймет!» – повернула налево к могилке дочери, а мы пошли прямо к бабуле. Тетя Фрося подошла через полчаса и, взявшись рукой за оградку, сразу выпалила: «Мама, мы там счастливее не были бы!». Это она о своей поездке на родину, в Горький.

...Мало кто помнил в селе Красном, ставшем пригородом областного города, их семью. Сени были снесены, и на их месте к дому был пристроен такой же по размеру каменный квадрат. Деревянный сруб от времени уже «поцеловался» с землей,

нижний венец почти полностью ушел в землю, а все деревянное здание казалось и маленьким, и низким. Тетя Фрося удивлялась, как здесь размещалась их семья, а ведь в детстве было ощущение, что много свободного места, чтобы устраивать игры. Поселок тете Фросе показался сумрачным, и хоть тоже находился на Волге, но с солнечной волгоградской землей не сравнить. Из центра Горького в поселок ходил автобус.

На родной улице тетя Фрося встретила свою ровесницу, проработавшую кладовщицей на горьковском автомобильном гиганте и после выхода на пенсию возвратившуюся в родительский дом. Говорить было не о чем. Женщина была скупа на слова, это было характерно для большинства жителей тех мест. Для тети Фроси, с ее быстрой речью и мгновенной реакцией на вопросы, такое общение было тягостным.

Правда, с каждым рассказом о своей поездке в места детства тетя Фрося все больше находила хорошего и интересного. Большие огороды, стада коров, возвращающиеся вечером с пастбищ, красивые наличники у домов, множество любознательных детей, чистый воздух, хотя окраины леса, запомнившейся с детства, теперь не было видно даже на горизонте.

Тетя Фрося как-то по-новому привязалась к маме. Она спала на бабулиной кровати и, проснувшись утром, молча наблюдала за быстрыми движениями уже хлопотавшей мамы, успевавшей за приготовлением завтрака протереть и полы в комнате. Тетя с грустью говорила маме, что ей так уже не согнуться, протирая пыль под кроватями.

Папа очень хорошо принял присутствие в доме тети Фроси. Она как будто частично заменила выпавшее звено в семье после смерти бабушки. Как к своим родным местам относился он к посещенным тетей Фросей районам на средней Волге. И в целом папа как-то помягчел. Всегда старался чем-то помочь маме, чего при жизни бабушки у него не было заведено.

В семье ожидалось событие, которое заставляло всех тревожиться. Благодаря хлопотам папы братишке дали закончить техникум, и он не со своим возрастом должен был призываться в армию. В первые послевоенные десять лет призывников у нас матери провожали с таким плачем, как будто продолжалась война. Ребят, действительно, гибло очень много: и в пограничных конфликтах, и на учениях, и при испытании новой техники, да и в драках, когда в армию вместе с уголовниками пришли и неуставные отношения. И на «гражданке» было много драк. Братишка не нарывался на них, но и не уклонялся, когда избежать их было невозможно. С самого рождения у него на груди было замечено красное пятнышко, как от сока граната. С возрастом оно увеличивалось и приняло круглую форму величиной с пятак. Витя был назван в честь папиного фронтового друга, и мама с бабушкой шепотом говорили, что можно у папы и не спрашивать, от какого смертельного ранения погиб его друг. Папа от этих разговоров отмахивался, называя их женскими глупыми суевериями, а бабушка с мамой считали, что у братишки это самое уязвимое место. И вот, с призывом его в армию, в это поверил и папа, потому что такая прогрессивная женщина, какой он считал тетю Фросю, тоже придерживалась этой версии. Когда призывали в армию меня, на проводах плакала мама и соседки. Ког-

да провожали в армию Лёню, мама с бабушкой уже не плакали, успокоенные моей успешной службой. А вот братишку Витю провожали нервно, суетился непривычно и папа. У него даже походка изменилась, даже маленькие арычки он перепрыгивал неловко и с приговорками: «Оп! Оп!».

Но служба братишки прошла успешно. В Днепропетровске, в артиллерийском дивизионе, ему очень помогли знания, полученные в техникуме, и любовь к «железякам». Я два года по выходным выгуливал его собаку по полям и по берегу канала. А Альфик все время оглядывался на родные ворота, боясь, что хозяин войдет в дом в его отсутствие.

Проблема появилась не там, где мы ее ждали. Пришла она с девчонкой Тоней, с которой братишка познакомился в техникуме. Старшая среди четырех сестер, она училась в техникуме и тянула на себе большое домашнее хозяйство, при больном отце и хронически усталой матери. Кроме птицы держали и нутрий, которых Тоня сама забивала, обрабатывала и коптила. Шкурки выделывал отец и оптом продавал ташкентским скорнякам. А по воскресеньям Тоня торговала в дальнем уголке Алайского рынка.

Под стать всем этим заботам был у нее и характер. На все она имела свое мнение, была верткой, хваткой и с неудержимо несущейся речью, что почему-то очень напрягало нашу маму в общении с ней. А когда мама поняла, что у Тони с Витей серьезные планы на жизнь и ей придется жить с такой невесткой, то очень закручинилась. Еще больше ее огорчило то, что, пробуя указать на недостатки девушки сыну, она вдруг получила неожиданно в ответ: «Только вы хорошие». Папа после смерти бабушки во всем поддерживал маму и тоже пришел к выводу, что такая активная сноха нам не ко двору. У нас с давних времен почитались тишина и мягкость в отношениях. Мне трудно было стать на чью-либо сторону, так как я однажды случайно заметил, как восхищенно глядит братишка на безостановочно «тархтевшую» Тоню. Я подумал, что такому молчуну и нужна такая «стрекотуха».

Тетя Фрося озаботилась этой ситуацией и решила ближе познакомиться с Тоней. После первой встречи в семье Тони тетя Фрося посадила перед собой папу и маму и они долго о чем-то говорили.

Тете Фросе полюбилась Тоня, и в семье у нас изменилось отношение к ней. Как окажется, мама только примирилась с выбором сына, но в глубине души полюбить невестку так и не смогла. Это и станет одной из главных причин того, что после смерти папы мы с братишкой поменяемся домами. У меня были особенно теплые и родственные чувства к младшему братишке. Меня мучило ощущение, что я ему чего-то недодаю, а внутри его самого жила какая-то неудовлетворенность, которую он от всех скрывал. Я не заметил, как он повзрослел, поэтому очень непривычно было видеть его женихающегося. А тетя Фрося через четыре года оставит Волгоград и будет жить в его семье.

В доме родителей я стал бывать реже, мешали дополнительные нагрузки в школе. Работа захватывала почти все мое время, мне дали часы и в вечерней школе. Сложными месяцами для учителя обычно бывают весенние: дети устают, ждут лета. В середине апреля нас всех созвали на срочный педсовет. В школе произо-

шло несколько чрезвычайных происшествий. Драки в школьном туалете «один на один» были делом привычным, но главным ЧП было то, что областная комиссия обнаружила тетрадь одного из лучших учеников школы Андрея Шепеля с рисунками женских фигурок в бикини. На школьном комсомольском собрании его уже «проработали», теперь дело решается в райкоме комсомола. Школьному завучу по воспитательной работе Федору Николаевичу объявили выговор. И этот огромный мужчина с длинными усами сидел на стуле, удрученно опустив голову. Главным докладчиком по «делу» на педсовете выступил молодой коммунист, вступивший в партию в армии, учитель труда Набиджан Азимович. Поделки из дерева его учеников, особенно елочки, вырезанные из фанеры лобзиком, дарились учителям на Новый год. У многих их собралось уже столько, что им выделили специальную полку в доме... Во время доклада Набиджан Азимович листал эту «преступную» тетрадь и вдруг, улыбнувшись, сказал: «А ведь талантливо, черт возьми!» Из президиума его быстро поправили: «Преступно талантливо, Набиджан Азимович!». В школе трудовика любили; и все пожалеют, когда через несколько лет учитель внезапно оставит школу и станет народным целителем, известным в Сырдарье костоправом...

Другим вопросом была потеря комсомольского билета Юрием Когаем. Вся школа неделю назад просматривала железнодорожные пути, на которых, предположительно, был утерян билет, когда Юрий под двумя стоящими на путях составами переползал на другую сторону. Комсомольского билета так и не нашли... К счастью, серьезных последствий это не имело, и через семь лет Юрий Васильевич придет работать в школу учителем физкультуры.

И уже под конец педсовета я вдруг услышал нападки на меня, чего уже давно не было. Руководитель методического объединения школы обвинила меня в потворстве играм, развивающим страсть к наживе. В это время, как эпидемия, распространялась игра в «перья». С ручек снимались и использованные перья, но особенно ценились новые. У удачливых игроков в карманах лежали булавки, плотно унизанные выигрышем. Мальчишки с нетерпением ждали перемены и окончания учебного дня. Я помнил увлечения своего детства, когда мы играли в «шарики, колбасики и кругляши», разбивали даже новые подшипники, чтобы набить жестяные банки шариковым богатством. Видно, этот мой рассказ и дошел до ушей докладчицы, Людмилы Алексеевны. Член партии, неулыбчивая, со скрипучим колющим голосом, она была сильным педагогом с очень трудной судьбой. Рано оставшись без матери, она маленькой девочкой на лошадях следовала за отцом, заслуженным строителем-мелиоратором, прокладывавшим каналы в Средней Азии. Были во многих опасных переделках, чудом остались живы. Небольшого роста, сухощавая, с короткими жидкими волосами и по-кавалерийски кривыми ногами, она вызывала уважение. Я про себя называл ее «кавалерист-девицей», у нее было очень большое сходство с героиней 1812 года Надеждой Дуровой.

Эти неприятные минуты на педсовете мне помогло пережить отмечавшееся на следующий день торжество по случаю дня рождения дочери учительницы Полины Константиновны. Ее Иришке исполнялось десять лет. Были приглашены и учителя из первой школы. Полина Константиновна жила ближе к первой школе, но предпочитала работать во второй. Уютный небольшой домик вместил и под-

руг из первой школы, и коллег из второй. Полина Константиновна особенно переживала за Марию Владимировну Украинскую, на которую было заведено дело по доносу одной из сварливых коллег. Та заявила, что в 1942 году на Дону за шестнадцатилетней Марией Владимировной ухаживал итальянский лейтенант... Такой случай действительно был, но после проверки дело было закрыто. Времена, действительно, изменились. Профессионально у Украинской все сложится хорошо, а вот личная жизнь не наладится. Она родит для себя дочку и сама ее воспитает. Похожая судьба у другой гостьи, приглашенной из первой школы, – историка Марии Давидовны Кордонской: чтобы скрасить свою одинокую жизнь, она взяла в 1945 году девочку-сироту. Непосвященные удивлялись яркой славянской внешности девочки-толстушки и смуглой еврейской мамы... А третья подруга из первой школы, очень тонко юморившая, Ольга Ильинична Мицкан, вышла замуж за кавалера трех орденов Славы офицера-фронтовика Виктора Михеева, но через год развелась, не выдержав его пьянства. Ольга Ильинична тоже намеревалась взять на воспитание сироту...

Такого насыщенного и интересного вечера у меня в жизни еще не было. На подобных торжествах, как я потом замечу, раскрывается другая сторона большинства учителей: их начитанность, внимательность к жизненным деталям, подавляемая профессией живость характера. Вспоминали военные годы, когда численность Сырдарьи и соседних поселков увеличилась втрое из-за эвакуированных. В Пахтаарале было много немцев, белорусов, греков, чеченцев, а в Сырдарье – белорусов, поляков и евреев. Выживали благодаря массовому производству плетеных корзин из куги, болотной травы – рогозы. Корзины возились на продажу в Ташкент. Много людей ездило на станцию Кауфманская, с 1961 года переименованную в Янгиюль, за патокой, из которой потом гнали самогон. Гнали самогон и из слив, во множестве произрастающих на приусадебных участках. Выручали заросли орешника: собранный урожай орехов тоже увозился в Ташкент на продажу.

Еще в годы войны на жизнь педагогического коллектива первой школы большое влияние оказали работавшие в ней преподаватели ленинградских вузов. Из них особенно выделялся преподаватель физики по фамилии Шакалей. Директор школы Ксения Александровна Ражева всегда с благодарностью вспоминала этих уехавших после войны в свой родной город коллег.

Вспоминали о том, как учителям приходилось вести антирелигиозную пропаганду. И каждый год, пока не сняли Хрущева, в дни Святой Пасхи уводить с площади перед молитвенным домом, на углу улиц Чехова и Шевченко, своих учеников. А народу собиралось из соседних поселков там очень много...

Вместе с нами с женой за столом сидела внучка грузинского князя Элиава, который проживал в Сырдарье с 1917 года. Двор его в двухстах шагах от второй школы был обнесен дувалом, а за ним много грушевых деревьев. Дом хорошо просматривался с высокой насыпи дороги Ташкент–Самарканд–Термез. Внучка князя преподавала в школе домоводство, учила старшекласниц печь грузинский лаваш и хачапури. Будучи ненамного старше своих учениц, она пользовалась у них большим авторитетом. С этого вечера мы стали очень дружны с Ниной и сохранили теплые отношения надолго.

За нашими семейными переживаниями мы не замечали, как сложно складывалась жизнь среднего братишки Лёни. С бригадирством в золотодобывающей артели у него ничего не получилось, и вместе со своим другом, бывшим совхозным ветеринаром, он отбыл в Елизово. На скопленные деньги построили свинарник на сто голов и в течение двух лет успешно вернули вложенные средства, а на третий год свиней кто-то отравил. Не унывая, друзья на арендованных землях стали выращивать зелень, морковь и капусту. Связались с воинскими частями и, засаливая все в бочках, поставляли в армию и на флот. За это время познакомились и женились на двух подругах из елизовской общепитовской конторы. У друга-ветеринара брак сохранился, а Лёня на третий год развелся. Потом мне рассказывал, что до «белого каления» его доводили ее постоянные разговоры о деньгах, которых ей все было мало. Дважды Лёня пытался возобновить работу на золотых приисках, но удовлетворявшей его должности не находил. Идти обыкновенным рабочим уже не позволяло здоровье. Его рассказы о судьбах и характерах золотодобытчиков достойны целой книги. Хорошо знаком был Лёня с Тумановым – руководителем знаменитой артели и другом Владимира Высоцкого. У меня росло ощущение, что очень скоро вся семья окончательно соберется в нашем теплом регионе. У родителей будет спокойная старость в окружении внучат.. Но все сложилось не совсем так.

Во время армейской службы младшего братишки его девушка значительно смягчила жизнь моих родителей. Братишка был суховат, та же сдержанность сквозила и в его письмах из армии. Больших перерывов в их получении не было, но и частыми эти письма назвать было нельзя. Тоне он писал чаще и откровеннее. Из Тониных рассказов во время ее субботних посещений родители узнавали о его впечатлениях от Днепропетровска, о сложных первых днях службы, о двух земляках, парнях из Хаваста, нарушивших договор держаться вместе. Когда их ночью выводили старослужащие в умывальную для «воспитательных» бесед, братишка поднимался на их защиту. И хотя их троих в итоге ударами кулаков сваливали на кафельный пол, но чувства отчаяния не было. А вот когда подняли и повели в умывальную Витю, земляки притворились крепко спящими... Братишка отлежал две недели в лазарете из-за кровохарканья, но так как он никого не выдал, «воспитательные» беседы с ним прекратились. А земляков-хавастцев еще «воспитывали» месяца два.

Тоня навещала моих родителей в вечернее время, весной и летом приезжала на велосипеде, поздней осенью и зимой приходила пешком. В это время темно рано, а провожать себя родителям она не позволяла, от калитки переходя на быстрый шаг. Остаться переночевать тоже отказывалась. Рано утром каждое воскресенье Тоня отправлялась на рынок в Ташкент с приготовленными загодя копчеными тушками кур и нутрий. Благодарность девушке и волнение за ее ночные переходы сблизили моих родителей с ней. И когда вернувшийся братишка заговорил о свадьбе, все приняли это естественно и даже радостно. Братишка за время службы раздался в плечах и сильно изменилось выражение его лица, оно говорило о том, что он знает уже себе цену и знает, чего ждать от жизни и от людей. Уди-

вить или рассмешить его было очень трудно, еще труднее его было напугать. С его возвращением в семье даже физически ощущался какой-то радостный подъем. На маму напало несвойственное ей расхваливание приготовленных блюд за обедом: и картошечка у нее – рассыпчатая, огурчики – хрустящие, баклажанчики – без горечи, мясо кур-трехлеток – нежное, как у цыплят. Это перекинулось и на папу. Он вдруг сказал с какой-то удалью про подготовку к свадьбе: «Пусть люди узнают, как умеют гулять Иноземцевы!»

Фактически семья готовилась к первой настоящей свадьбе. Моя свадьба была простенькой и немногочисленной. Мы были тогда ужаты в средствах, жили на съемной квартире. Свадьба и коротенькая семейная жизнь братишки Лёни на краю земли у северных морей, нам совсем была неведома. А вот свадьбе Вити ничто не мешало.

Сватать ездили я и мама, а Витя с отцом остались дома. Семья невесты в совхозе считалась «новоприехавшей», как и большинство жителей, вселившихся в построенные богатеющим хозяйством коттеджи с большими приусадебными участками. Отсутствие с нами папы и жениха позволяло всем чувствовать себя раскованнее. За столом был оживленный разговор, мама взглядом опытной хозяйки заметила многое, что на обратном пути я от нее с удивлением выслушал. К примеру, то, что в семье «правят» девчонки, точнее старшая из них, наша Тоня. С болезнью отца, а у него была инвалидность из-за частых операций на мышцах спины и правой руки, материальное положение семьи было «слабенькое». И обременять их участием в расходах по подготовке к свадьбе не стоит. Дочки характером и лицом пошли в отца, такие же вертлявые, при очень зажатой и смирной матери. А про хозяина дома мама со смехом сказала, что знает таких «торопыг»: носки на большой палец натянут и ноги уже в чуни суют, уверенные, что носки сами до щиколоток доползут. Все у них с криком, с шумом, но зато их и пилы-«ножовки» по пальцам не щадят, и мышцы они рвут на ровном месте. «А вот наш отец, – подытожила мама, – носки натягивает неторопливо и всегда для верности еще ладонью по подошве проведет, угоняя вверх матерчатые морщины...».

Мама точно угадала характер нового родственника. После свадьбы он будет часто приходить навещать свою дочь, показывая, что она не отрезана от родной семьи, что за нее есть кому стоять и переживать. Входил с шумом, а закрывая за собой дверь, всегда ударял ею себя по пятке. Что заставляло его снова искать дверную ручку и повторять процесс? Но его это не смущало, он старался еще и пошутить. Увидит на столе дымящиеся в тарелках начиненные фаршем болгарские перцы и со смехом скажет: «А-а-а, рыбу съели, а нам головы оставили!». Его смех никто не поддерживал, только дочь спешила на помощь отцу, усаживая рядом с собой...

Свадьбу решили играть в конце августа. И так удачно все совпало, что за неделю до торжественного дня приехали и тетя Фрося, и братишка Лёня. Они не видели друг друга более двадцати лет, и первым делом тетя Фрося взяла за руку племянника и увела под виноградную беседку для разговора. Я несколько раз проходил мимо и слышал хриловатый тетин бас про «хватит мотаться», про возраст, который уже диктует думать о здоровье и детях, что работать нужно не в артелях, а в больших рабочих коллективах, где есть настоящий профсоюз, который всегда

защитит рабочего человека. Всю беседу братишка Лёня высидел молча. Когда довольная беседой тетя отпустила племянника, я спросил у него, в чем его убедила тетя. «А я ничего не слышал, – ответил он, – все время я думал о том, что мама и тетя – родные сестры, но какие они разные».

На свадьбу нам советовали пригласить баянистов братьев Морозовых. У братьев Морозовых пусть и старые баяны, ремни заплечные починены рыболовными лесками и часто отпадают защитные решетки у басов, – но баяны их ревут, как оркестры, особенно в плясовых. Два брата добросовестно отработали оба свадебных дня, всех захватили пением и пляской.

Родни у двух породнившихся семей оказалось мало, и за столами сидели знакомые, друзья и близкие соседи. Начальство совхозное оказало папе уважение, пришли полным составом. Рассказали о папином значении в жизни совхоза, предлагали молодоженам большой коттедж и хорошую работу. Но молодые на это предложение не соблазняются, их увлечет работа на заводе – филиале «Ташсельмаша», куда добираться будут и дачным поездом, и на велосипедах, и часто оставаясь ночевать у меня в доме в Сырдарье. К папиному старому дому совхозные строители на воскресных шашках уже подвели под крышу просторное помещение, в котором я два дня свадьбы простоял на выдаче спиртного, лимонада из сырдарьинского цеха, холодных закусок и новых стаканов и тарелок вместо разбитых. С моего места наблюдения видны были все гулявшие, и я подсказывал жене, какой стол испытывает в чем-то потребность. Самыми грустными на свадьбе мне показались семья невесты и брат Лёня. Они думали о чем-то своем, машинально крича «горько». Папа с мамой меня удивили, оказалось, что они хорошо пляшут, их не надо было упрашивать. Обошлось без пьяных драк, но тревога нас не миновала. Поздно вечером пятеро парней бросились купаться в канал, а на берег вылезли четверо. Братишка Лёня на километр прощупал с рыбаком дядей Сеней Воробченко дно канала. Безрезультатно. А парень утром обнаружился в посадках тутовника крепко спящим, свернувшись «калачиком» на вымытых летним поливом корнях дерева. После этой ночи я искренне порадовался, что у меня не было такой свадьбы, хотя братишке с женой и будет что вспомнить...

Было видно, что, как и папа с мамой, очень довольна праздником была тетя Фрося. Она, тяжело переступая на грузных ногах, подсаживалась к разным столам, громко заводила и поддерживала песни, а иногда я ее видел сидящей на стуле в стороне от столов, но радостно и гордо смотревшей на гулявших. Узнали мы, и что такое «отходить» после свадьбы. Несколько дней все ходили пасмурные, даже молодые, и часто возвращались мыслями и разговорами к свадебным эпизодам, – как после хорошего костра тлеющие головешки воскрешают в памяти торжественное ощущение от вздымающегося к небу пламени. Благополучно рассчитались с соседями за разбитые граненые стаканы, стеклянные вазочки под фрукты и потерянные дорогие вилки из нержавеющей стали. Я припоминал, но не делился с семьей высказываниями любопытных зрителей из числа неприглашенных, кучкой стоявших рядом с местом моей раздачи. Им время от времени подносили рюмки со спиртным и бутерброды с копченой свиной, но я был удивлен отдельными заявлениями, в которых сквозила зависть к нашей семье. Семью называли «зо-

лотишком обсыпанной», но прибедняющейся, намекая на прежние места работы братишки Лёни. «Да и старик всю жизнь на руководящих должностях» (имелся в виду папа). Жениха кто-то назвал «малохольным» и что, судя по всему, бойкая невеста будет вертеть им, как факир факелом...

А потом пошли будни, но в душе еще долго оставалось ощущение, что семья совершила большое и важное дело. Брат Лёня перед отъездом на Камчатку собрался навестить кокандских друзей своей молодости. Тетя Фрося была на него слегка обижена: он не внял ее советам переехать в ее квартиру в Волгоград и работать в большом коллективе родного ее завода. Молодые ходили везде обнявшись. Мы старались не задевать их взглядами и лишними разговорами. В нашей семье была не принята такая нежность, особенно «на людях», но внутренне мы радовались за них и каждый по-своему старался охранять их счастье. Одна тетя Фрося не стеснялась выражать восхищение красотой молодых и как они подходят друг другу. Три женщины спокойно уживались на кухне, тем более что «молодая» целый месяц была от всего отстранена, а тетя Фрося только развлекала маму разговорами во время приготовления обеда. Мама с удовольствием управлялась со всем одна.

В такой обстановке не мог не созреть еще один радостный жизненный поворот для семьи. Брат Лёня после поездки к друзьям вдруг загорелся идеей переехать жить в молодой город энергетиков Ширин. Еще в феврале 1943 года было начато строительство Фархадской ГЭС на Сырдарье. В 1948 году мощная плотина перегородила реку у Фархадских скал, и вода пошла по Баяутскому каналу. Вблизи здания ГЭС появился благоустроенный поселок энергетиков, который и превратился в город Ширин. С начала 70-х годов шло строительство и Сырдарьинской ГРЭС, где в дирекции работал Лёнин однокурсник. Ширин утопал в зелени. Шло большое строительство многоэтажных панельных домов. В общежитиях жила молодежь со всех концов Советского Союза. Моя жена со смехом заявила, что братишку поразила не красота городка, а большое количество женских общежитий, называвшихся «невестохранилищами». Во всяком случае, в феврале, сдав свою квартиру под наем, брат Лёня уже работал на сырдарьинской ГРЭС сменным мастером, а в конце августа, в годовщину свадьбы младшего братишки, тихо расписался с женщиной-молдаванкой, имевшей на руках двух маленьких дочек. «Невозможное возможно», – будет часто повторять наша мама. Девочки трех и пяти лет будут называть Лёню папой, а молодая смуглая женщина по фамилии Ставилло родит ему еще двух дочек, которые будут носить фамилию Иноземцевых. Их четырехкомнатная квартира на улице Маяковского будет гостеприимным прибежищем для всей нашей родни. И очень часто будет возникать желание переехать и самим в городок «сплошного праздника» с лесополосами из фруктовых деревьев, удивительно красивым пионерским лагерем в лесу из чинар, с круглыми бассейнами во дворах двухэтажных домов, с хорошим продовольственным снабжением. Ширинцы повадятся ездить за продуктами и вещами в Ленинабад, где снабжение обеспечивалось по ленинградским нормам.

У наших молодых пристройка была уже под крышей, полностью отделана одна комната. Вокруг, в частных домовладениях, шло тоже большое строительство, а государство проводило в жизнь линию на газифицирование городов и поселков.

Подошел газ и к нашему поселению. Пока же вся готовка велась на спасительной кухонной печке. Молодые обедали вместе с родителями.

На зиму, когда была готова под жилье вся пристройка, из Волгограда вернулась тетя Фрося. Особенно ей обрадовались братишка Виктор с женой, потому что в доме обострились отношения между мамой и младшей снохой. Мы понимали, что из семьи невесты мы вынули самое главное действующее лицо. Тоня переживала за родителей и сестренку и часто убегала к ним на помощь. Обучала торговать на рынке среднюю сестру, помогала поддерживать здоровым стадо нутрий. Папа и братишка относились к этому с пониманием, а мама спрашивала: «Она что же, всю жизнь собирается так мотаться?». Однажды упомянула в разговоре об узелочке с приданым, с которым Тоня пришла к мужу. Когда же Тоня принесла четырех нутрий, трех самочек и самца, мама тихо, с ужасом в глазах, сказала: «Только не это!». Вид этих животных очень пугал ее, она считала их большими крысами.

Приезд тети разрядил обстановку, но ненадолго. Мама обижалась, что тете Фросе первой сообщили в Волгоград о беременности Тони, потом ее обижало, что тетя Фрося много времени проводила на половине молодых и оттуда доносилось веселье и громкий смех. Странно было видеть, что умная мама, с ее богатым жизненным опытом, в таких ситуациях ведет себя как капризная девочка и не может справиться с собой. Успокоительные беседы тети Фроси перестали помогать, и тогда тетя переходила к радикальным мерам. Мама собиралась готовить обед, уложила в печку дрова, подгрестила кучку щепок и клочки бумаги, приговаривая: «Это на разжижку!». Тетя резко переспросила – что это за слово такое: «разжижка»? «Есть слово “растопка”, и наша покойная мама всегда говорила “растопка”, а не “разжижка”!». И продолжала атаковать в таком же духе. Мама расплакалась, сестры обнялись и поплакали вместе, и в семье на неделю воцарился мир.

Будет еще немало ситуаций, когда мама не справлялась с собой. Однажды она высказалась по поводу того, что сноха транжира: купит платье, наденет два раза, глядишь, а оно уже на ее сестренках. Опять успокаивала тетя, просила не лезть в жизнь молодых, хотя сама в жизни молодой семьи активно участвовала. Тратила на них свою восьмидесятипятирублевую пенсию, оставляя себе 25 рублей, которые ей пересылали за наем ее однокомнатной квартиры в Волгограде. Купила молодым большой черно-белый телевизор «Чайка». Ей особенно понравилось, что он произведен на горьковском заводе. Удивительно, но телевизор никогда не «барахлил». Придут на смену цветные, но этот телевизор продолжал безотказно служить на кухне. А когда родилась первая девочка Любочка, тетя Фрося стала заботливой нянькой, к чему опять очень ревновала мама. После крестин, в церкви Хаваста, был очень теплый семейный ужин, мама радостно оглядывала и троих сыновей, и очень похорошевшую после родов невестку, и внучку, которую она определила как «пошедшую в нашу породу», не по чертам лица, а по строению ножек. Такой счастливой мы не видели маму очень давно. И думалось: «Ну что нам мешает всем быть всегда счастливыми?».

Но, видно, сама жизнь заботилась о разных красках. Вскоре заболел наш старый пес Альфик. Колхозный ветеринар Хайдарыч предложил его усыпить, но мы надеялись на лучшее, продолжая его лечить. За время армейской службы братиш-

ки я сильно привязался к умной собаке, поэтому ее угасание всеми нами переживалось тяжело. Тетя Фрося всех успокаивала тем, что собаки в таких случаях уносят семейные невзгоды и несчастья. Братишка Витя переживал, что после свадьбы уделял собаке меньше внимания и это ослабило ее желание бороться за жизнь. Но пережили и это.

Прошло еще года два, и тетя вызвала меня на разговор. У нее, по ее словам, истощилось прежнее влияние на маму, и уже никакие ухищрения не помогают ей поднять настроение. Тетя уверяла, что так скоро растеряется вся родственность. Мама еще сильнее не ладила с Тоней, которая была опять беременна. И одно спасение – поменяться нам с братишкой домами, хоть на время. В поселке как раз была выстроена новая школа и набирают учительский коллектив. А старая школа, которую называли «белой», стала использоваться, и до сих пор используется, как склад. Тетя позвала отца, который тоже склонялся к такому варианту. Во мне они почему-то были уверены, но не знали, как к этому предложению отнесется моя жена. Но жена в это время была захвачена идеей переезда в город Ширин, бурлящий оптимистичной жизненной энергией, красотой и зеленью. Брат Лёня караулил вакансии учителей русского языка и литературы и в школах, и в энергетическом техникуме. Если будет работа, то первое время можно будет пожить с ними, а потом товарищ Лёни из дирекции Фархадской ГЭС помог бы с получением квартиры в панельных домах. Поэтому жена относительно легко согласилась на обмен. Мы даже не перевозили мебель, а оставили все как есть.

В новом коллективе мы неожиданно оказались в главных ролях, и когда через год замаячили перспективы вакантных мест в школе Ширина, мы решили не менять место работы и жительства еще несколько лет. Как оказалось, до самой пенсии...

У мамы с моей женой с первого дня знакомства установились отношения, которые глубже родственных, причем они мало разговаривали, но чувствовали друг друга даже находясь в разных комнатах. Сначала я относил это к тому, что свекровь до удивительного напоминает моей жене ее родную маму, по которой она очень скучала. А свекровь делилась с невесткой тем, как сама привыкала к среднеазиатскому климату, к природе, к характерам людей.

Больше всех обмену домами оказалась рада тетя Фрося. Она брала за ручку старшую внучатую племянницу и с детской коляской с новорожденной младшенькой прогуливалась по дворам новых сырдарьинских знакомых. Ее громкий голос доносился из разных концов Сырдарьи. Принимала и угощала она новых знакомых и в своем дворе. Братишка со смехом говорил, что тетя ради разговора с соседями откажется от самой вкусной еды. Говорила в основном она. Пересказывала всю свою жизнь, ничего не приукрашивая и не утаивая.

Мама часто навещала сестру и семью сына, и, когда не заставала никого дома, шла искать по улицам. И рассказывала, как была недовольна тетя Фрося, что прервали ее разговорное «таинство», «не дали ума показать», ведь с мамой так не поговоришь, все уже переговорено по многу раз.

С годами тете все труднее было ходить. Ее мучил варикоз, были проблемы с щитовидкой, но казалось, что ее жизненный оптимизм подавит эти болезни. Про-

шло еще года четыре. На Радуницу, после посещения кладбища, тетя вдруг сказала, чтоб ее похоронили вместе с дочкой. Кладбище было уже закрыто для захоронений; в некоторых могилах уже стояло друг на друге по три гроба. А она, серьезно глядя на папу с мамой, сказала: «Когда придет время, и вы ложитесь в оградку к маме». Мама недовольно заметила: «И тут она всех по местам определила!». Но тетя на это замечание не обратила внимания... А в начале июня, дождавшись с работы племянника с женой, прямо за столом потеряла сознание. В больнице три дня не приходила в сознание. Мама все дни не отходила от нее, на четвертый день тетя очнулась, удивленно посмотрела на маму и стала расспрашивать, где она и что с ней, и почему она не в Волгограде, а в Сырдарье. Мама все ей рассказала, тетя внимательно выслушала и снова потеряла сознание, и больше в себя не приходила. На девятый день после похорон тети мама увидела ее во сне выходящей из автобуса в толпу людей, – растерянную и не понимающую, где она находится. И маму долго мучило – нашла ли сестра там своих родных...

Братишка Лёня старался поддержать родителей. К тому времени он приобрел «Жигули»-фургон: в город энергетиков приходили партии дефицитных автомобилей тольяттинского завода. Поочередно он привозил к себе в квартиру кого-то из нас. Летом старших наших детей устраивал в пионерский лагерь, находящийся в тенистом густом лесу в километре от его двухэтажного кирпичного дома номер четыре. А у самого брата любимым местом отдыха был берег Баяутского канала с бирюзовой водой, вырывающейся из-под плотины ГЭС. Она ему напоминала море.

В волгоградскую квартиру тетя успела прописать младшую сестренку Тони – Марину. За Тоней переберется в Волгоград и средняя сестра Лариса. Устроит там свою личную жизнь. А сейчас квартирой в Волгограде владеет старшая дочь братишки Вити – Люба, которую мы, как и в детстве, зовем Любанька.

Во время прощания с тетей Фросей я вдруг четко осознал, что в родительский дом жить я с семьей не вернусь. А до этого еще думал оштукатурить заднюю стену дома, обращенную к соседским сараям, – так и не дошли до нее руки...

Папа, выйдя на пенсию, замкнулся в пределах домашней усадьбы. По вечерам любил возиться с внуками и почему-то всегда резко прерывал игру, видимо, эмоционально устав, и уходил слушать радио. Мы шутили, что дедушка опять оставил внуков «по-английски», не прощаясь. Возможно, резкое сокращение пеших прогулок сказалось на папином здоровье. Началось все с ног, которые он все хуже передвигал. Ему назначали мази на основе скипидара и змеиного яда. Растирая ему ноги, мама приговаривала: «А чего удивляться! Это ж сколько земли они исходили и избегали! Чего только одна война стоила! От Минска отступить с боями до Тулы, а потом гнать врага до Праги, через свои же прежние оборонительные полосы...».

В июле 1980 года, в первый день московской олимпиады, я заметил папу, стоявшего у кладовки. Опираясь одной рукой на палку, другой рукой он оглаживал точильные круги, стопкой лежавшие на столярном столе. Круги были изработанными и уже гладкими, как мрамор, не способными заточить и перочинного ножика, но папа их почему-то не выкидывал. Наверное, это была память о нескончаемых домашних делах, мужской работе с топорами, лопатами, кетменями, ножами. Все у него было наточено, все лежало на своих местах, защищенных от дождя и грязи...

Через три дня папы не стало.

Совет тети Фроси семья не учла. Папа лежит на малекском кладбище рядом с людьми, с которыми он проработал всю жизнь, на таком же удалении от берега канала, как и наш дом. Два крепких чугунных листа, перекинутых через канал для съезда к кладбищу со стороны автомобильной дороги, служат мостом для посетителей.

Через год, на папиных поминках, мама, посмотрев на троих сыновей, вдруг горестно всплеснула руками: «И вы уже у меня какие старые!» Я шутливо ответил: «Ну, мы-то с Лёней потрепанные жизнью и с сединой, ну а Витька у нас какой же старый?». Не предчувствовал я, что через три месяца жизнь братишку Витю начнет трепать так, как не досталось нам с Лёней...

Уже почти два года страна оказывала, как тогда это называлось, «интернациональную помощь» Афганистану. Военкоматы призывали из резервов опытных водителей бронетранспортеров и грузовых автомобилей, специалистов-саперов, артиллеристов. Заключались полугодовые контракты с сохранением заработной платы по месту работы. В Сырдарьинском районе в октябре 1981 года медицинскую комиссию из шестнадцати призванных прошли только восемь человек. Среди них знакомыми братишки были прапорщик Мирошниченко из военстроя и тридцатилетний водитель Рустам Халилов из колхоза Ленина. Через четыре месяца Рустама Халилова привезут в запаянном цинковом гробу, но родители отвлекут сопровождавших гроб солдат, и гроб распаяют для прощания. Рустам посмертно награжден орденом Красной Звезды, и его имя носит самая длинная улица колхоза Ленина, бывшая Октябрьская. А мой братишка будет перезаключать контракты, проведя в Афганистане год и десять месяцев. С закрепленным артиллерийским орудием в кузове грузового сто тридцать первого ЗИЛа будет курсировать по каменным дорогам между Кабулом, Джалалабадом и Мазари-Шарифом. Как старший сержант, будет получать ежемесячно 18 чеков и десять пачек сигарет без фильтра «Охотничьи». Чеки отоваривались в палатках у штаба группировки наших войск в Кабуле. Меняли надоевшие рыбные консервы на афганское вино «Шароб». За одну банку консервов в афганском магазинчике давали две треугольных упаковки вина. Вино дезинфицировало кишечник, особенно летом, и помогало справляться с напряжением во время военных операций...

Вернувшись из Афганистана, Витя много рассказывал о боях, о «зачистках» кишлаков... Тяжелые рассказы об афганской войне я решил прервать веселыми воспоминаниями о его свадьбе – и удивился, что мы с ним говорим как будто о двух разных свадьбах. Братишка не помнил, что стояло на столах, как танцевали папа с мамой, зато много рассказал о мнимом утопленнике, переполошившем всех нас. Виктор позже гулял на его свадьбе. Я подумал, что если бы братишка рассказал историю нашей семьи, то я бы так же удивился: «А о нашей ли семье идет речь?». Поэтому удовлетворюсь своим видением и своей правдой.

Еще раз об «оскорблении чувств»

«Мама попросила, чтобы отца похоронили по-христиански, поэтому мы заранее оплатили отпевание в ...ской церкви. В день похорон пришло большое число людей: христиан, мусульман, иудеев, тенгрианцев, атеистов и агностиков – отдать последний долг человеку, который так много для всех значил! Спасибо вам за поддержку, друзья, за то, что разделили с нами огромное горе... Для начала поп устроил мне прилюдно допрос с пристрастием: как часто усопший ходил в церковь? когда последний раз исповедовался, да когда причащался? Потом была лекция про то, как полезно ходить в церковь. Потом он пробормотал три раза «Отче наш» и пару раз «Богородицу», сказал, что его срочно ждут на совещании попов и он должен уходить. В нос было ладаном, я был, словно оглушенный, хотел попрощаться с отцом, постоять у гроба, но священник настойчиво тащил меня в боковой придел, где потребовал дополнительной оплаты за свой святой труд. Из отданной мной пачки пятитысячных банкнот он ловко сделал закладку в Библии и, сунув книгу в недра подрясника, уехал по важным богоугодным делам. Воистину оскорбить чувства верующих может только одна организация – РПЦ».

Это письмо было опубликовано в соцсетях. Так как речь в нем шла о знакомой семье, я не просто его прочла, но также изучила и комментарии.

Что сказать, реакция френдов была предсказуемой: комментаторы поделились строго на два лагеря. Первые горячо поддержали автора письма и пустили немало ядовитых стрел в адрес православной церкви в частности и религии в целом. Вторые столь же горячо бросились на защиту православия, церкви и чувств верующих...

Интернет-дискуссии – дело неблагодарное. Общение в соцсетях, как правило, предполагает крайнюю воинственность и максимализм. В отличие, скажем, от дискуссии «офф-лайн», вживую, где важна невербальная нагрузка, которую мы «ловим» на подсознательном уровне. И тут остальные, полускрытые уже от сознания органы чувств, а также интонации и физиогномика, не говоря уже об интуиции, подскажут нам, как отвечать на аргументы противной стороны.

Обмен фразами в интернете выглядит совсем по-другому. Невербальное надо додумывать, достраивать – и чаще всего достраиваем мы его в худшую сторону...

Но если уж речь зашла о такой важной теме, хотелось бы высказаться тоже.

А написала я о том, что слишком многое в этом письме подано не на уровне строгих фактов, а на уровне художественной литературы, точнее – литературных

приемов. Например, само слово «поп». Ясно же, что оно несет если не отрицательную, то пренебрежительно-насмешливую коннотацию, знакомую еще с советских времен. И таких примеров в этом крохотном тексте несколько. Мне вдруг захотелось «перевести» инвективу в нейтральные языковые волны – допустив, что все рассказанное было чистой правдой.

«Вначале священник поинтересовался у меня: как часто усопший ходил в церковь? когда последний раз исповедовался, когда причащался? Потом рассказал о том, как полезно ходить в церковь. Потом быстро отслужил, после чего объяснил, что должен уходить, так как ему еще нужно успеть на совещание. Пахло ладаном, я был, словно оглушенный, хотел попрощаться с отцом, постоять у гроба, но священник торопился, он отвел меня в боковой придел, чтобы я рассчитался с ним за его труд. Пачку пяти тысячных банкнот, которую я ему дал, он положил между страниц Библии и, спрятав книгу в подрясник, уехал».

Суть осталась прежней, однако обратите внимание – монтируется ли этот нейтральный текст с оглушительным выводом «Воистину оскорбить чувства верующих может только одна организация – РПЦ»? Конечно же, нет. Потому что автор никак не может быть причислен к числу верующих, а стало быть, чем его может оскорбить хоть «поп», хоть священник, хоть вся РПЦ в целом? Это очевидно и во время чтения первоисточника, но там издевательский ильфо-петровский тон подготавливает сознание читателя к приему главной пилули – пафосного вывода. А в отредактированной версии такой вывод – как гром среди ясного неба. Да, священник попросил рассказать об усопшем. Да, посоветовал чаще бывать в церкви – но это ведь его прямая обязанность. Да, он торопился...

Остальное, однако, больше напоминает вымысел.

Ни один священник – даже если очень захочет «сократить» чин заупокойной литии – не сведет ее к чтению «Отче наш» и «Богородицы». Скорее всего, это единственные молитвы, которые были известны самому автору и которые он смог «уловить». Далее – целая поэма скрывается за словом «дополнительная оплата». Тарифов, как известно, нет, каждый дает, сколько может... И, наконец, засовывание пачки денег в Библию – это уже вообще что-то из атеистических карикатур советского времени. Поп с Библией – и из нее торчат деньги! Да и Библии в подряснике православные священники не таскают: ни на совещания, ни на требы.

«Корыстолюбцы и циники!» – вопиет автор. У человека страшное горе, а «поп» вопросы стал дурацкие (с точки зрения автора) задавать, лекции читать, пробормотал какие-то молитвы наскоро да и заторопился, денег еще взял. Вот тебе и утешение, и сострадание, и милость Божия, и успокоение сердца.

И невдомек автору, что вопиет он самому себе. А церковь, религия и Господь Бог тут вовсе ни при чем. Легко ругать священников и Церковь снаружи. Не зная обрядов и традиций, не будучи человеком воцерковленным, судя по всему, вовсе не веря в Бога. Конечно, право критиковать есть у каждого. И священники бывают разные. Но ведь если нам не нравится врач, зачем же катить бочку на медицину?

Все мы такие нежные. Души наши – как цветочки. Священник торопился и взял деньги. Ужас! И это вместо... А вместо чего, собственно? И почему он – должен? Церковь – вообще серьезное заведение, которое требует работы, в первую

очередь от самих верующих. Жить в мире с собой и с окружающими – непросто. Это многотрудная работа. Впрочем, то же самое скажет и любой психоаналитик. Они ведь тоже не могут дать немедленного успокоения, и пациенту следует немало трудиться, чтобы справиться со своими проблемами.

Люди – и верующие, и неверующие, по-моему, сами должны печься о здоровье своей души. И в церковь идти не только в тот экзистенциальный момент, когда душа вскрыта скальпелем, когда больно, страшно и одиноко, и чувство потери затмевает ум. Вера – это осознание великой ответственности перед собой, церковью и Богом. Она редко бывает крепкой, если в ней видят лишь подушку безопасности. И уж конечно не следует ожидать в ответ на молитву, тем более случайную, немедленной милости.

А если утешение нужно прямо сейчас и сразу... Что ж, чудеса фармакологии в этом помогут, но эффект химического оглушения чувств таблетками дает последствия пострашнее «оскорбления чувств верующих».

Давайте доведем до конца логику писавшего письмо. Если бы священник вел себя по-другому – отношение к РПЦ у автора изменилось бы? Возможно. Очень милая организация, чуткие люди, сострадают на высшем уровне согласно условленному тарифу... Прости, Господи. Так чего же хотел автор? Человеческого отношения, сочувствия, сопереживания. В ответ предлагая не веру свою, не уважение к религиозным обрядам, не терпение и надежду – только деньги...

А потом из частного «лепится» общее. И человеческие эмоции закрывают суть. И человеческие лица – идею. Давайте не будем торопиться делать выводы. И постараемся нести свою ответственность самостоятельно.

«Не от нас зависит»

На вопросы ВС отвечает поэт Ирина ЕРМАКОВА

– Ирина, начну, наверное, с немного неожиданного вопроса. Если бы вас попросили подсказать, где, среди какого сонма святых искать небесного покровителя поэтов, куда бы вы указали? На гимнографов? Или на блаженных – юродивых? Или...

– Покровители, скорее всего, у каждого свои. Мне, наверное, покровительствует автор псалмов – царь Давид. Может, еще кто-нибудь.

– В этой рубрике мы беседуем с очень разными авторами: речь не столько о стиле, а о разном отношении к тому, что можно условно назвать «духовной поэзией». Для одних – это как бы закономерный выплеск их жизни в Церкви, для других – некая особая сфера, которая подпитывается, скорее, от христианских символов и образов, растворенных в литературе, культуре... Что это для вас? Или, может, стоило вначале спросить: имеет ли для вас смысл это понятие – «духовная поэзия»?

– Словосочетание – да, не слишком, на мой взгляд, удачное.

В конце восьмидесятых я работала в одном из Домов культуры в центре Москвы. Вела литературную студию и проводила вечера. Последний из проведенных мной вечеров так и назывался: «Вечер духовной поэзии». Что само по себе было в те времена крайне ново. Впрочем, переложение псалмов и библейские сюжеты тоже предполагались. Руководство Дома культуры, когда я зашла к нему подписать афишу, то есть дать отмашку кассе продавать на вечер билеты, что-то заподозрило: «А что, бывает недуховная поэзия, что ли?». Вот тут они были правы. Более того, я внутренне была с этим согласна: не бывает.

Вечер, однако, надо было отстоять. Странность названия я старалась оправдать перестройкой, прихотью выступающих поэтов и огромным количеством духовной энергии, накопившейся в народе с 1917 года. Как выяснилось позже – мне не поверили. Особенно про «накопление энергии». Дом культуры существовал при заводе, где творилось что-то железное. На заводе все еще существовал партком. А

партком, как вы понимаете, существо пронизательное. Так просто его не проведешь. Какой-то там духовностью.

Выступающих набралось человек тридцать. Вел этот «партизанский» вечер поэт Владимир Леонович. Стихи читали: Григорий Померанц, его жена Зинаида Миркина; Алла Андреева читала стихи своего мужа Даниила Андреева и так далее, и тому подобное. Когда на сцену поднялся первый человек в рясе, светящийся и сияющий, дверь отворилась и в зал вошел партком. В полном составе. Партком занял половину последнего ряда. Под балконом. Я разглядывала их спиной. Я пыталась понять их ощущения. Осознать, как для них рифмуется батюшка, читающий на сцене стихи, с названием Дома культуры – «Красный Октябрь». К чести партийного комитета завода должна признать, что они высидели весь «Вечер духовной поэзии», что скандал они устроили далеко не сразу. И что обрушился он (скандал), к счастью, исключительно на мою голову. Все-таки – 89 год. И меня выгнали из этого Дома культуры. Всего лишь.

Я и теперь уверена, что недуховной поэзии не существует. Что без присутствия Духа и поэзии бы никакой не было. Был бы просто набор слов, более или менее удачно составленный. И быстро рассыпающийся. С большей частью написанных стихов так со временем и случается. То, что великая поэзия живет тысячелетия – чудо, доказывающее присутствие в ней Духа Божьего. К каким бы временам и культурам эта поэзия ни относилась.

– Христианские мотивы, образы, темы присутствуют сегодня у очень разных поэтов. Можете ли вы назвать какие-то имена или стихи, вам наиболее близкие?

– Стихи Светланы Кековой.

– Еще один вопрос из серии «Если бы...». Если бы вам предложили назвать наиболее христианское стихотворение в русской поэзии – какое бы вы назвали?

– Оду Державина «Бог».

– В ваших стихах конца 90-х – начала двухтысячных христианские мотивы были еще переплетены с мотивами античными, дохристианскими. Как писала Евгения Вежлян в рецензии на ваш «Улей» (2008): «Христианское, древнегреческое – Пасха, Дионисии – перемешаны в ней». В стихах последних лет, на мой взгляд, христианские мотивы звучат сильнее и «отдельнее». Это какой-то сознательный поворот – или вы не задумывались специально над этим?

– Думаю, специальных поворотов в поэтической жизни автора быть не может. Не от нас зависит. А вот при составлении очередной книги стихи в нее отбираются сознательно и очень тщательно: в соответствии с идеей, в книгу заложенной. В «Улье» так и получилось: христианские и дохристианские образы переплетаются, уплотняя сюжет книги, хотя ощущение отдельности христианства было во мне всегда.

«Не от нас зависит»

– *Вопрос немного в сторону от темы... Вы – один из немногих сегодня «чистых» поэтов: не пишущих при этом прозу, эссеистику. Не тянуло попробовать себя в этом качестве?*

– Эссеистика время от времени все-таки пробивается сквозь стихи. Видимо, это неизбежно.

– *Ирина, вы живете в московском Коломенском – и оно очень часто присутствует в ваших стихах. Но при этом в них нет – или я просто не встретил – символа Коломенского, церкви Вознесения. Это какой-то сознательный шаг – вроде естественного для многих авторов нежелания писать о «достопримечательностях», туристически «замыленных» местах?*

– Коломенское люблю очень. Церковь Вознесения – один из главных «героев» эссе о прогулке в Коломенском. Оно должно появиться в одном из грядущих номеров журнала «Октябрь».

– *Вы довольно много переводите, в основном современных поэтов: грузинских, татарских, украинских... А кого из не-современных вы бы хотели перевести?*

– Всегда мечтала переводить античную поэзию. Ивика или Овидия. Надеюсь еще успеть.

*

Лето Господне. Луч на плече. Жара.
(воздух течет – хоть выжимай платье)
В доме радость – гостя! переполох с утра:
– Знаешь, Маша, ты мне теперь сестра.
– Все мы сестры!
– Некоторые – братья.

Их тела прозрачны. Тени прошиты светом.
Каждая – носит в себе сына.
– Человек – это глина.
– И дух!
– Дух и глина.
(сыновей убьют – но они не знают об этом)
Они болтают, пьют лимонад, смеются.
(о Утешитель всех сокрушенных сердцем)
Кудри одной морем червонным льются.
Косы другой – крупная соль с перцем.
– Лиза, смотри, какие вчера браслеты
Подарил мне Оська – яхонт на изумруде!
(легкость моя – летняя легкость где ты)
Солнце на крыше, что голова на блюде.

Тень на стене сложилась крестообразно.
На столе лукум, орехи, гроздь винограда
в каплях розовых, луч в разломе граната.
Чудятся дальние громы, а небо ясно.

Первая – девочка. Вторая – почти старуха.
Над головами их по горящей сфере.
– Слушай, Маш, а он... он тебе верит?
Верит Иосиф, что... от Святого Духа?

Что такое две тысячи лет?
Глоток лимонада.
Миндаля ядрышко в сахарной пудре липкой.
Две слепых минуты.
И темная ночь над зыбкой
(сумки-шуба-шапки-валенки – из детсада
на руках – ангина – градусник на пределе
человек – дух дух дух – дух и глина
скорая – заблудилась где-то в метели
Боже – не оставляй моего сына).

Усмехнулась Мария. Сияет Елизавета.
Луч сломался. Тени подсвечены снизу.
Тонет солнце за кровлями Назарета.
И рождается Свет. Но прежде – Свидетель Света.

Красноглазый голубь разгуливает по карнизу.

дурочка

на молитву поднялся царь а в глазах темно
то ли Божий страх теснит то ли Божий стыд
мысли спутались в узел надо рубить окно
Господи Боже сил будь мне щит

сердце чисто во мне созижди дух укрепи
пощади-помилуй Предвечный царство мое
им Отечество – что ледовая пыль в степи
сколь дубин сломал о хребты а кругом ворье

ишь ты как шипят за спиной: велик осударь
мы и сами себе царь и тебе оплот
не стращай ты нас не кошмарь
всю бы тварь в расход
ничего никто а дел-то невпроворот

и по всем рубежам державы рычат враги
должно спать вполглаза-вполуха строить флот
рассеки эту хмарь Господь эту темь прожги
запали светило Свое растопи лед
яко прах пред лицом ветра врагов развей
взвесели мне сердце о милости Твоей

вскинул голову: туча вскрылась глядит звезда
подмигнула дурочка и горит одна
дык и я сам-один а со мной моя беда
а за мной моя страна а во мне война

жжет звезда прожигает: время окно рубить
время крепче впрячься и закусить удила
и тащить и тащить ять и фейсбук учредить
дабы каждого дурость как есть видна была

семушка

Сыне Божий, помилуй меня безбрежного,
вытащи из этого сна кромешного
в ясен луг, чтобы птички-рыбки-травки,
выправи мне пути-адреса-явки

...что Он молчит? Только с тобой и дел?
Мало ли кто чего вдруг захотел?
Мало ли что там, впереди, еще?
Мало ли где горько и горячо?

Больно молчит.

Вылови и спаси!
Тут же ни сеть не поймать, ни такси,
ведь из последних сил сплю и гребу
с месяцем под косою, звездой во лбу,
в полной беде гребу среди черных льдин,
Сыне Божий, Ты ж у меня один,
я же любимый самый ребенок Твой,
дай мне проснуться, пока живой

...хриплый треск, и плеск, и хруст ледяной,
искры и тишина в голой воде,
рыбы парят в солнечной пустоте...

Это Земля, Господи, или где?

*

Душно
не спишь и ждешь
воздух тяжел недвижим
Господи даждь нам дождь
врежь по засохшим крышам
располосуй хлябь
огненными углами

Грохнул и – кап да ляп –
всхлипывает над нами

Кап – не достал земли
ляп – пересверк протяжный
чад Своих утоли
семя великой жажды
каждую тварь омой
гулкоревучим – зрячим
господибожемой –
смой всё к чертям собачьим

Звякнул по проводам
зыркнули струи-змейки
гул пошел по листьям
глине душе-жалейке

С ревом – чего жалеть –
тучный мешок распорот
свищет и хлещет плеть
ливень идет на город
тьмущую тьму кося
сущую сушь взрывая

Господи вот я вся
мокрая но живая

От жития – к сонету

В новой книге российского поэта и переводчика Максима Калинина «Сонеты о русских святых» (М.: Водолей, 2016) в форме сонета излагаются жития православных святых, с X по XIX век. «Жития» расположены с указанием дат жизни и памяти святого, в хронологическом порядке – и это единственный композиционный принцип, по которому выстроена книга. Каждое стихотворение – то ли рисунок в слове, то ли подпись под иллюстрацией в воображаемой книге.

Главная движущая сила стихов Калинина – контраст между строгой, лаконичной формой сонета и масштабом фигур и судеб подвижников. Будучи ограничен выбранным жанром и объемом, поэт вынужден искать наиболее емкие и выразительные средства для передачи духовного содержания. И в этом смысле «Сонеты» в некоторой степени близки иконописи.

Вдоль Вишеры прошли с недоброй целью
Разбойники – отточен кладенец
У каждого. Глядят: святой отец
На маленькой поляне ладит келью.
Воскликнул старец к общему веселью:
«Бревешко мне закинем на венец?!
За толстый – я, за тонкий – вы конец».
Из чаши тянет сумраком и прелью.

Разбойники взялись за дело, но
Ни на вершок не сдвинулось бревно,
А старец постоял и в одиночку
Бревно на стену поднял без труда.
Споткнулось зло об чудо, как об кочку.
Злодеи – прочь, не вышло б им вреда.

(«Преподобный Савва Вишерский»)

В некоторых случаях отчетливо видно, что агиография не помещается в 14 строк, выпирает за рамки сонета. А восприятие затруднено слишком тесным, не-

естественно сжатым синтаксисом. Иногда это вынуждает автора расширять текст до двух и более сонетов, иногда – загромождать пространство стиха репликами героев, односоставными предложениями и спондеями:

Велесом все запуганы в Ростове.
    Аврамий раз под идолом сидел,
    Молясь о прекращенье злых дел.
Случился мимо старец, зримый внове.
«Откуда?» – «Из Царьграда». Наготове
    Вопрос: «Как быть? Совсем злой дух заел».
    «В восточный, отче, потеки предел.
Обращешь в Иоанне Богослове...»

(«Преподобный Авраамий, архимандрит ростовский»)

В основу других сонетов, напротив, положен один эпизод из жизни святого, который не отражает в полной мере его образ и характер и вполне мог бы уместиться в каких-нибудь два катрена.

Отдельно стоит отметить язык «Сонетов». Он изобилует старославянизмами и максимально приближен к языку житий, как в авторской, так и в прямой речи (которой, впрочем, в книге Калинина чуть больше, чем способен принять в себя сонет без ущерба для просодии). Лишь изредка спотыкаешься о недопереведенные с современного русского анахронизмы: «в центре внимания», «рейд», «в согласье с планом», «сюжеты для сказаний»...

Всего в книгу вошло более ста сонетов – труд поистине титанический. Многие из них сопровождаются подробными авторскими комментариями; в конце книги помещен словарь церковных терминов.

Как ни странно, именно в излишне скрупулезном подходе состоит одна из слабостей этой оригинальной и достойной во многих отношениях книги. Если бы автор ограничился полусотней наиболее удавшихся сонетов, замысел его был бы, думается, воплощен с большей силой и убедительностью. 123 сонета, написанные в одном размере – пятистопному ямбу Калинин на протяжении всей книги не изменяет ни разу, – одолеть не просто.

Но к лучшим из вошедших в книгу текстов хочется возвращаться снова и снова:

Подвижников медведи обижали.
    На раскорчевье вырос огород,
    А вскоре – замычал рогатый скот.
Но страхами полны лесные дали.
Корову лапы гибельные сжали,
    Арсеньева молитва – укорот:
    Ревмя взревел мохнатый колоброд –
Незримые оковы тверже стали.

«Поди, Герасим, вора посеки».
Ученику махать лозой с руки,
    В любых трудах он радостен и весел.
Не дивно ли: под розгой мишка сник,
    Земной поклон подвижникам отвесил
И скрылся, улучив удобный миг.

(«Преподобный Арсений Комельский, Вологодский»)

...Соотношение лирического и эпического начала – одна из узловых точек современной поэзии. Если в литературе предшествующих эпох лирика и эпика преимущественно разводились по жанрам, то сейчас они активно взаимодействуют и перетекают друг в друга; пропорцией между ними во многом определяется почерк того или иного поэта. Достаточно вспомнить стихорассказы Бориса Херсонского, Марии Галиной, Марии Рыбаковой... «Сонеты о русских святых» стали еще одним заметным шагом в этом направлении.

АВТОРЫ НОМЕРА

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии искусств Узбекистана с 1999 года. Преподаватель воскресной школы и работник Свято-Покровского храма в Самарканде. Живет в Самарканде.

ЕРМАКОВА Ирина – поэт. Автор семи книг стихов, переведенных на шестнадцать языков. Лауреат премий «Anthologia», «Московский счет», «Lericì Pea Mosca» (Италия) и других. Живет в Москве.

КАЛАУС Лилия – писатель, журналист, книгоиздатель. Проза публиковалась в журналах «Дружба народов», «Новая Юность», «Крещатик» и др. Участник 3-го Ташкентского фестиваля поэзии (2003 г.). Живет в Алма-Ате.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Учитель», «Узбекистан». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока». Живет в Туле.

КОТЮКОВА Татьяна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства Института всеобщей истории РАН. Живет в Москве.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – православный священник, поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Служит и живет в Минусинске.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Живет в Подмосковье.

МОИСЕЕНКО Виктор – историк, преподаватель истории и обществоведения. Работал директором школы в Сонковском районе Тверской области, заведующим методическим кабинетом городского отдела народного образования г. Сырдарья. Живет в Ташкенте.

НЕЧАЕВА Ольга – прозаик. Преподаватель экономики в Национальном Исследовательском Университете – Высшей Школе Экономики. Живет в Москве.

ПЕРНБАУМ Алексей – кандидат физико-математических наук, переводчик святых отцов. Староста Вознесенского храма села Еремеева Истринского района Московской области. Живет в Москве.

ПРОЗОРОВА Nicoletta – историк, искусствовед. Работала в Музее искусств Узбекистана. Живет в Ташкенте.

СТЕКЛОВА Татьяна – архивист. Работала в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. Живет в Ташкенте.

ТАЛАЛАЙ Михаил – историк, кандидат исторических наук. Лауреат Макарьевской премии (2013). Автор многочисленных статей в российских и итальянских периодических изданиях по истории Русской Церкви в зарубежье. Живет в Милане.

Иерей Вячеслав УМНЯГИН – клирик Соловецкого монастыря, редактор сайта монастыря, ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников».

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал единичный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются закавыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.
Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XLIII
№ 2, 2017, апрель-июнь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2017 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2017).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568